Александр Михайловский
Юлия Маркова

В ДНИ БОРОДИНА

16+

В закоулках Мироздания - 9

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

7 сентября (26 августа) 1812 года На Бородинском поле разыгрывается самое масштабное и ожесточенное сражение в истории человечества, среди тех, что начались и закончились в один день. Но на этот раз исход битвы меняют события, которым суждено увести историю этого мира далеко в сторону от Главной Последовательности. Под священными алыми знаменами в битву вступает войско Артанского князя – и теперь французы не прорвутся к Москве, а Наполеона будет ожидать совсем другая судьба. Отныне именно Российской Империи, приобретшей небывалое влияние, предстоит решать судьбы ближайших соседей.

-
- Часть 33
- Часть 34
- Часть 35
- Часть 36

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника Н.С. Самокиш. «Подвиг солдат Раевского под Салтановкой», написанной к столетию Отечественной Войны 1812 года..

Часть 33

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:05. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии* Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Примечание авторов: ** большинство людей помнят Михаила Илларионовича Кутузова как фельдмаршала, но стоит помнить, что это звание он получил как раз по итогам Бородинского сражения только 11 сентября (30 августа).*

Вот уже четыре часа длилось самое ожесточенное сражение в истории человечества. Гремели залпы орудий; от этого грохота даже распались и исчезли облака над полем битвы, но их с успехом заменили клубы белого порохового дыма, затянувшего место сражения плотной пеленой. Больше четверти миллиона солдат и офицеров сошлись на этом поле, чтобы в очередной раз решить судьбы мира. На кону стоял вопрос – быть или не быть всемирной империи Наполеона Бонапарта, ибо только Россия могла остановить очередного претендента рвущегося к мировому господству. Очередной завоеватель, опьяненный прежними победами, набрался дерзости для того, чтобы поучить русских как им жить, во что верить и кому платить подати. А дальше: «а ля гер, ком а ля гер».

Битва началась с отвлекающего удара на правом фланге савойской (итальянской) 13-й пехотной дивизии генерала Дальзона по укрепленной деревне Бородино, давшей название всему сражению. Эта деревня и так была для русской армии отрезанным ломтем, так как от основных сил ее отделяла речка Колоча. Оборонял деревню лейб-гвардии Егерский полк под командованием полковника Карла Ивановича Бистрома. Гвардейские егеря, атакованные с трех сторон вчетверо превосходящим противником, продержались на позиции около часа, после чего по наплавным мостам отошли к основным силам русской армии. Итальянцы, ободренные отступлением русских, попробовали вслед за ними перейти через Колочу, но были опрокинуты контратакой пришедшей на помощь гвардейцам 24-й пехотной дивизии и полностью истреблены. После этого смелого предприятия русских войск мосты были взорваны, и более на правом фланге французских атак не производилось.

Основной свой удар Наполеон нацелил на левый фланг русской армии, который был слабее правого (три пехотных корпуса против четырех), и позиции которого не были прикрыты

серьезной водной преградой. Первой атаке 4-й и 5-й пехотных дивизий французов из 1-го пехотного корпуса маршала Даву подверглась занимавшая Багратионовы флеши 2-я сводно-гренадерская дивизия. Оттеснив егерей генерал-майора Шаховского, занимающих Утицкий лес, французская пехота стала строиться для атаки напротив южной флеши, но попала под картечный огонь и была опрокинута и рассеяна (а на самом деле отступила для перегруппировки в тот самый Утицкий лес).

В восемь часов утра эти две французские дивизии повторили атаку, и даже сумели захватить самую южную из трех флешей, но были выбиты оттуда контратакой свежей 27-й пехотной дивизии генерала Неверовского с фронта, а также Ахтырского гусарского и Новороссийского драгунского полков с фланга. Французы отступили, понеся большие потери в живой силе; кроме того, у них были ранены оба командира дивизий – граф Дессе и граф Компан, при падении с убитого коня контужен маршал Даву, из-за чего на некоторое время управление войсками 1-го пехотного корпуса оказалось утраченным, что, в свою очередь, вылилось в беспорядочное отступление.

Одновременно генерал Багратион, верно определив направление главного удара французов, направил к флешам свои резервы. Из-под деревни Утицы на крайнем левом фланге двинулась 3-я пехотная дивизия генерала Коновницина, входившая в состав 3-го пехотного корпуса генерала Тучкова, кроме того в сторону флешей по его приказу развернулась вся вторая линия войск 7-го пехотного корпуса генерала Раевского. В результате это перегруппировки 3-й пехотный корпус, отдавший ровно половину своих сил, не смог сдержать внезапного натиска 5-го (польского) корпуса генерала Понятовского, занявшего деревню Утицы и расположенные возле нее высоты. На этих высотах сразу же разместились двадцать четыре французских орудия, что вынудило русских отступить еще на полторы версты к востоку, заняв позиции на Утицком кургане. Дальнейшие попытки панов продвинуться еще дальше успеха не имели, и на крайнем левом фланге русской армии на некоторое время установилось затишье.

Но Наполеон на этом не успокоился. Мысль пробиться через Багратионовы флеши и выйти в тыл русской армии вылилась у него в идею-фикс. Атакующие силы подкрепили три свежие пехотные дивизии из корпуса маршала Нея, три кавалерийских корпуса Мюрата, и дополнительная артиллерия. Сто шестьдесят орудий начали артиллерийскую подготовку, обстреливая Багратионовы флеши перед новой атакой. Но еще до этого Багратион запросил помощи у главнокомандующего и получил

ее. К месту решающих событий с крайнего правого фланга русской армии начал марш 2-й пехотный корпус генерала Баггаута. Одновременно Кутузов направил к Багратиону из резерва лейб-гвардии Литовский и Измайловский полки, семь полков 3-го кавалерийского корпуса и 1-ю кирасирскую дивизию.

Но Наполеон начал атаку раньше, чем к Багратионовым флешам подошли русские резервы. Решительной атакой превосходящих сил французы выбили из флешей 2-ю сводно-гренадерскую и 27-ю пехотные дивизии, раненые командиры которых были унесены с поля боя. Но не успели французы порадоваться успеху, как сами подверглись контратаке русской кирасирской дивизии, подошедшей раньше остальных резервов. Легкая кавалерия французов оказалась смята этим ударом, пехотные ряды кое-где попятились, но для решительного успеха кирасир было слишком мало, а свежая русская пехота к месту сражения еще не подошла. Поэтому русские кирасиры, после первой атаки потерявшие силу таранного натиска, были отражены французской тяжелой кавалерией с большими потерями для себя.

Привставший со своего походного стула главнокомандующий Кутузов имел возможность в подзорную трубу наблюдать, как с западной стороны, двигаясь с севера на юг, флеши обходит свежее соединение наполеоновской армии – судя по светлым, почти белым мундирам и черным киверам, это был вестфальский корпус генерала Жюно, за покорение Португалии недавно получившего титул герцога д”Абрантеса. Наверняка Наполеон поставил этому выскочке задачу, обойдя флеши с юга, атаковать тыловые позиции русской армии в селе Семеновском. Не то чтобы это была катастрофа (до такого исхода еще далеко), но все равно неприятно, когда Наполеон имеет возможность швырять на поле боя целые корпуса, а он, Кутузов, вынужден подобно старому скупердяю трястись над каждым отправляемым в бой полком.

Но тут с маршрующими в плотных походных колоннах вестфальцами стало происходить что-то непонятное. Часть солдат в рядах, обращенных к Утицкому лесу, вдруг начала падать, как будто колонны корпуса подверглись со стороны опушки – то есть из собственного тыла – неожиданному и достаточно массированному обстрелу. Стройные до той минуты ряды смешались; корпус продолжил движение в избранном направлении, но уже в форме беспорядочной толпы, каждую минуту теряющей людей под ружейным обстрелом.

Но самое странное заключалось в том, что никакого обстрела Кутузов не наблюдал. На опушке леса не наблюдалось плотных клубов белого порохового дыма (как бывает, когда

ожесточенными залпами ведут огонь постоянно сменяющие друг друга пехотные линии). Даже достаточно редкие прицельные выстрелы егерей должны были дать значительное задымление, а тут, господа, ну совсем ничего. А вестфальские солдаты тем не менее все падают и падают, пятная зеленую траву своими белыми мундирами. Сколько их дойдет до рубежа атаки – Бог весть, тем более что и русские полки тоже не спят на ходу, с каждой минутой все плотнее стягиваясь к месту прорыва.

В этот момент дежурный генерал Паисий Кайсаров вытянул руку, привлекая внимание главнокомандующего к новому событию, которое происходило еще дальше Багратионовых флешей, у самой границы видимости, в пяти верстах от Ставки, возле деревни Утицы, лежащей прямо на Старой Смоленской дороге. А там творилось то же самое, поднятая на высоты польско-французская артиллерия подверглась с тыла уничтожающему ружейному обстрелу – и опять с опушки леса, и опять без единого дымка. Артиллерийское расчеты попытались развернуть свои пушки к лесу, но поляки-артиллеристы явно умерли раньше, чем сумели это сделать. Несколько ударов сердца – и вот из леса вышли неровные цепи тех, кто это сделал. Одетые в коричнево-зеленые мундиры, незнакомцы были почти незаметны на фоне травы и листвы. Будто это кусты вышли из леса прогуляться по лужку. Быстрым шагом солдаты неизвестной армии двигались в сторону разгромленных вражеских батарей на гребне высот.

Но это было не все. Вслед за солдатами, которых можно было разглядеть, только зная, что они там точно есть, из лесу такой же неровной шеренгой вышли… кони. Они догнали пехотную цепь – и тут каждый из солдат вскочил в седло, оборотившись кавалеристом, и почти сразу же над неровной конной шеренгой развернулось и затрепетало знамя чистого алого оттенка. На гребне высот неизвестные солдаты снова спешились, и, более того, по-казачьи уложили своих коней на землю, укрывшись за ними как за миниатюрными редутами. И вовремя – полки Понятовского, перестреливающиеся с солдатами корпуса Тучкова, поняв, что за спиной у них происходит что-то не то, развернулись для того, чтобы решительным натиском выбить неизвестных со своих бывших позиций и снова овладеть пушками.

Но незнакомцы не испугались. В общем-то, их можно было принять за ополченцев (которых ради экономии обмундировывали в такие же малозаметные серо-коричневые армяки и картузы), но только ополченцами от этих солдат и не пахло. Сам с двенадцати лет находившийся на службе, Кутузов понимал – для того, чтобы ТАК овладеть воинским искусством,

этому надо посвятить всю жизнь.

Тем временем поляки, прошагав половину расстояния, отделяющего их от высот, вдруг начали падать, как росистая трава на утреннем лугу, подрезаемая косой. И только несколько мгновений спустя сквозь шум битвы до Ставки донесся раскатистый и звонкий голос этой «косы смерти», к которой тут же присоединились ее товарки: «тра-та-та-та-та!»

В двухстах шагах от позиций залегших незнакомцев громоздился вал из людских тел, убиваемых с безжалостной ловкостью. Поляки отхлынули было назад, но там находились позиции русских гренадер из 1-й сводно-гренадерской дивизии. Тоже верная смерть, если дойдет до рукопашной. Поставленные в два огня польские жолнежи кинулись на север, по большому кругу обходя утицкие высоты. Беспрерывное татаканье стихло (или его снова заглушили звуки обычной битвы), и Кутузову оставалось только гадать о том, что это было, и кто этот дерзкий смельчак, который, не объявляя своих намерений, умудрился разгромить корпус Понятовского и преизрядно ощипать вестфальцев.

– Паисий Сергеевич, – обратился он к генералу Кайсарову, – распорядитесь, пожалуйста, чтобы в эту Утицу послали парламентера в штаб-офицерских чинах и потолковее. Думаю, что нам предстоит узнать немало прелюбопытных вещей.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:15. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Утица.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Портал в мир тысяча восемьсот двенадцатого года открылся через двадцать восемь дней после того, как мы закончили стабилизацию линии 1730 года. Чем ближе мы поднимаемся к нашему родному миру, тем медленнее наполняются энергией каналы, связывающие миры между собой. А может быть, дело в так называемом «мертвом кармане», в который попал мир 1730 года из-за энергетического истощения, вызванного бурной военной и реформаторской деятельностью Петра Великого, на которую наложилась так называемая «война за испанское наследство». Впрочем, когда мы появились в том мире, все войны в основном уже закончились, остались только их последствия, вынудившие основных политических игроков в силу общего истощения вести себя потише.

А может, это Отец Небесный собственноручно попридержал лошадей, чтобы у нас появилась возможность хоть немного

отдохнуть после боев и походов, заняться собой и своими близкими… Как-никак наш рейд длится уже семнадцать месяцев, и гаврики Птицы, которые в самом начале были совсем детьми, уже почти полностью превратились в юношей и девушек. Заматерел и оброс мышцами подобранный в этом мире готский мальчик Ув – и ведь не скажешь, что ему нет еще и шестнадцати лет. Горячей штучкой стала удочеренная Птицей аварская полонянка Асаль, и Птица ждет не дождется момента, когда ее можно будет выдать за князя Глеба Ярославича, младшего брата Александра Невского. В нашей компании девка созревает буквально на глазах, и на то, как она с бешеным темпераментом отплясывает на вечерних танцульках, заглядываются многие вполне взрослые дяди, подтверждая истину: «седина в бороду, бес в ребро».

Таким образом, эти двадцать восемь дней дали возможность заняться теми делами, которые из-за непрерывных войн и горячки политических интриг все время откладывались мною «на потом». Одним словом, провели мы эти дни всей своей компанией в мире славян, где на высоком берегу Днепра, прямо над кручами, для меня и моих близких были срублены роскошные деревянные терема, а по календарю шел август пятьсот шестьдесят второго года от Рождества Христова. Самое благодатное время. Жара; вода в Днепре мало что магическая, да еще теплая как парное молоко, пейзане убирают урожай, от которого ломятся амбары. Жирный чернозем, до того ни разу не знавший плуга, в первый же год полыхнул огромным урожаем. Издалека на полях видны не обмолоченные еще снопы пшеницы, ржи, овса и, самое главное – огромные бурты картошки, которую предстоит частью заложить на хранение, а частью поставить для пропитания войска.

И войско это тоже пришло вместе со мной из мира Содома, привольно раскинув полевые лагеря в окрестностях града Китежа. Далеко не все степи еще были распаханы, так что места для размещения войск и выпаса боевых и походных коней хватало. У четверти лилиток первого призыва из кавалерийских полков, которым в качестве поощрения* за отличие в боевой и политической подготовке разрешили забеременеть в первую очередь, в заспинных рюкзачках-слингах уже вовсю пищали младенцы… Первые остроухие, рожденные на воле и не знающие никакого принуждения, кроме обычной воинской дисциплины и правил общежития в большом и разнородном коллективе. Видел я этих детишек. Если не считать остреньких, торчащих вверх ушек – нормальные такие, симпатичные младенцы, поровну мальчики и девочки. А это значит, что заклинание, снимающее с остроухих проклятие рожать только девочек, действует успешно.

Примечание авторов: ** у бойцовых лилиток желание продолжить свой род – это своего рода идефикс, одно из главных прав свободной воительницы. Но так как бойцовые лилитки – существа разумные, понимающие, что в первую очередь важна боеспособность войска, а уже потом будут обеспечены их личные права. Поэтому они согласны продолжать свой род по очереди в соответствии со своими личными заслугами и решениями начальства.*

И вот теперь по утрам на берегах Днепра можно было наблюдать, как высокие и мускулистые остроухие матери, полностью обнажившись, купают такое же голенькое потомство в струях магической воды, вытекающей из-под днепровских порогов. Зрелище, надо сказать, наполнено эротизмом такой силы, что от него способны потерять голову не только несовершеннолетние недоросли, но и мужи постарше с сединой на висках и в бороде. Кстати, нередки были случаи подсматривания за купающимися в Днепре лилитками и амазонками из кустов – как со стороны представителей мужской части нашего войска, так и местными пейзанами. Но горе вуайеристу, если он будет застигнут воительницами за этим занятием. Не миновать ему тогда принудительного раздевания догола хохочущими двухметровыми красотками и такого же принудительного купания в тепленькой днепровской водичке. И в то же время любой мужчина, который, не скрываясь по кустам, открыто наблюдал за этими дикими пляжами, не привлекал к себе со стороны воительниц никакого внимания. Пусть стоит и смотрит, если хочет, а не подкрадывается в кустах аки тать.

По-настоящему (то есть если не считать краткосрочных наездов) мы не были в этих местах около года. Поэтому народ, соскучившийся по своему Великому князю, буквально повалил валом, и встреча князя с войском за пару часов вылилась в импровизированный общенародный праздник. И ведь вроде Добрыня с Ратибором справляются со своими обязанностями; по крайней мере сколь-нибудь серьезных недочетов я у них не заметил. Зимой они со свежеобученным войском сходили через степи на Днестр, и немного, как тут говорят, примучили* поднестровских антов – людей буйных и плохо управляемых. Через это примучивание у Великой Артании образовалась сухопутная граница с Византией, которая тут же стала границей мира и дружбы. За набеги на дружественное государство Великий князь Артанский (то есть я) обещал карать ослушников анальной колотерапией. И, как водится, никто не рискнул проверить, блефовал я, делая такое заявление, или всерьез собрался пересажать на колья любой военный отряд, который без моей

воли вторгнется на территорию Византии.

Примечание авторов: * примучить (славянское) – то есть присоединить или подчинить с применением военной силы.

Благодаря этому моему ходу, император Кирилл смог приступить к перегруппировке сил, чтобы сосредоточить ударный кулак против Персии. Ох, не завидую я персам. Ведь против них в одной упряжке выступят омоложенные Нарзес и Велизарий. И, кроме того, в византийской армии произошла реформа тяжелой кавалерии. Катафрактарии, получившие глубокие седла со стременами, превратились в полноценную рейтарскую конницу, грамотно организованные соединения которой в эти времена способны сметать с лица земли любого врага. В византийскую пехоту теперь предпочитают нанимать оставшихся не у дел славянских воев. Они сильны духом и телом, неукротимы и обладают яростным темпераментом, благодаря чему таранный удар фаланги этих недоберсерков мало уступает копейному удару панцирной конницы.

Побывал я и в Константинополе. Императрица Аграфена стала еще краше и умнее, а император Кирилл – еще смазливее и пронырливей. Кстати, порфироносная чета похвасталась маленьким крикливым комочком по имени Роман Порфирородный. Оказывается, лечение от старости, которое провела Лилия, затронуло не только внешность пациентки, но и восстановила такую глубинную функцию женского организма, как деторождение. Впрочем, этим визитом в Константинополь деловая часть моего пребывания в Мире Славян завершилась, и я вместе со своими друзьями и подчиненными предался активному отдыху на природе. Надо же было набраться сил перед грядущими битвами за улучшение вышележащих миров.

Но, несмотря на месячную задержку, в мир 1812 года мы попали почти вовремя – то есть портал открылся прямо в день Бородинской битвы, в восемь часов утра по местному времени, на несколько километров южнее места основных событий. По крайней мере, орудийная канонада до нас с северной стороны доносилась вполне отчетливо. В составе обеих армий имелось более тысячи пушек, и теперь, в разгар сражения, они садили в неприятеля непрерывными залпами, сливающимися в тяжелый низкий гул. Из-за огромного количества сгоревшего черного пороха с нашего места было видно, что над бородинским полем повисла сплошная сизая дымная вуаль, медленно сносимая ветром. Кстати, очень хорошо, что нас вынесло к югу, а не к северу от основного места событий. Именно на южном фланге битвы Наполеон наносил главный удар, именно там уже два с половиной часа русские войска отчаянно сражалась с

наседающим численно превосходящим врагом.

При этой мысли я почувствовал, как полностью расправляется, приходя в боевое положение, энергооболочка бога справедливой оборонительной войны, как подключаются дополнительные энергоканалы, как наливается силой рука, лежащая на рукояти меча Бога Войны, как остро и непосредственно начинают ощущаться готовые к восприятию боевого приказа Верные. Пожалуй, такого я не чувствовал даже тогда, когда мы громили орды Батыя и останавливали вторжение панцирных гусар гетмана Жолкевского. Чем выше лежит мир по временной шкале, тем больше личного чувства я вкладываю в его оборону от вторгшегося врага.

Энергооболочка послушно развернула перед глазами схему битвы с указанием направления основных ударов Наполеона, маршрутами и сроками подхода русских резервов. План сражения созрел моментально. Конно-егерский корпус, первым сформированный из бойцовых лилиток в мире Содома, выдвигается прямо вперед и в Утицком лесу наносит удар во фланг атакующим армию Багратиона 5-му и 8-му корпусам французской армии. Цель этого удара – прикрыть фланг Багратионовых флешей и сократить линию соприкосновения русских и французских войск, что должно высвободить русскому командованию для дальнейших операций одну пехотную дивизию и несколько казачьих кавалерийских полков. Ну и, соответственно, значительно уменьшит силы Наполеона, потому что после обучения егерским премудростям воительницы стали не только превосходными всадницами, но и отличными егерями.

После того как конно-егерский корпус прошел портал и, развернувшись подивизионно в три цепи, выдерживающие дистанцию в пятьдесят метров, через лесной массив двинулся вперед, настала очередь танкового полка подполковника Седова. Трем танковым батальонам вместе с конно-механизированным разведывательным батальоном капитана Коломийцева по ведущим в обход просекам предстояло выдвинуться в район Головино-Рогачево-Ельня и отрезать французской армии путь отхода на запад, сыграв роль наковальни. Кое-кто из французов через этот заслон, безусловно, проскочит, но армией этот человеческий фарш, воочию увидавший Бич Божий, уже никогда не будет.

Капитану Коломийцеву я лично поставил задачу взять Бонапарта живым и максимально неповрежденным. Костяк его разведывательного батальона составляла бывшая разведрота танкового полка, пополненная такими дикими оторвами-амазонками, по сравнению с которыми сама Артемида казалась

скромной домашней пай-девочкой. Не завидую я охраняющим Бонапартия Старым Ворчунам – быть им битыми молодыми девками. Кстати, Артемида, нашедшая свою любовь в батальонном замполите старшем лейтенанте Антонове, также выступила в поход за шкурой Бонапарта в качестве заместителя командира разведывательного батальона.

Артиллерийский дивизион танкового полка по моему плану разворачивался на позициях у портала, ибо дальнобойности у его самоходных орудий на накрытие целей на бородинском поле хватало с лихвой. Также у портала развертывались находящиеся в резерве первый, второй и третий пехотные легионы, на данный момент вооруженные аналогами однозарядной винтовки Бердана и бронзовыми репликами четырехфунтовки Круппа. Не думаю, чтобы эти части понадобились мне в ходе Бородинского сражения, но, как говорит генерал от инфантерии светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, «резервы должны быть оберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит ещё резерв, не побеждён». В любом случае запас карман не тянет. Выучка у моих пеших легионеров вполне соответствует лучшим местным войскам, вооружение на две головы лучше, так что эти тридцать тысяч почти исключительно мужского контингента, набранные в мирах Славян, Батыя и Смуты, в случае чего смогут решить дело в нашу пользу.

Сам я выступил вместе с кавалерийским корпусом, ибо в остальных местах должны были справиться и без меня; а вот в точке соприкосновения моей и русской армии без капитана Серегина (который по совместительству Великий князь Артанский и Бич Божий) обойтись будет нельзя. Сначала было полтора часа пешего марша через лесной массив. Лошадей коноводы вели позади третьей цепи; точнее, умные животные сами шли следом за хозяйками. В первую цепь меня не пустили – рылом не вышел, зато во второй место для меня и моего штаба нашлось. Разумеется, со мной были и мои юные порученцы – Митя-Профессор, Дима-Колдун, Ася-Матильда и Ув, который просто Ув. В состав команды рвалась Асаль, но я ее не взял – с самого начала эта девка была слишком непредсказуемой и неуправляемой, не то что дисциплинированные Птицыны гаврики.

Пеший марш закончился, когда цепи моих воительниц сразу на протяжении полутора верст вышли на пересекающую Утицкий лес Старую Смоленскую дорогу, по которой в тот момент двигалась польская кавалерия 5-го французского корпуса генерала Понятовского. Несмотря на то, что мои воительницы были пеши, а паны восседали на конях, польских жолнежей ждало

немедленное и стремительное уничтожение. Свидетельством скоротечного и ожесточенного боя с нашей стороны был только частый перестук прицельных выстрелов при полном молчании моих воительниц, а со стороны противника – предсмертные крики и вопли ужаса людей, решивших, что их атакуют лесные демоны. Лилитки и в своем исходном виде выглядят несколько угрожающе, а уж в полной боевой экипировке, с раскрашенными маскировочным гримом лицами и вовсе способны навести на врага леденящий ужас. В результате из польских улан спаслись только те, которые, находясь в авангарде или арьергарде колонны, нахлестывая в панике коней, бросились прочь от места побоища. И то спасающего свою жизнь пана в спину вполне могла настигнуть остроконечная пуля, выпущенная вдогон из супермосина.

После разгрома польской кавалерии половина сил под моим командованием развернулась направо для удара в тыл основным польским силам, а вторая половина под командованием полковника Половцева продолжила движение на север и вступила в бой с гвардейскими вестфальскими егерями, прикрывающими со стороны леса правый фланг 8-го вестфальского корпуса генерала Жюно. И хоть в искусстве лесных схваток вестфальские егеря наголову превосходят спесивых польских панов, а их зеленые мундиры даже в какой-то мере способствуют маскировке, бой со спешенными бойцовыми лилитками они проиграли вчистую. В результате вражеские егеря частью были истреблены прямо в лесу, а частью вытеснены за опушку на открытую местность и расстреляны уже там. Достигнув этого успеха, полковник Половцев развернул стрелковые цепи вдоль опушки и, не применяя пулеметов, из-под прикрытия лесного массива открыл уничтожающий прицельный огонь по марширующим в обход флешей вестфальским пехотным полкам, которые, в отличие от егерей, были одеты в белые мундиры и являлись прекрасными мишенями для моих воительниц.

Тем временем правый фланг под моим командованием ударом с тыла захватил польские артиллерийские батареи, после чего покрестил пулеметным огнем бросившихся в штыковую контратаку пеших польских жолнежей, до того занимавших позиции километром восточнее. В результате понесшие большие потери польские полки бросились обратно, но там их плотными залпами встретили русские гренадерские полки, решительным шагом двинувшиеся на сближение с противником. А чего бы им не двигаться, когда командиру 1-й гренадерской дивизии генерал-майору Строганову даже невооруженным глазом было видно, сколько польских жолнежей осталось валяться на зеленой

траве после странного татаканья со стороны отбитой нами батареи на холме. Некоторые вражеские батальоны скосило под корень, словно косой, а другие, которым повезло более, уменьшились в составе наполовину или даже втрое. Поняв, что они попали между молотом и наковальней и что их сейчас начнут убивать без всякой жалости, поляки неуправляемой толпой бросились из этой западни на север, во фланг и тыл бою, как раз в этот момент кипевшему за багратионовы флеши. Там они в упор нарвались сначала на убойный картечный залп русской конной батареи, срочно развернувшейся поперек позиции, а потом – на штыковую атаку двух свежих пехотных полков, которые истребили мечущихся в панике панов до последнего человека.

Тем временем русским войскам в очередной раз пришлось оставить флеши настырным французам под командованием знаменитого маршала Нея и прибившимся к ним изрядно потрепанным вестфальцам. Но это была Пиррова победа – она вела французов прямым путем к поражению. Дело в том, что в результате действий в Утицком лесу моего конно-егерского корпуса наполеоновская армия понесла серьезные потери, а французские войска, занявшие флеши, оказались охвачены с трех сторон сразу. На западе и юго-западе от них были мои воительницы, занявшие позиции по опушке Утицкого леса, на юго-востоке и востоке – отброшенные из флешей русские войска и подходящие им на помощь резервы, которые вот-вот должны были броситься в контратаку. Сами атаковать войска Нея не могли (для этого у них, истощенных штурмом флешей, было недостаточно сил), отступить в порядке – тоже, потому что для этого надо было пройти через уничтожающий фланговый огонь с опушки Утицкого леса. Теперь следовало ожидать двух вещей. Во-первых – парламентера от Кутузова. Во-вторых – чего такого особо умного попытается в условиях цейтнота буквально на коленке выдумать милейший Бонапартий, который пока еще не знает, что в тыл ему уже уверенно прокрадывается большой трындец, а его резервы в любой момент могут быть накрыты уничтожающим огнем восемнадцати 122-миллиметровых самоходных гаубиц…

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:25. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Шевардино, Ставка Наполеона.

С кургана у деревни Шевардино, где расположилась Ставка Наполеона, было невозможно увидеть* те события, которые происходили на крайнем правом фланге французской армии за Утицким лесом. Вследствие этого император долгое время

находился в блаженном неведении по поводу уничтожения 5-го польского и разгрома 8-го вестфальского корпусов его Великой Армии. Из-за отражения звуков от склонов Утицкого холма он даже не расслышал пулеметных очередей, заглушенных шумом битвы и канонадой сотен орудий. Единственное, что было доступно взглядам Наполеона и его свиты – это штыковая атака двух подошедших из резерва русских пехотных полков, что ударили по ненаблюдаемому от Шевардина неприятелю. Было очевидно, что русские одержали над противником победу, но оставалось неизвестным, какую именно часть Великой Армии они атаковали. К югу от русских позиций у багратионовых флешей могла находиться только часть сил корпуса Понятовского, но Наполеон не понимал, каким образом там оказались польские части, ведь пятому пехотному корпусу, имеющему целью совершить глубокий обход русской армии, предписывалось действовать значительно южнее, в районе деревни Утицы.

Примечание авторов: ** Курган, где сначала располагался Шевардинский редут русской армии, а потом разместилась Ставка Наполеона, имеет высоту 224 метра над уровнем моря. Деревня Бородино (с которой началась битва) на левом фланге французской армии расположена на отметке 195 метров, курган батареи Раевского имеет отметку 218 метров, а багратионовы флеши находятся на отметке 210 метров. То есть обзор на основное поле боя у Наполеона был прекрасный. В то же время между Шевардинским курганом и деревней Утицы, также расположенной на отметке 224 метра, находится поросшая лесом возвышенность с отметками гребня 240-245 метров, к которым следует добавить еще как минимум 10 метров высоты деревьев. Не наблюдается с вершины Шевардинского кургана и холм возле деревни Утица, на котором дивизионный генерал Понятовский расположил свою артиллерию, потому что высота вершины этого холма составляет только 232 метра.*

Неведение Императора нарушил офицер в изодранном белом мундире вестфальских армейских кирасир, ворвавшийся на Шевардинский курган на загнанном до изнеможения коне. Сам он был бледен и чрезвычайно возбужден.

– Сир! – вскричал он, спрыгивая с седла, – мы разбиты! Герцог д`Абрантес убит шальною пулей в сердце, остатки корпуса отошли от этих чертовых флешей на исходные позиции. Мы храбро дрались, но смертные не могут противостоять ополчившимся против них демонам!

Выкрикнув эти слова, вестфальский офицер покачнулся и, теряя сознание, стал сползать, скользя спиной по конскому боку. И только тут Наполеон, а также окружавшие его генералы и

офицеры, увидели, что кираса гонца в двух местах зияет странно маленькими аккуратно-круглыми дырочками, совсем не похожими на те рваные отверстия, которые проделываются в стальных кирасах ружейными и картечными пулями. Еще одна рана была на левом бедре, и толчками выплескивающаяся из нее кровь пятнала алым ослепительно белые лосины, затекая в кирасирский сапог. Вероятно, как раз одна из этих маленьких ран привела к тому, что этот офицер потерял сознание в присутствии Императора, хотя для этого могло хватить и той, что на ноге.

Примечание авторов: * *тогдашний калибр стрелкового оружия – 5-7 линий, то есть 12,7-17,78 мм, поэтому раны от пуль трехлинейного калибра, выпущенных супермосиным, кажутся наполеоновским офицерам «совсем маленькими».*

Немедленно нашлись доброхоты из адъютантов – они подхватили теряющего сознание офицера под руки, в то время как другие своими кинжалами разрезали кожаные ремешки, скрепляющие половинки кирасы на плечах и левом боку. Едва ремешки были разрезаны, все увидели, что под кирасой офицер буквально истекает кровью, хлещущей из глубокой раны в левом плече, удивительно кровоточивой при столь малом калибре оружия, поразившего офицера. Еще одна – даже не рана, а глубокая царапина – имела место на правом боку. Пуля пробила кирасу и вскользь царапнула по мягким тканям бока, не вызвав особых повреждений, кроме обильного кровотечения. Но на белом кирасирском мундире расплывающееся алое пятно выглядело страшно.

– Врача! – выкрикнул тем временем Наполеон, – врача моему храброму офицеру, пролившему свою кровь за Францию!

Главный хирург французской армии Доминик Ларрей, чей полевой лазарет располагался прямо у подножья кургана, тотчас появился, будто чертик из табакерки. Хирург нашего времени не нашел бы в раненом никакого особого случая. Жизненно важные органы не задеты, все пули прошли через мягкие ткани, поэтому следовало бы лишь извлечь пули, очистить рану, остановить кровь, а ее обильную потерю компенсировать переливанием крови, или, в крайнем случае, вливанием физраствора. Потом – укол противостолбнячной сыворотки и антибиотика, укутать получше, и пусть спит. И через месяц при надлежащем лечении герой мог бы снова совершать подвиги, пьянствовать по трактирам и портить неосторожных девок. Возьмись за его лечение Лилия или Дима Колдун, методика была бы той же, только вместо переливания крови имело бы место обильное питье состоящее из разведенного красного вина с медом, а вместо противостолбнячной сыворотки и антибиотика – заклинание

регенерации. При достаточном уровне магии герой снова приступил бы к своим художествам уже через десять дней. Но Доминик Ларрей посмотрел на раненого с хмурым видом, покачал головой и тяжко вздохнул.

– Я ничего не могу гарантировать, сир, – тихо сказал он Наполеону, – жизнь этого человека находится в руках Господа. Дабы избежать Антонова Огня и наверняка спасти жизнь этого храброго офицера, следует провести ампутацию* раненых руки и ноги, но все ранения находятся слишком высоко, чтобы эти операции были возможны.

Примечание авторов: ** в те далекие, почти былинные времена хирурги верили, что от Антонова Огня, то есть общего сепсиса, может спасти только ранняя ампутация поврежденной конечности. В случае же если это было невозможно, то и прогноз на выживание раненого был отрицательным. Так, промучившись с месяц, несмотря на все старания врачей, от раны осколками ядра в бедро и живот умер русский генерал Петр Багратион.*

– Делайте все, что в ваших силах, Доминик, – так же тихо ответил Император, – как говорит мэтр Корвизар, лечите симптоматически. В первую очередь извлеките пули, остановите кровотечение и приведите этого офицера в чувство. Он обладает очень важными сведениями и нельзя допустить, чтобы они умерли вместе с ним. Ну а потом – действительно, все в руках Божьих. Если Господь захочет, этот офицер поправится, а не захочет, то умрет.

– Я Вас понял, сир, – склонил голову мэтр Ларрей, – и сделаю все, что в моих силах. Я не гарантирую этому молодому человеку жизнь, но могу обещать, что он будет в состоянии говорить.

– Этого будет достаточно, Доминик, – кивнул Император, – но помните, что вам следует поторопиться. На поле боя происходит что-то непонятное, а этот офицер – один из тех, кто может приподнять завесу тайны над всем этим.

Едва хирург отошел, чтобы заняться ранеными, как один из адъютантов императора, вытянув вперед руку, вскричал: «Смотрите, сир, какой ужас!». Наполеон вскинул к глазу свою подзорную трубу и узрел, как французская артиллерия, которая вновь принялась обстреливать оставленные французами флеши, вдруг попала под уничтожающий обстрел со стороны северной опушки Утицкого леса. И снова, как император ни всматривался в лесную опушку, он не смог разглядеть ни одного дымка от ружейного выстрела, только изредка сверкающие неяркие вспышки. К тому же расстояние от опушки до самых ближних батарей превышало триста метров, а на такой дистанции пуля обычно теряет свою убойную мощь и способна только бессильно

катиться по земле. Но тут отчетливо наблюдалось, что канониры на батареях падают один за другим, что заставляет артиллеристов прекращать огонь по флешам и пытаться развернуть пушки в сторону новой угрозы. Огонь картечью на такой дистанции малоэффективен, а обстреливать ядрами опушку леса – чрезвычайно дурацкое занятие, тем более что вести огонь могли только дальние батареи, расположенные напротив центральной позиции русских, а та артиллерия, что располагалась напротив флешей, понесла слишком большие потери в расчетах и вести огонь не имела никакой возможности.

Пока Наполеон мучительно соображал, что стоит делать в таком случае, к нему снова подошел Доминик Ларрей.

– Сир, – сказал он, – ваше приказание выполнено, этот офицер в состоянии говорить и готов поведать Вам свою историю. Но сначала гляньте, пожалуйста, на то, что я извлек из ран этого молодого человека…

Император опустил глаза и вместо нормальных круглых пуль узрел на ладони хирурга нечто весьма странное – два заостренных с одного конца цилиндрика, по диаметру примерно соответствующих дыркам в кирасе. Взяв один цилиндрик в руки, Наполеон внимательно осмотрел его со всех сторон. Вблизи этот гладкий заостренный конус выглядел еще более угрожающе, чем со стороны. Наостренный носик был слегка расплющен подобно грибку, и было понятно, почему эта странная пуля с такой легкостью пробила стальную кирасу. Кроме того, на ее боках виднелись следы прохождения через штуцерный ствол с нарезами, только Император решительно не понимал, как такую пулю можно было заколотить* в штуцер без повреждения острого носика. К тому же сделана она была не из свинца, а из какого-то сплава на основе меди.

Примечание авторов: ** до изобретения в середине XIX века деформирующейся при выстреле для вхождения в нарезы пули Минье обычные пули в нарезной ствол штуцера именно заколачивали, поэтому скорострельность штуцеров была в несколько раз меньше, чем у фузей.*

Впрочем, ответ эту загадку не являлся сейчас для Наполеона предметом первой необходимости. Его армия воевала с врагом, массово использующим подобные пули, и все, что следовало о них знать – это то, что летят они очень далеко и что от них не спасают никакие кирасы. Сначала следовало поговорить с раненым офицером и на основе полученных данных понять, что следует предпринять против этого нового врага, чтобы спасти положение армии. Раненый, тщательно перевязанный чистым полотном, лежал на расстеленной на земле собственной шинели,

с подложенным под голову ранцем. Вид его был жалок. Он не просто страдал от боли, но и пребывал в смятении и упадке от того, что ему довелось испытать – и это было сродни мистическому ужасу, первобытному страху перед неизведанным.

Примечание автора: ** и ранец, и скатка в кавалерии перевозились навьюченными на конское седло.*

– Сир… – тихо заговорил раненый, обращаясь к Наполеону; слова он произносил с трудом, то и дело облизывая пересохшие губы. – Это было ужасно. Сначала эти демоны уничтожили наших егерей, напав на них в лесу. Мало кому из них удалось спастись бегством, потому что невозможно сражаться, когда ты делаешь один выстрел, а в ответ в тебя летит двадцать пуль. Ружья этих демонов стреляют так часто, будто заряды в них возникают сами собой и их нет необходимости заряжать; кроме того, их выстрелы не оставляют после себя дыма, отчего становится неясным, откуда прилетают пули. Кроме того, говорят, что их лица зеленого цвета, а мундиры таковы, что совершенно теряются на фоне древесных ветвей, так что в лесу невозможно разглядеть ничего, кроме смутных шевелящихся теней. Уничтожив егерей, эти лесные демоны взялись за пехотные колонны и изрядно ощипали их из своих чудовищных скорострельных ружей. Складывалось впечатление, что каждый их выстрел добавляет нам раненого или убитого. Именно тогда погиб герцог д`Абрантес, а наш командир, бригадный генерал граф фон Хаммерштейн-Экуорд, приказал нам, вестфальским кирасирам, атаковать опушку леса в конном строю. Скажу сразу, сир – это был жест отчаяния с его стороны, потому что невозможно стоять на месте и дожидаться, пока тебя убьют. Под встречным ураганным огнем мы не проскакали и половины расстояния до опушки, когда стало ясно, что наша атака захлебнулась. Из тех, кто выжил, никто не остался невредим, а все поле, по которому мы атаковали, оказалось покрыто убитыми кирасирами и их конями. Умирая от ран, наш командир приказал скакать к вам и непременно доложить то, что нам удалось выяснить ценою собственных жизней. Простите нас, сир, но мы не смогли правильно выполнить наш долг и одержать победу, которую вы от нас так ждали.

«Так, – подумал император, пытаясь отогнать закравшуюся в сердце тревогу, – если лес занят этими демонами и прорваться мимо них в обход флешей с юга невозможно, то единственный способ достичь успеха – это ударить в стык между центром и южным флангом русских. Первой пойдет в атаку пехота маршала Нея – она отбросит русские части и расчистит дорогу. А потом, когда Ней пробьет в русском фронте дыру, через нее всей массой

ударит кавалерия Мюрата, сжатая в единый кулак. Думаю, русские не выдержат этого натиска и побегут с поля, а храбрые французы будут их преследовать. И демоны тоже никуда из этого леса не денутся. После разгрома русской армии им останется либо убраться обратно в свой ад, либо приготовиться сражаться против всей французской армии…»

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 12:15. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

В то же самое время Кутузов из своей Ставки в Горках имел возможность наблюдать события на холме возле Утиц и северо-восточной опушке Утицкого леса, что давало русскому главнокомандующему небольшое преимущество. Он-то, в отличие от Наполеона, даже не понимая смысла событий, хотя бы мог видеть происходящее на его левом фланге, в том числе и то, как остатки корпуса Понятовского, спасаясь от неизвестного врага, попали под прямой штыковой удар русских резервов и подверглись полному уничтожению. Русскому главнокомандующему тоже хотелось как можно скорее разобраться со сложившейся ситуацией, чтобы понять, какой стратегии ему придерживаться – оборонительной или наступательной; только вот поиски подходящего штаб-офицера, готового ехать к неизвестным, выступающим под красным знаменем, несколько затянулись. Одно дело – ехать парламентером к уже известному неприятелю, придерживающемуся рыцарственных правил ведения войны. И совсем другое – отправиться в полную неизвестность к людям, о которых известно только то, что они прекрасно обучены и дисциплинированы, а также отлично вооружены, однако их мундиры и штандарты не опознаются как принадлежащие к какой-либо европейской армии. То, что эти выступающие под алым знаменем скромные незнакомцы в малозаметных мундирах атаковали французскую, а не русскую армию, могло объясняться не тем, что они были друзьями русских, а тем, что они являлись врагами французов.

Но наконец-то такой храбрец нашелся. Им оказался находящийся в резерве генерал-майор артиллерии Василий Костенецкий* – лихой рубака, человек выдающейся силы и не менее выдающейся храбрости, не обделенный при этом ни скромностью, ни умом. Вот такого замечательного со всех сторон генерала, добровольно согласившегося выполнить опасное и непонятное поручение, Кутузов и отправил парламентером к

деревне Утицы к командиру отряда неизвестно чьей армии, с чрезвычайной дерзостью атаковавшему противника и обратившего того в безоглядное бегство.

Биографическая справка: ** О скромности генерала Костенецкого свидетельствовало то, что он никогда не искал признания своим заслугам. По небрежности в делопроизводстве его три раза награждали саблей «За храбрость» и два раза – орденом Анны первой степени, то есть три раза он практически был обойден наградами. За бои в марте 1814 г. за Париж награждение бриллиантовыми знаками к ордену св. Анны 1-й степени заменили благоволительным рескриптом.*

О незаурядной физической силе говорило то, что он один поднимал пушку, ломал подковы, легко, будто прутиком, орудовал пушечным банником, рывком за хвост валил наземь любого коня.

О храбрости генерала говорил случай, произошедший во время Бородинского сражения. В разгар боя на одну из батарей ворвались польские уланы и начали рубить канониров. Находившийся поблизости Костенецкий бросился на выручку своим солдатам и, не удовлетворившись саблей, стал валить врагов орудийным банником. Одним ударом он сбросил с лошади ближайшего улана, затем, ринувшись в толпу, повергал на землю одного неприятеля за другим до тех пор, пока банник не сломался. Следуя примеру начальника, артиллеристы кто чем мог отбивали атаку улан, и через несколько минут уже вновь открыли огонь.

О незаурядном уме Костенецкого говорило то, что именно он в Тарутинском лагере первым подал Кутузову докладную записку о необходимости направить отступление Наполеона по уже разоренной неприятелем Старой Смоленской дороге.

Кроме всего прочего, генерал Костенецкий был известен чисто спартанской строгостью житейского уклада. Он не признавал иной обстановки своей комнаты, кроме простого стола и лавок, на одной из которых спал. Обливание холодной водой в летнее время и обтирание снегом зимой составляли его утренний туалет. Простота и добродушие в обращении с подчиненными и редкостная щепетильная честность по отношению к казенным средствам (явление достаточно редкое в те времена) дополняли характер этого незаурядного человека.

Но, как бы то ни было, в путь генерал Костенецкий двинулся уже после одиннадцати часов пополудни. Однако еще раньше, после массированной артподготовки, произведенной с центра французской позиции, куда не доставал прицельный огонь супермосиных с северной опушки Утицкого леса, в атаку в стык между багратионовыми флешами бросились остатки 1-го и 8-го пехотных корпусов Великой Армии, а также весь 3-й пехотный

корпус Нея в полном составе. А позади них, готовые ворваться в дыру между 7-м и 8-м пехотными корпусами русской армии, уже маячила вся кавалерия Мюрата, за исключением корпуса генерала Груши, находившегося на другом берегу реки Колоча. Видимо, судьба у этого Груши в любом случае оказываться не в том месте и не в то время*.

Историческая справка: ** 16 июня 1815 года после сражения при Линьи, тогда уже маршал Груши был назначен с двумя пехотными и двумя кавалерийскими корпусами, преследовать разбитую прусскую армию. 18 июня, командуя своими частями в сражении при Вавре, не проявил инициативы и не выдвинул свои войска на помощь Наполеону в проходившем невдалеке сражении при Ватерлоо. Позднее Наполеон всю вину за поражение при Ватерлоо возложил на маршала Груши.*

Как раз в тот момент, когда генерал вместе со своими адъютантами проезжал мимо села Семеновского, распложенного вроде бы в глубине русских позиций, кавалерия Мюрата, развивая успех пехоты Нея, ударила по ослабленной русской линии и сумела ее прорвать. Но не успел Мюрат обрадоваться, что вырвался на простор, как в упор нарвался на кинжальную контратаку резервной кавалерии 2-й армии Багратиона в составе 2-й кирасирской дивизии и 4-го резервного кавалерийского корпуса. Кто-нибудь другой проехал бы мимо, ссылаясь на имеющееся у него особо важное задание, но генерал Костенецкий был не таков. Поэтому он присоединился к первому попавшемуся изготовившемуся к контратаке русскому полку, которым по странному совпадению оказался 5-й Литовский уланский полк, знаменитый своей кавалерист-девицей Надеждой Дуровой.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 12:30. Бородинское поле, где-то южнее багратионовых флешей.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Бонапарт по факту оказался упрямым засранцем. Урок, преподанный ему разгромом корпусов Понятовского* и Жюно, похоже, только раззадорил этого мастера тактических блицев. Мгновенно изменив тактику, он нацелил следующий удар в стык между багратионовыми флешами и батареей Раевского. По счастью, такую атаку было невозможно организовать по мановению волшебной палочки, и пока французы перестраивали свои боевые порядки, намерения Наполеона проступали для меня так же четко, как если бы они были записаны черными буквами на белой бумаге. В первом эшелоне – пехота, которой предстояло

первой пробиться через русские боевые порядки. Во втором – саперы, задача которых – расчистить проходы для кавалерии. Берега ручьев Каменка и Семеновский достаточно круты для того, чтобы их русла могли называться оврагами. И вот чтобы эти овраги следом за французской пехотой смогла преодолеть французская кавалерия, и требовались саперы, которые в определенных местах взорвут пороховые мины, а потом разровняют образовавшиеся спуски и подъемы.

Примечание авторов: ** У Серегина множество достоинств, но он не маг разума и поэтому не может проникнуть в мысли Наполеона и узнать, что того просто побоялись информировать о полном уничтожении корпуса Понятовского.*

И что самое главное, французские войска группировались на довольно значительном расстоянии от северной опушки Утицкого леса, находясь за пределами прицельной дальности стрельбы из супермосиных. Этот урок Наполеон усвоил хорошо. Возможно, он решил, что мои войска никогда не смогут выйти из-под прикрытия лесных деревьев, но вот тут его в ближайшем будущем ожидает крайне жестокое разочарование, потому что группировку полковника Половцева с северной опушки Утицкого леса я уже отозвал. Нечего ей там делать в тот момент, когда вот-вот мне понадобится их лихая атака в уланской ипостаси. Количество французской кавалерии, сосредотачивающейся на линии Шевардино-Семеновское, наводило на мысль, что и мне лучше держать свои ударные силы сжатыми в один кулак где-нибудь между флешами и утицким холмом (не путать с утицким курганом). А чтобы Наполеон ничего не заподозрил, северную опушку Утицкого леса вместо ушедших лилиток заняли три резервные роты «диких» амазонок; они продолжили прицельно постреливать из супермосиных в ответ на каждое вражеское шевеление. А у амазонок дело поставлено просто: один выстрел – один труп.

Одновременно находящиеся в резерве первый и второй пехотные легионы получили приказ выдвигаться на север все к той же опушке Утицкого леса. Пехота – напрямую, конная артиллерия – на рысях окольными проселками. Национальный состав этих легионов пестрел разнообразием. В качестве ротных и батальонных командиров – как правило, тевтоны, эмигрировавшие из мира Подвалов. Рядовые и сержанты – немного самых матерых бойцовых лилиток, не прижившихся в кавалерии (потому что среди множества мужиков им оказалось комфортнее), вои антов, решившие не оберегать родной дом, а следовать за своим князем по мирам, бывшие ратники рязанского ополчения, с которыми мы рубили тумены Батыя. Самыми

последними, как люди, уже владеющие огнестрельным оружием, после тщательного отбора на формирование пехотных легионов поступили бывшие полоняники, освобожденные нами в Крыму мира Смуты. Из них же составлены артиллерийские расчеты. Но самое главное в том, что все мои легионеры являются Верными и по моему приказу готовы порвать на лоскуты любого врага, а я за них любому глаз на известное место натяну и моргать заставлю. Так что если все пройдет как надо, то здесь мы наполеоновскую Великую Армию и закопаем.

Одновременно с французами начала перегруппировку и русская армия, полки которой в очередной, уже второй по счету, раз перебрасывались с наглухо прикрытого рекой Колочей правого фланга на левый. У русского главнокомандующего не имелось энергооболочки, позволяющей одновременно наблюдать за всем полем боя и предугадывать замыслы противника; но это Кутузов – гений войны, тактик и стратег, не чета нам, грешным, которые просто вышли прогуляться по мирам и заблудились. Теперь -не опозориться бы перед лицом мэтра-то. Но как бы там ни было, моя армия, укомплектованная одними Верными, перегруппировывалась значительно быстрее и в большем порядке, чем французские или русские войска. Все же мысленное управление имеет свое неоспоримое преимущество в скорости прохождения и точности восприятия приказов. В чисто человеческом восприятии, обостренном активированными энергетическими каналами, это была, как писал поэт, миллионопалая рука, сжимающаяся в тяжелый бронированный кулак. И чтобы этот кулак раньше времени не привлек чьего-нибудь недоброго внимания, я накинул на него отвлекающий Полог Невидимости. Обычные маги при таком низком уровне магии работать не могут, а я могу. В самом деле – Бог войны я или нет?

Но и это было далеко не все. Где-то в нескольких километрах позади меня, у самого портала, на огневых позициях в полной готовности застыл развернутый артдивизион танкового полка, изготовленный для открытия огня с закрытых позиций. Командиры батарей и взводов ожидают команды на открытие огня. Наводчики и командиры орудий находятся в готовности получить установки для стрельбы. Заряжающие с грунта бывшие рабочие лилитки, могучие и неутомимые, находятся у штабелей снарядных ящиков. Взвод управления дивизиона вместе со всей своей техникой, проехавшей к бородинскому полю указанными мной окольными проселками, развернут на холме возле деревни Утицы. С этого пункта мой однофамилец и тезка комдив Серегин в обычный бинокль, без всякой магии, просматривает поле

предстоящей схватки – от района сосредоточения французских резервов до тыловых рубежей русской армии. Артиллеристы у меня молодцы, свое дело знают на отлично, поэтому прежде всего я собираюсь удивить французов таким новшеством, как кавалерийская атака за огневым валом. Я сюда своих Верных элитных лилиток не на смерть привел, поэтому французскую кавалерию, по которой они должны ударить, первым делом окучат своими снарядами артиллеристы.

Но вот, не дожидаясь окончательного сосредоточения своей кавалерии, французская пехота кинулась в атаку. Через Каменку они перебрались довольно лихо, потому что этот водный рубеж охраняла только тонкая цепочка русских егерей, которые, сделав по одному прицельному выстрелу и уложив какое-то количество французов, отошли – частью к самой северной из трех флешей, частью на рубеж Семеновского ручья. С валов северной флеши по атакующим ударили картечью несколько орудий, но так как в ходе сражения эти укрепления уже два раза находились под тяжелым обстрелом французской артиллерии и два раза переходили из рук в руки, то и исправных русских пушек там осталось раз-два и обчелся. Пока русские канониры торопливо банили свои уцелевшие орудия, часть атакующих французских солдат, желая устранить угрозу с фланга, свернула в сторону флешей. Оттуда навстречу им почти сразу открыли стрельбу солдаты, изначально занимавшей флеши 2-й гренадерской, а также с утра последовательно вводившихся в сражение 27-й и 3-й пехотных дивизий, к настоящему моменту основательно перемешавшиеся между собой. Чтобы остановить ружейной стрельбой свежие атакующие французские колонны, русских солдат оказалось недостаточно, и за флеши разгорелась уже третья за этот день ожесточенная рукопашная схватка, в которой французы казались достойными победы, а русские стяжали право и в смерти остаться непобедимыми.

Тем временем основная часть группировки маршала Нея, 10-я, 11-я и 25-я (вюртембергская) пехотные дивизии, построенные в штурмовые колонны, подошли к семеновскому ручью и, получив с противоположного берега в упор ружейно-картечные залпы, бросились в штыки. Завязалась ожесточенная резня, в ходе которой к французам подошли 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии из состава 1-го пехотного корпуса контуженного маршала Даву – они стали продавливать два прорыва в русском фронте севернее и южнее села Семеновского, которое, защищаемое лейб-гвардии Измайловским и Литовским полками, держалось как неколебимый утес в морском прибое.

При этом надо учитывать, что всего под командой Багратиона

вместе с резервами на тот момент находилось только двадцать тысяч солдат (пехоты и кавалерии), в то время как Наполеон бросил против них в атаку все, кроме Гвардии – то есть сорок тысяч пехоты, двадцать тысяч кавалерии и четыреста артиллерийских орудий. Так что в дело была пущена часть тех резервов, которые в нашей истории позже атаковали батарею Раевского, а пехотный корпус Евгения Богарне и кавалерийский корпус Груши еще только переходили наплавным по мостам реку Колочу. Видимо, Наполеон, перебрасывая войска в эпицентр разгорающейся у Семеновского мясорубки, махнул рукой на то, что творилось за рекой. А зря. Где-то далеко, почти на границе моего восприятия, большие массы русской кавалерии форсировали речку Колочу и принялись обходить французскую армию со стороны ее левого фланга. В нашей истории это был отвлекающий рейд Платова-Уварова, а теперь, если даст Бог, из этой кавалерийской группировки получится хорошая такая крышка котла, в котором будет сварена вся наполеоновская Великая Армия.

Но все это было неважно, потому что вслед за французской пехотой, которая уже была в деле, ручей Каменку, держась на почтительном отдалении от опушки Утицкого леса, начала пересекать французская кавалерия. Два кавалерийских корпуса нацеливались в прорыв южнее Семеновского, вероятно, имея задачу обойти русские войска по большой дуге и выйти в район ставки Кутузова. Еще один корпус готовился нанести удар севернее этого села. Если у северной кавалерийской группировки французов (на ум пришла фамилия генерала Латур-Мобур), и были достойные оппоненты в виде русской кирасирской дивизии и кавалерийского корпуса, то против двух полнокровных кавалерийских корпусов, выходивших в атаку через южный прорыв, с русской стороны выступала только пара кавалерийских полков.

А это значило, что пришел и наш черед вступать в игру. Полог Невидимости – побоку, Священное Алое Знамя распустить, основное направление удара во фланг и тыл кавалерийского корпуса дивизионного генерала Нансути. Артдивизиону – один пристрелочный выстрел на начальных установках. Пики к бою, рысью в атаку марш-марш!

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 13:05. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

С недавнего времени, примерно с полудня или даже ранее,

русского главнокомандующего не оставляло ощущение пристального взгляда, направленного не на него персонально – совсем нет – а на все поле битвы. И под этим взглядом все полководцы, и он в том числе, будто бы голы и нечем им прикрыть срам, ибо тот, кто смотрит, читает их замыслы как в открытой книге, записанные черным по белому. И по мере чтения сжимается в кулак на эфесе меча рука, туго обтянутая черной кожаной перчаткой со странно обрезанными пальцами. Михайло Илларионович не знал, что таким образом он воспринимает действие энергооболочки Бога Войны, функционирующей в ипостаси боевого тактического планшета и сосредоточение кавалерии Серегина для решающего кавалерийского удара в открытый фланг наполеоновской армии.

Впрочем, старательно размышлять о своих странных ощущениях у Кутузова времени не было. На поле боя дела творились серьезные. Бонапартий, собрав в кулак все свои силы и не оставив в резерве ничего, кроме гвардии, нанес удар в стык между багратионовыми флешами и батареей Раевского. Бойня была страшная. На одного русского солдата, уставив перед собой штыки, лезло трое-четверо французов. Кто же знал, что Бонапартий, как азартный игрок, поставит все на один решающий удар; вот и 4-й пехотный корпус Толстого-Остермана вслед за 2-м корпусом генерала Баггавута снятый с резервной правофланговой позиции, не успевает к месту решающих событий. Да что там пехота; прикрыть открытый левый фланг от заходящей на него в атаку французской кавалерии не успевают и 2-й, и 3-й кавалерийские корпуса. Да и то, был грех – снять эти полки из резерва и начать их переброску туда, где они были нужнее всего, Кутузов решился не сразу. Этот приказ он отдал лишь тогда, когда сам увидел, как противостоящий Остерману-Толстому 4-й пехотный корпус французской армии по наплавным мостам переходит на другой берег реки Колочи, скорее всего, с целью присоединиться к действиям против левого фланга русской армии.

Не успел Кутузов подумать, что теперь рейд 1-го кавалерийского корпуса генерала Уварова и восьми казачьих полков под общей командой атамана Платова из чисто отвлекающей диверсии может перерасти в нечто большее, как подскакавший офицер, спрыгнув с коня, со словами: «Срочное, ваше сиятельство!», подал Главнокомандующему свернутое в трубочку донесение. Сломав печать и развернув свиток, Кутузов прочитал несколько строк, начертанных неровным почерком, тяжело вздохнул и перекрестился.

В донесении, писаном командиром 3-й пехотной дивизии

генерал-лейтенантом Коновницыным, говорилось, что некоторое время назад во время отражения французской атаки осколками вражьего ядра был тяжело ранен в бедро и живот генерал от инфантерии князь Петр Багратион, что вызвало смятение и расстройство возглавляемых им войск. Еще генерал Коновницын писал, что ввиду того, что он оказался самым старшим воинским начальником на левом фланге русской армии, то взял командование сражающимися войсками на себя и просит прислать ему замену, так как он не чувствует в себе талантов, которые бы позволили ему полноценно заменить князя Багратиона.

Ну да, командир дивизии и генерал-лейтенант совсем не та фигура, которая могла бы заменить выбывшего из строя командующего армией. Заменить фигуру такого масштаба мог бы только командующий 6-м пехотным корпусом генерал от инфантерии Дохтуров; но пройдет еще немало времени, пока он прибудет к Семеновскому (возле которого и развернулось самое ожесточенное сражение) и возьмет на себя командование. А посему генерал-лейтенанту Коновницыну придется еще некоторое время замещать раненого командующего армией на самом ответственном участке сегодняшнего сражения. От того, сумеют ли продержаться уже находящиеся там войска до подхода резервов, зависел исход всей битвы. Кто ж мог предположить, что Бонапартий соберет все свои силы в один кулак и ударит с такой силой, что сдержать его не будет никакой возможности? Едва русский главнокомандующий об этом подумал, как прямо над ухом у него кто-то скептически хмыкнул, потом откуда-то издали донеслись едва слышные слова: «Священное Алое Знамя распустить… Артиллерии – один пристрелочный выстрел на начальных установках. Пики к бою, рысью в атаку марш-марш!».

И в этот момент Михайло Илларионович почувствовал, как над полем боя вдруг прокатилась волна облегчения, будто повеяло освежающим, придающим силы ветром*. Даже Кутузову вдруг показалось, что он сбросил с плеч как минимум десяток лет, а то и два десятка. И почти сразу где-то там, в стороне Семеновского, громыхнул гром с ясного неба – будто тысяча мортирных бомб рванули разом. Торопливо наведя в ту сторону подзорную трубу, русский главнокомандующий увидел неровную кляксу полупрозрачного дыма, распустившуюся над головами атакующих французских кавалеристов и бьющихся под нею в предсмертных судорогах поверженных коней и людей. Всего одна бомба (если, конечно, это была бомба), а французская кавалерия лишилась не менее чем эскадрона. Кутузову сразу вспомнились подслушанные мысли неведомого полководца про один

пристрелочный выстрел. Если это была только пристрелка, то что же начнется, когда та неведомая артиллерия начнет садить по французам залпами сотен орудий?

Примечание авторов: * *Это сработало заклинание Поддержки, которым капитан Серегин в атаке подпитал своих лилиток и еще немного тех, кого считал своими.*

Но это тоже было еще не все. Мгновение спустя чуть дальше и левее того места, где французских драгун поразила чудовищная бомба, русский главнокомандующий увидал неведомо чью кавалерию; уставив вперед пики, она летела в галопе в открытый фланг атакующих французский кирасир. Опять на незнакомцах были неизвестные ни в одной армии зелено-коричневые мундиры, рослые кони кирасирских статей и трепещущие над всем этим алые знамена, одно из которых, казалось, распространяет над полем боя призрачный алый свет. Этих всадников на высоких сильных конях очень много – на глаз не меньше десяти тысяч, и их удар нацелен во фланг французской кавалерии, которая сама была намерена обойти русскую армию со стороны открытого фланга.

И в этот момент чудовищные бомбы снова стали падать на французскую кавалерию, но только теперь их было не одна и не две, и падали они аки крупный град во время грозы. Гром и грохот, блеск и ярость! В подзорную трубу хорошо видно, как сверкнувшие на мгновение ослепительные вспышки превращаются в почти незаметные дымные кляксы, как падают под ними убитые лошади вместе с их всадниками и как этот огненный вал катится над французским строем, неся хаос и уничтожение. И сразу после этого огненного удара по расстроенному неприятелю тяжелым тараном ударяет неведомая кавалерия, над которой трепещут алые знамена. В подзорную трубу видно, как брошены истраченные в первом ударе пики, и всадники берутся за палаши. Взлетают вверх сокрушающие все полосы стали; всадники в странно невзрачной форме сминают ряды французской кавалерии. Им навстречу прорубаются два русских уланских полка, только и прикрывавшие фланг русской армии. Совместными усилиями вместе с незнакомцами Литовский и Татарский полки совершенно расстраивают и обращают в бегство доселе непобедимую кавалерию Мюрата, превращая почти верную победу Наполеона в столь же верное поражение.

Тогда же. Бородинское поле, где-то южнее багратионовых флешей, атакующая кавалерийская лава.

Офицер по особым поручениям старший лейтенант

Гретхен де Мезьер.

В этот день я, как всегда, заняла место в строю правее и позади Серегина. Давненько не бывало, чтобы он занимал место в боевом строю, но все равно я как его офицер по особым поручениям и, главное, как его Верная, должна хранить и беречь нашего обожаемого командира во время боя. Моя правая рука крепко сжимает пистолетную рукоять автомата Федорова, ибо супермосин слишком неудобен для кавалерийского боя. Если моему обожаемому командиру будет угрожать хоть какая-нибудь опасность, то я обязана, не мешкая, застрелить ее (то есть опасность) нахрен и скакать за Серегиным дальше, оберегая его от выстрелов в упор или от атак нескольких противников с фланга или тыла. Он у нас хоть и Бог Войны, но все равно мы, Верные, думаем, что в этом деле никакая предосторожность не будет лишней. С другой стороны от Серегина скачет его старый соратник Змей, а рядом с ним, прямо за нашим обожаемым командиром, наш бессменный знаменосец, перворожденная Агния, в специальном держателе на седле которой укреплено Священное Алое знамя.

И вообще, данный мир для Серегина какой-то особенный, и это ощущение особенности незамедлительно передается нам, Верным. Нет, он (в смысле, этот мир) еще не родной для нашего обожаемого командира, но чувствуется, что битва, в которую мы нынче вступили, носит для него священный характер. Сегодня он у нас не Великий Артанский князь, а просто богиня Немезида и Ангел мщения в одном лице. И чувствую это не только я, но и другие Верные, особенно лилитки-рейтарши. Они сегодня особенно воодушевлены, и, поднимая своих дестрие в боевой галоп, намерены не оставить от наглого врага и камня на камне* – то есть поотрубать своими палашами глупые галльские головы. Так им и надо, этим нахальным французам, чтобы больше никогда они не смели наскакивать со своими претензиями на истинных арийцев.

Примечание авторов: * *прожив в русском обществе почти полтора года, Гретхен де Мезьер уже чисто, почти без акцента говорит на русском языке, а вот с употреблением поговорок и крылатых выражений все еще иной раз попадает впросак.*

Я знаю, что падре Александр и особенно наш обожаемый командир очень недовольны, когда я так думаю, и особенно когда говорю такое вслух, но я по-другому не могу. Да, теперь я признаю, что изначально все сотворенные Всевышним народы были равны в своем достоинстве, чтобы с гордостью, выпрямив спину, стоять перед Небесным Отцом. Но вот ведь в чем штука! Некоторые из этих народов по своей лености и разгильдяйству

уронили изначально данное им достоинство в грязь, а некоторые и вообще запродали его за тридцать серебряников родичам нашего херра Тойфеля. Я еще не знаю, к какой разновидности относятся эти французы, но раз они напали на русских, их дела теперь будут плохи. Все, кто когда-то совершил подобную глупость, закончили свои дни в выгребной яме истории. Думаю, что туда же попадут и наши нынешние противники. С нашим обожаемым Серегиным шутки плохи – ночи выдернет, спички вставит, потом скажет, что так и было, и заставит прыгать.

Но это так, к слову. Прямо перед самым таранным ударом нашей кавалерии во фланг вражеского строя, когда у рейтарш пики были уже уставлены вперед, по вражескому строю беглым огнем принялась бить наша артиллерия, которая посеяла ужасное смятение и нанесла врагу серьезные потери. Мне даже не пришлось пускать в ход свой автомат Федорова: тех врагов, что остались в живых после артиллерийского обстрела, скакавшие впереди нас лилитки пробили своими пиками и в капусту изрубили большими палашами. Один только раз Серегин лично, ударив мечом плашмя, выбил из седла одного из врагов в пышно изукрашенном мундире, на ходу отдав мысленную команду, чтобы этого типа не добивали, а наоборот, пока он, оглушенный и глупый, взяли бы в плен и схомутали покрепче. Мол, это какой-то особо важный французский генерал по имени Мюрат*, который ему для чего-то нужен. Я там оглядываться не стала, но точно знаю, что этого Мюрата поймали и захомутали. Теперь, если он действительно такой ценный полководец – настолько отважный, что лично водит свои полки в атаку – то лилитки, прежде чем в целости и сохранности отдать его Серегину, обязательно воспользуются его аппаратом для получения качественного потомства.

Примечание авторов: * *это мы знаем, что Мюрат маршал, но для родившейся в Мире Подвалов тевтонки Гретхен существуют только генералы (группенфюреры) и орденские магистры, но это должность, а не звание.*

Лилитки вообще крепкие девки; и конные латники Гапке, которых я когда-то считала особо крутыми парнями, не идут с ними ни в какое сравнение. И это неудивительно, ведь их специально создавали как совершенных воинов высшего порядка – храбрых, сильных, бесстрашных и к тому же очень умных. А еще у них сильно развиты чувство локтя и взаимовыручка. И за своих они стоят горой. Они вообще совершеннее нас, обычных людей (даже таких высших арийцев, как русские), но нос при этом не задирают. Наоборот, высшими существами они считают обычных людей, а как самого высшего из высших почитают нашего общего

обожаемого командира Серегина. А поскольку он русский, то и они хотят стать русскими, и это у них неплохо получается. Я тоже стараюсь следовать по тому же пути (правда, у меня еще не все получается) и горжусь, что у меня такие замечательные кригскамрадши.

Одним словом, мы пробились насквозь через вражеский строй, отрезав часть французских кавалеристов от основной массы их камрадов, которые после нашего удара обратились в бегство, и прижали их к отчаянно рубящейся местной русской легкой кавалерии. Эти русские бойцы, в которых сразу же можно разглядеть истинных арийцев, несмотря на превосходство противника в классе и численности, отважно встали у него на пути и дрались насмерть до самой победы. Зато французы, поняв, что они попали между огнем и полымем, начали бросать на землю оружие, спрыгивать с коней и, подняв вверх руки, просить пощады; по крайне мере, со своим знанием латыни я именно так поняла их крики: «Miséricorde! Miséricorde! Miséricorde*!»

Примечание авторов: * *Miséricorde (фр.) – милосердия. Причем на латыни это слово будет звучать почти так же – misericordiae.*

На этом участке сражение завершилось, и забрызганные кровью до самых верхушек четырехугольных шапок русские кавалеристы в отделанных белыми галунами темно-синих мундирах, тяжело дыша, в некотором обалдении смотрели, как наши лилитки пинками гонят в их строну сдавшихся пленных. Тут надо сказать, что мы – те, кто уже привык к грозному виду этих совершенных воительниц – не замечают ни их большого роста, ни мускулистых фигур, ни чуть скошенных глаз, высоких скул и, самое главное, острых ушей. А для местных, надо понимать, все это еще было в диковинку*, как и униформа цвета хаки без единого блестящего предмета, в которую Серегин обмундировал свое войско.

Примечание авторов: * *В силу того, что она сама девушка, Гретхен не понимает, что самое главное удивление у русских кавалеристов производят не лица лилиток, их рост или экипировка, а выпирающие вперед вторичные половые признаки внушительных размеров, которые невозможно скрыть нагрудниками уланш и кирасами рейтарш. Да и сами эти элементы экипировки приспособлены к женским, а не мужским фигурам, и призваны не скрывать женские достоинства, а подчеркивать их.*

Но вот от рядов местных кавалеристов, тронув бока своего коня шенкелями, отделился один, в отличие от остальных, в черном мундире, и без шапки на чуть тронутой сединой голове. Вложив в ножны окровавленный и иззубренный палаш, этот

человек направился прямо к Серегину, который ждал его, положив поперек седла светящийся меч Бога Войны. Сразу было видно, что это большой начальник, поэтому передовые ряды лилиток безмолвно расступились, пропуская этого человека к нам. Он же приближался, внимательно оглядывая уступающих ему дорогу лилиток, их длинные прямые палаши, испачканные в крови до самой рукояти, их мускулистые руки, обтянутые черными перчатками, закинутые за спину супермосины, а также уверенные в себе лица и чуть прищуренные глаза. Видимо, все увиденное ему нравилось, отчего на губах у него появилась тень легкой улыбки. Наконец, не доехав до Серегина нескольких шагов, этот незнакомец остановил коня и в знак приветствия, подняв вверх правую руку, провозгласил:

– Генерал-майор артиллерии Костенецкий Василь Григорьевич, послан до вашей милости от главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Кутузова Михайлы Илларионовича с особым поручением.

Серегин не торопясь убрал меч Бога Войны в ножны и тоже поднял в приветствии правую руку, после чего ответил местному генералу:

– Капитан спецназа ГРУ Российской федерации, командующий собственной армией, самовластный князь Великой Артании, бог священной оборонительной войны и первый заместитель архангела Михаила, он же Бич Божий, Серегин Сергей Сергеевич послан к вам на помощь самим Небесным Отцом (он же Творец или первое лицо Троицы), который желает исправить к лучшему линию жизни этого мира.

Как только Серегин произнес эти слова, в небесах, будто подтверждая их, прогремел гром, заглушивший даже грохот орудийных залпов.

Тогда же. Там же.

Генерал-майор артиллерии Василь Григорьевич Костенецкий.

Когда я следовал по поручению главнокомандующего всей русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Кутузова в деревню Утицу, мне довелось проезжать мимо расположения уланской бригады из состава четвертого кавалерийского корпуса графа Сиверса, в гордом одиночестве прикрывавшей левый фланг русской армии. И в этот момент я увидел, как, обходя разбитые флеши, в сторону несчастных улан скачет почитай вся французская кавалерия, а впереди, блестя начищенной бронзой своего облачения – прославленные кирасиры генерала Нансути, знаменитые своей

выучкой. Ни мгновения не колеблясь, я обнажил саблю и встал в единый строй с уланами. Иного пути у меня не было, ибо как я мог, отговорившись важным поручением, уехать от этих людей, готовившихся победить или умереть, но не отступить? И тогда я решил, что, несмотря на поручение главнокомандующего, вместе с уланами я вступлю в этот неравный бой; и пусть я в нем погибну, но честь моя будет спасена. Кто же мог знать тогда, что меня вела рука самого Всевышнего, и когда я вставал в строй Литовских улан, то был на верном пути, и поручение главнокомандующего само найдет меня там, среди героев, покрывших себя в том бою неувядаемой бессмертной славой.

Не дожидаясь, пока французские кирасиры ударят в наш строй всей своей массой, уланы наклонили пики с трепещущими на них флюгерами* и всей бригадой ринулись во встречную атаку. В этот момент, казалось, были слышны только топот копыт да заунывный угрожающий вой, издаваемый флюгерами во время быстрой скачки. И тут, когда до столкновения двух конных масс оставались считанные секунды, послышался низкий, усиливающийся свист, а потом в глубине вражеского строя раздался резкий грохот такой силы, будто там взорвалась целая повозка с артиллерийским порохом. Несомненно, это был разрыв чего-то вроде огромной мортирной бомбы, выпущенной орудием исполинского размера. Мне, как артиллеристу, невозможно даже представить орудие, которое могло бы метнуть снаряд такой силы. Сразу после того взрыва до наших ушей донеслось пронзительное ржание десятков раненых и умирающих лошадей. Людских же криков и проклятий за дальностью расстояния слышно еще не было.

Примечание авторов: * *флюгер – флажок на уланской пике. Звуки издаваемые сотнями флажков трепещущими на пиках во время быстрой скачки атакующих улан обычно производили на противника устрашающее впечатление.*

Кроме всего прочего, этот взрыв до определенной степени расстроил французов; многие из них стали оборачиваться и, выкручивая шеи, смотреть назад, стараясь понять, что же там произошло. В то же время наши уланы еще сильнее пригнулись к шеям коней, выставив вперед пики: они хотели как можно скорее проткнуть ими ненавистного врага. И тут, когда до столкновения наших линий остались считанные мгновения, чудовищные бомбы посыпались на французов как град во время грозы, что совершенно смешало их ряды. Ну и уланы, ободренные неожиданной поддержкой, ударили на врага изо всей силы. И вот боевые линии сошлись с лязгом, грохотом и ржанием боевых коней; почти каждый улан, скакавший с пикой в первых рядах,

сумел поразить ею своего соперника. После первого удара застрявшие в доспехах и увязшие в людских телах пики были брошены, и лихое уланство под звуки горнов, сигналящих атаку, взялось за сабли и принялось рубить врагов, благо обстрел огромными бомбами уже прекратился. И я тоже не остался в стороне, со всей ненавистью нанося удары саблей. Кажется, мне удалось убить или тяжело ранить нескольких французов, а еще несколько от моих ударов вылетели из седел и теперь бессмысленно ползали под копытами коней или валялись без чувств.

И как раз в этот момент мы увидели ИХ. Массивные всадники на высоких конях, скачущие под ярко-красным знаменем, ударили французов в открытый фланг и отчасти в тыл как раз в том месте, где только что рвались чудовищные бомбы. Пока я мучительно вспоминал, у какого же государства имеется флаг ярко-алого цвета, кавалеристы неведомой армии успели истратить свои пики и, обнажив тяжелые палаши, врубиться ими во вражеский строй. Только что мы находились на грани гибели в неравном бою; но вот все поменялось и теперь уже положение французов с каждой минутой становилось все более безнадежным.

У тех, кто это видел, до сих пор стынет кровь в жилах. Неведомые солдаты, одетые в простые мундиры цвета пожухлой травы без единой блестящей пряжки, рубили французов с таким презрительным равнодушием, будто не воевали, а выпалывали сорняки на огороде. Острым, как золингеновская бритва, длинным палашам, порхавшим в их руках будто перышки, было все равно, есть на французе кираса или нет. Длинный взмах палаша, стремительный как молния удар, лязг, скрежет – и вот еще один француз оседает в седле, разрубленный от плеча до пояса. Длинные мускулистые руки давали чужакам серьезное преимущество, из-за чего их удары получали сокрушительную силу. Было видно и то, что ответные удары вражеских кирасир не достигают цели, потому что на наших спасителях тоже были кирасы, сверху обтянутые такой же невзрачной тканью, как и та, из которой были пошиты их мундиры.

И этих странных кавалеристов неизвестной никому армии было много, очень много, не меньше нескольких дивизий. Таранный удар с разгона разорвал французскую колонну напополам. При этом большую половину французской кавалерии неведомые пришельцы отбросили обратно на запад, и те, развернувшись кругом и нахлестывая коней, постарались поскорее удалиться как можно дальше от этого места, где их убивают без всякой пощады и надежды на спасение. Вторая, меньшая, половина французских кавалеристов оказалась зажатой

с двух сторон между русскими уланами и неизвестными всадниками и, не выдержав этого двойного натиска, принялась бросать оружие и, спрыгивая с коней призывать нас проявить милосердие.

Схватка остановилась как бы сама собой, после чего у нас появилась возможность наконец-то оглядеться вокруг и получше приглядеться к нашим спасителям. И только тут стало очевидно, что эти рослые всадники, восседающие на мощных длинноногих конях (как правило, вороной или темно-гнедой масти) на самом деле все поголовно являются молодыми и сильными женщинами, которые при этом еще и очень красивы какой-то особенной экзотической дикой красотой. Сказать, что я был ошарашен – это все равно что ничего не сказать. И не я один. Командир уланской бригады горячий грузинский князь генерал-майор Иван Панчулидзев, весь бой сражавшийся в первых рядах и не получивший ни одной царапины, все никак не мог поверить своим глазам и не знал что ему сказать, потому что от изумления путал русские слова с грузинскими. Эти идеальные воины, вырубавшие французских кирасир будто пучки лозы на учениях, оказались бабами, суровыми воительницами-амазонками, правда, переговаривающимися между собой на вполне понятном русском языке.

Да-да, сейчас мы сблизились с этими женщинами-воинами настолько, что стали слышны сочные чисто русские слова, которыми эти женщины воины подбадривали бредущих в нашу сторону пленных французов. А тем не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться, по очереди косясь взглядами то на длинные окровавленные клинки, которыми их только что рубили в полный мах, то на карабины, которые сейчас были заброшены у этих воительниц за спину. Правда, командовала этим женским войском никакая не царица амазонок, а командир-мужчина, в таком же мундире как у его подчиненных. Никаких галунов, позументов, золотого и серебряно шитья; только суровая простота и ярко горящий белым огнем меч архангела Михаила, который он сейчас небрежно держал поперек седла. Одного этого меча хватило бы на то, чтобы признать в этом человеке главнокомандующего всем войском чужаков, но кроме этого от него почти зримо исходило сияние силы и власти, которое, ложась на всех его подчиненных, и превращало их в один сокрушающий все миллионнопалый кулак.

И в тот момент я понял, что именно к этому человеку посылал меня главнокомандующий русской армией и поэтому, тронув шенкелями бока моего коня, выехал из строя улан, навстречу пришелицам, по пути вкладывая в ножны изящно потрудившийся палаш. Как ни странно, воительницы молча расступались передо мной, без слов пропуская к своему командиру. Было видно, что, несмотря на то, что это войско состоит из одних баб, эти боевые женщины вполне уверены в своих силах побить любого врага, хорошо дисциплинированы и прекрасно обучены.

Но нет, эскадронными командирами в этом войске все же состояли мужчины – совсем молодые офицеры, которые, несмотря на свою юность, уже участвовали во множестве сражений и поэтому чувствовали себя вполне уверенно на этом поле, где только что погиб цвет французской кавалерии. Впрочем, была в этом войске еще одна странность, не видимая невооруженным глазом, но ощущаемая каким-то шестым чувством. В этом войске были командиры и подчиненные, но не было высших и низших, не было сословных барьеров, разделяющих офицеров и нижних чинов; да и не нижними чинами были эти воинственные женщины, а частью дружины или воинствующего ордена, вместе со своим командующим ощущаясь как неразрывное единое целое. Подтверждение этим мыслям последовало пару минут спустя, когда я подъехал туда, где под красным знаменем находился командующий всей этой армией воительниц-амазонок.

Отрапортовав по всем правилам, что меня прислали с поручением русского главнокомандующего светлейшего князя Голенищева-Кутузова, я получил ответ, которого совсем не ожидал услышать. И гром без всякой грозы, прогремевший с небес так, что были заглушены даже орудийные залпы, только подтверждал услышанные мною слова. Этот мир снова дожился до того, что в него пришел Божий Посланец! Только на этот раз это оказался не Христос с посохом в руках и в стоптанных сандалиях, а помощник архангела Михаила, приведший с собой целую армию воинствующих ангелов, ибо, несмотря на отсутствие белых одежд и светящихся нимбов вокруг голов, никем иным эти женщины странного вида быть не могли. Правда, если присмотреться, то можно было заметить, что вместо нимбов едва заметным в свете дня жемчужным светом светятся их палаши. Ну и правильно, ведь эти ангелы – воинствующие…

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 13:45. Бородинское поле, где-то южнее истока Семеновского ручья.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Таранный удар нашей кавалерии разнес вдребезги кавалерийский корпус дивизионного генерала Нансути, большая часть французских кирасир погибла под артиллерийским обстрелом или под палашами моих верных лилиток (лично расцелую каждую), а меньшая часть сдалась на милость победителей. Сам генерал Нансути, несмотря на мое распоряжение щадить старший командный состав противника, погиб в бою, маршала Мюрата, находившегося в рядах его корпуса, взяли в плен мои лилитки. Следующий за корпусом Нансути кавкорпус дивизионного генерала Монбрена, устрашившись этой кровавой бойней, обратился в бегство, даже не испробовав приготовленного нами варева. Так как я человек щедрый, то приказал лилиткам всех пленных, за исключением генералов, пинками гнать в сторону русских войск. Во всех мирах, где я уже был, прекрасно известно, что войско Серегина полона не имает, разве что за исключением командиров, которые подлежат обязательному допросу с последующей казнью или перевербовкой. Третьего не дано.

И вообще, ловить французам на этом фланге русской армии было уже нечего. Позади нас, густо пыля тысячами ног по проселку, двигалась 1-я гренадерская дивизия из состава третьего пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова, а за ней неровной серой массой маячили московские ополченцы. Три часа эти русские части простояли в бездействии, оказавшись в глубоком тылу после разгрома французских корпусов Понятовского и Жюно. Все это время ушло на то, чтобы посредство мечущихся туда-сюда посыльных доложить обстановку главнокомандующему русской армии и после получения распоряжения о передислокации подготовить войска к маршу. Но теперь корпус Тучкова сможет прикрыть фланг русской армии и тем самым высвободить мою кавалерию для активных операций. И вот тогда Бонапартий узнает, что раньше было не так плохо, а настоящий амбец наступил только сейчас.

А пока мои лилитки реализуют плоды победы: собирают брошенные по полю боя пики и, попутно наносят смертельно раненым французам последние удары милосердия, чтобы те не мучились. Свои же раненых они собрали и подготовили к транспортировке к порталу. Заклинание Поддержки не даст им умереть до прибытия в Тридесятое царство, а там их уже ждут ванны с волшебной водой, квалифицированные медики из двадцатого века под началом доктора Максимовой и не менее квалифицированные маги жизни во главе с маленькой богиней

Лилией. Кстати, тут выяснилось, что когда я перед атакой набрасывал заклинание поддержки на свой кавалерийский корпус, то накрыл и русскую армию, по крайней мере, ближайшую ко мне, видимую ее часть. Все признаки этого налицо. Смертельно раненые не умирают, а продолжают жить, при этом их болевые ощущения притуплены, что позволяет им оставаться в полном сознании. Так будет продолжаться еще около суток, до тех пор, пока поддерживающее их жизнь заклинание не рассеется само по себе, после чего они умрут.

Но эти русские солдаты и офицеры, сражавшиеся за Родину на этом поле, дороги мне ничуть не меньше моих лилиток, и я приказываю грузить их в подъехавшие «Медведи» вместе со своими. А ведь где-то поблизости страдает от смертельных осколочных ран в бок и бедро генерал Багратион… Посланец Кутузова тут же подтверждает – мол, да, действительно, командующий русской армией генерал-лейтенант Петр Багратион ранен в осколками разорвавшейся французской бомбы, и хоть раненый чувствует себя относительно хорошо, но осмотревшие его врачи пребывают в откровенном пессимизме: мол, такие ранения не могут кончиться ничем иным, как Антоновым огнем, за которым неизбежно последует смерть. Мол, местная медицина в таком случае бессильна. А вот это совсем нехорошо и подлежит исправлению. Только прямо сейчас ломать копья из-за этого бессмысленно, полученные раны не угрожают Багратиону немедленной гибелью, а значит, вопрос с его излечением можно отложить до конца битвы.

Если смотреть с моей колокольни, то положение на поле Бородинского сражения складывается теперь самым лучшим образом. Для начала – мой танковый полк уже вышел на предписанные ему рубежи и перерезал обе дороги на Смоленск. Если французская армия попробует отступить на запад прямо сейчас, то ее солдат и офицеров ждут непередаваемые впечатления от ощущения захлопнувшейся ловушки. Одновременно с юга к полю битвы подходят два моих пехотных легиона. Двадцать тысяч бойцов, вооруженных по стандартам русско-турецкой войны 1877 года, в данное время являются серьезным тактическим козырем, особенно если выложить его после того, как противник на поле боя уже получил один шокирующий удар. Одновременно с этим казаки Платова и корпус регулярной кавалерии генерала Уварова, совершая обходной маневр, уже подошли к деревне Беззубовке и пинком выбили оттуда итальянскую кавалерию, прикрывавшую левый фланг французской армии. На том направлении французы обезжирены и обескровлены; Наполеон, собирая войска для атаки

на багратионовы флеши, оставил на левом берегу Колочи только слабые заслоны. И пехотный корпус Евгения Богарне, и кавалерийский корпус Груши полностью перешли на противоположный берег Колочи, оставив без прикрытия новую смоленскую дорогу. Чтобы Бонапарт не передумал и не вернул войска на другой берег, я приказал своему тезке открыть артиллерийский огонь по переправам. Что с возу упало, то пропало.

На направлении главного удара французам, кстати, тоже несладко. Их очередную атаку русские полки отбили с большим уроном для противника, и теперь французские войска вынужденно отходят к многострадальным, с обеих сторон обильно политым кровью флешам, чтобы перегруппироваться и снова броситься в атаку. Туда же, бочком-бочком, чтобы держаться подальше от опушки Утицкого леса, подтягивается французская артиллерия, перед тем находившаяся в центре напротив батареи Раевского. Следом тянется артиллерия, переброшенная с другого берега Колочи, та что ранее поддерживала действия итальянского корпуса Евгения Богарне. Те же батареи, что прежде обстреливали багратионовы флеши, в настоящий момент полностью покинуты расчетами, ибо любое шевеление среди орудий тут же пресекается выстрелами из супермосиных с северной опушки Утицкого леса. Это бывшие дикие амазонки так развлекаются, показывая мастер-класс прицельной стрельбы, и тем самым на треть уменьшая количество Наполеоновской артиллерии.

А вон там, на проселочной дороге, со стороны деревни Утицы, показались густые клубы пыли, в которых нет-нет мелькает что-то такое неопределенное цвета хаки. Это на рысях скачут мои конноартиллерийские батареи и прикрывающие их специальные конно-гренадерские роты. А это такие добры молодцы, с которыми лучше не связываться. Вот сейчас они доскачут до своих позиций на фланге русской армии и развернутся в сторону врага. И тогда настанет французам настоящее «счастье», ибо восьмикилограммовый шрапнельный снаряд из четырехфунтовой пушки* на максимальных установках трубки летит на три с половиной километра, а граната, или та же шрапнель, поставленная на удар, имеет дальность уже в шесть с половиной километров. Даже трех с половиной километров дальности хватает, чтобы простреливать поле боя хоть вдоль, хоть поперек, хоть по диагонали. Шевардино со ставкой Бонапартия уж точно попадает под поражение. Но по нему мы артиллерийский огонь открывать не будем, потому что Наполеон нужен мне живым и желательно здоровым.

Примечание авторов: ** Секрет сих пушек прост. Берется бронзовая гладкоствольная казнозарядная пушка производства мастера Чохова из мира Смуты и в ее разогретый до трехсот градусов ствол вкладывается тонкостенная нарезная труба-лейнер производства автоматических мастерских «Неумолимого» из высоколегированной стали. И все – переделка гладкоствольного орудия в нарезное готова. Со снарядами сложнее, по крайней мере, в этом мире, где еще неизвестен даже влажный пироксилин. Черный порох хорош только для начинки шрапнелей, а вот фугасные гранаты с его применением получаются откровенно никакие. По крайней мере, если смотреть с колокольни двадцатого и двадцать первого веков. Но, с другой стороны, слабые гранаты с начинкой из черного пороха – это все же лучше, чем вообще никаких гранат.*

В принципе, песенка Бонапарта давно спета, только он об этом пока не подозревает. Сейчас мои конные артиллеристы доскачут до своих позиций, развернутся и начнут ему это объяснять, взяв под шрапнельный обстрел французские войска, скапливающиеся напротив Семеновского. В двух артиллерийских бригадах, приписанных к пехотным легионам, у меня имеется сорок восемь легких орудий, так что французским войскам под их обстрелом придется несладко.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 14:15. Там же, на Бородинском поле, где-то южнее истока Семеновского ручья.

Генерал-майор артиллерии Василь Григорьевич Костенецкий.

Я отослал одного из улан гонцом к светлейшему князю Михайлу Илларионовичу Кутузову с сообщением, что на поле боя прибыла армия Великого княжества Артанского в двенадцать тысяч конных, тридцать тысяч пеших, с артиллерией и обозом, после чего остался пребывать подле Великого князя Серегина, дабы попытаться понять, кто он такой и как управляет своей прекрасно вышколенной армией. На первый взгляд мне показалось, что он вообще ею не управляет. Никак. Прекрасные воительницы великанских статей действовали сами по себе, без всяких команд и окриков, но не успевал я протереть глаза, как все необходимое проделывалось без единого слова со стороны командующего, по большей части погруженного в какие-то свои размышления. Особенно поражал сей факт на фоне наших улан (которые, конечно, тоже неплохие рубаки, но без энергичного руководства полковых, эскадронных и взводных командиров толком не могут сделать ни одного дела).

Я долго ломал голову над этим вопросом, пока адъютант Великого князя, виконтесса Гретхен де Мезьер, совсем еще юная девушка, не сжалилась надо мной и не пояснила, что Серегин, как истинный бог войны, управляет своим войском исключительно силой мысли, в чем ему помогает какая-то энергооболочка. Дело в том, что все артанское войско, до единого человека, состоит из тех, кто принес Серегину клятву верности, засвидетельствованную самим Господом. Причем это особая клятва. Не только Верные (как они себя называют), обязаны службой Серегину, но и он обязывается действовать в их интересах, не бросать в беде, излечивать при даже самых безнадежных ранениях и делать еще множество вещей, которые по силам только Посланцу Господа на этой грешной земле. Поскольку эти клятвы засвидетельствованы самим Господом, то Серегину не надо отвлекаться на управление своим войском. Он знает, что нужно сделать, его люди исполняют, а потом так же мысленно рапортуют; и так предводитель Артанской армии узнает, что сделано, а что нет. Великий князь вообще щедрый господин, вроде уже давненько почившего в бозе Светлейшего князя Потемкина – вот с кем Серегин спелся бы сразу. Тот тоже говаривал, что деньги – ничто, зато люди – все.

Итак, первым делом суровые воинствующие дамы собрали свои тяжелые пики, оставленные в телах убитых врагов после первой атаки. При этом они не собирались в кучки для того, чтобы посплетничать, подобно обычным женщинам. Вместо этого они действовали так же слаженно и целеустремленно, как и тогда, когда рубили палашами французских кирасир. Походя, не отвлекаясь от основного занятия, артанки прирезали тяжело раненых французов, а получивших ранения своих боевых подруг и наших улан собирали с поля боя и грузили на специально приспособленные для этого самодвижущиеся повозки, которые доставят их в артанский гошпиталь, который находится в каком-то там Тридесятом царстве. Мол, обычный человек будет всю жизнь идти и не дойдет, а по повелению Великого князя Артанского стоит сделать всего один шаг – и ты уже там… там, где из-под земли бьет фонтан живой воды, а озверевшее солнце жарит с небес будто в адском пекле.

Когда я стал говорить, что мы тоже не дикари и у нас имеются свои гошпиталя, Сергей Сергеевич только махнул на меня рукой. Мол, после пары дней в нашем госпитале больше половины раненых лично познакомится со Святым Петром, а в их госпитале кого живым довезут, тот так жив и останется, а через неделю на своих ногах бегать будет. А довезут всех, это он лично гарантирует как Бог священной оборонительной войны.

Оказывается, перед каждым боем Сергей Сергеевич благословляет свое воинство. И именно это благословение, наполненное дарованной Господом благодатью, позволяет его раненым воительницам, несмотря на тяжесть ранений, продержаться до тех пор, пока до них доберутся артанские военные медики и отнесут к источнику живой воды, от которой, мол, раны затягиваются сами собой. Но в этот раз так уж получилось, что это благословение накрыло не только атакующее артанское войско, но ближайшие к нему русские полки. А может, и не только ближайшие – он, мол, того пока не ведает. Но ведает другое. Раз его благословение уже подействовало и на русских солдат, значит, мы с ним уже одной крови. Я не понял, что означает это «уже», но ведь точно – было такое чувство перед самой схваткой, когда меня будто прохладной водой окатило, и рука стала особенно тверда, а глаз остер.

Пока мы этак разговаривали с Сергей Сергеевичем, подчиненные ему артанские эскадроны, полки и дивизии, снова готовые к бою, как-то сами собой выстроились к атаке. Только сигнала им никто не давал, поэтому рослые воительницы, обряженные в мундиры цвета пожухлой травы, ровно сидели в своих седлах, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами со своими товарками. Как я понял, Великий князь Артанский ждал, пока на поле боя не выйдут его пешие полки, которым предназначено нанести последний смертельный удар во фланг и тыл французской армии. При этом резервный кавалерийский корпус под личным командованием Великого князя Серегина должен был связать боем уже один раз битую французскую кавалерию, чтобы не дать ей возможности помешать запланированному разгрому.

Но первой на поле битвы появилась не артанская пехота, а легкая полевая артиллерия, ненамного отличающаяся по подвижности от кавалеристов. Четыре коня, впряженные в легкую пушку с передком, и еще столько же лошадей тянут отдельный зарядный ящик, а весь расчет, в таких же невзрачных мундирах, тоже верхами скачет рядом с орудиями. И тут же на рысях – особые конно-гренадерские роты, прикрывающие батареи от натиска вражьей пехоты. В подзорную трубу видно, что это здоровенные плечистые мужики, между которых нет-нет попадаются такие же здоровенные, заматеревшие в боях бабенции.

Но вот артанские батареи доскакали до намеченных для них позиций; четко, как на параде, развернулись в сторону противника, и уже через минуту, выбросив плотные клубы белого дыма, жахнули дружным залпом в сторону флешей, оставленных

нами после упорного боя. Я во все глаза смотрел на эту вопиющую демонстрацию превосходства артанской артиллерии над русскими орудиями, потому что не прошло и пятнадцати секунд, как эти же пушки сделали второй залп, а еще через столько же времени – третий. При этом для того, чтобы пробанить ствол и зарядить орудие, прислуга не заходила к пушке со стороны дула, производя всю свою деятельность со стороны казенной части. В подзорную трубу было видно, что заряжание этой пушки действительно производится с казенной части, где после манипуляций одного из членов расчета открывается отверстие, куда суют проволочный банник*, затем продолговатый снаряд, а уже после – заряд в пороховом картузе, с виду почти обычном. Именно это казенное заряжание и, безусловно, прекрасная выучка, позволяли пушкарям вести стрельбу с такой убийственной частотой.

Примечание авторов: * в *пушках с картузным заряжанием необходимо банить зарядную камеру, чтобы в ней не осталось ни одного тлеющего клочка холста, оставшегося от картуза предыдущего выстрела. А иначе недалеко до беды, ибо холст такого картуза пропитывают селитрой для полной сгораемости, и воспламеняется он от малейшей искры, что при незакрытом затворе может вызвать тяжелые ожоги и смерть для расчета.*

Что при этом творилось у флешей, где в плотную кучу сбилась чуть ли не половина французской армии, слабонервным дамам лучше не описывать. Плотные белые клубы дыма, вспухающие с некоторым недолетом перед французским строем, видимо, производили эффект, схожий с картечным обстрелом. Пушки, люди, кони – все это, сбившееся в плотную массу перед флешами, подвергалось беспощадному истреблению, при этом ответные французские ядра не долетали до позиций артанских артиллеристов. Долго терпеть такой безнаказанный обстрел, убивающий самым беспощадным образом, французы не смогли и, оборотившись кругом, под громовые крики «ура» и улюлюканье русских солдат побежали прочь на свои прежние позиции, откуда и начали сегодняшнее наступление. При этом они бросали пушки, знамена, своих раненых товарищей, лишь бы оказаться подальше от того места, где их так беспощадно убивают. И именно в этот момент из опушки Утицкого леса стали выходить неровные цепи артанских пеших полков. Не осталась на месте и русская линия, ранее отошедшая на рубеж Семеновского оврага; теперь она перешла в наступление, чтобы, соединившись с нежданными союзниками, добить злобного врага, незваным гостем вторгшегося на русскую землю.

Четыреста шестьдесят третий день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу.

Кавалерист-девица Надежда Дурова.

Когда меня ранило, я даже не почувствовала боли. Я видела взмах палаша, рукоять которого сжимала рука французского кирасира, пыталась парировать его своей саблей, но немного не успела – и его лезвие врубилось мне в левое бедро. Сапог тут же наполнился чем-то горячим, я пошатнулась в седле и, выпустив из ладони рукоять сабли, упала на шею верному Орлику. С ужасом и тоской я бросила взгляд на свою ногу, которая была разрублена наискось до самой кости; из нее фонтаном хлестала кровь.

Смертный холод охватил мою душу; в каком-то отчаянном, инстинктивном желании обмануть смерть, спастись, я попыталась дать Орлику шенкелей, чтобы вырваться из этого ада, где люди и кони сошлись в жестокой схватке, где лязгает сталь о сталь и гремят выстрелы. Я не задумывалась о направлении, просто отчего-то мне казалось в ту минуту, что для того, чтобы выжить, необходимо двигаться, неважно при этом, в какую сторону. Но левая нога меня не слушалась; более того, я потеряла равновесие и неловко соскользнула с конской спины на землю, из последних сил удерживаясь руками за поводья.

Тогда-то и пришла боль. Она была мучительной; кажется, я стонала, скрипела зубами… Эта боль была похожа на всепожирающее пламя – она подавляла собою остальные чувства, не давая думать больше ни о чем. Я пыталась ползти – неважно, куда и зачем, лишь бы не оставаться на одном месте. И все это время где-то рядом ржали кони, гремели выстрелы, и сталь лязгала о сталь. С трудом преодолев несколько метров, я осознала, что это все, на что я была способна. Единственное, что мне удалось сделать – это перевернуться на спину. Мне хотелось видеть небо – то самое небо, с которого на меня сейчас взирает Всевышний… Наверное, во мне говорило неосознанное желание привлечь Его внимание, попросить о спасении мертвеющими губами, хотя бы об облегчении этой невыносимой боли…

И боль вправду стала утихать. Но вместо нее меня одолел какой-то странный озноб. Наверное, это происходило от большой кровопотери… Я ощущала слабость, а во рту появилась сухость. Тем не менее сознание мое оставалось ясным.

Глядя в синеющую высь широко открытыми глазами, я не могла разлепить высохшие губы для последней молитвы, и только мысли мои устремлялись вверх, в небеса – душа моя, исполненная уже торжественною обреченностью, просила Господа о прощении и о Царствии Небесном… Мое тело постепенно

заполнял холод; жизнь вытекала из меня вместе с кровью. Все звуки доносились словно сквозь вату в ушах – крики рубящихся бойцов, выстрелы из ружей и пистолей, лязг сабель, а также стоны раненых и умирающих. А вот запахи ощущались остро, словно каким-то непостижимым образом они усилились в несколько раз. Запахи прелой травы, сырой земли, пороховой гари… А еще какой-то сладковатый, беспокойный, смутно знакомый запах… В какую-то минуту я догадалась – то был запах человеческой крови. Ведь вокруг меня – множество мертвых и умирающих… Да и сама я, скорее всего, больше не жилец на этом свете. Хоть и чертовски хочется еще пожить… Такое чувство, будто я еще не совершила на пользу Отечества всего, что могла бы…

Как же жаль умирать… А ведь Господь ранее всегда благословлял меня и отводил смертельную опасность… Почему же на этот раз Небесный Отец не спас меня? Неужели Он разгневался за что-то? Неужели очень скоро я предстану перед Ним в чертоге Его небесном? О нет, такого не должно случиться, он не мог позволить мне погибнуть в этом бою! Я шла в это сражение с чувством приподнятости и уверенности в том, что я уцелею и мы непременно победим… Да, кажется, победа уже за нами – это радует… Но отчего же сама я лежу с разрубленной ногою, чувствуя, как все глубже проникает в меня смертный холод?

В то время как мудрая душа моя готовилась к смерти, тело мое, еще достаточно молодое, управляемое горячим сердцем, отчаянно стремилось жить. Я двигала пальцами рук, словно бы стараясь убедиться, что все еще жива, я жадно смотрела в небо, боясь, что вот сейчас оно начнет тускнеть в моем угасающем сознании… А оно было синим, пустым и каким-то празднично-беспечным, это небо. Но лик Господа не сиял в нем призрачным видением, и ангелы не порхали там, в лазурной вышине… Тем не менее откуда-то на меня снисходила твердая уверенность, что Господь видит все, что теперь со мной происходит… В этот момент приближения смерти я как никогда отчетливо стала ощущать Его присутствие. Он не покинет меня, он позаботится обо мне… но вот каким образом – это оставалось непознаваемо для моего скудного человеческого разума. То ли он явит мне чудо и я выживу (что вряд ли), то ли, уготовив уже место в Царствии Своем, заберет скоро душу мою туда, в вышний мир, мир блаженства и покоя…

Я все ждала своей смерти, а она никак не приходила. Боль не ощущалась вовсе; впрочем, как и раненая нога. Сознание оставалось ясным, несмотря на то, что из меня, кажется, уже

вытекла вся кровь. Это было для меня весьма удивительным, ибо я видела не раз, что происходит с теми, кто получил подобное ранение – они белели, черты их заострялись, и в конце концов они будто засыпали – но то была смерть… Я же испытывала только слабость. Мне было уже чрезвычайно трудно шевелить пальцами рук, но я продолжала это делать, всякий раз радуясь тому, что члены мои все еще подвижны и не захвачены умиранием. Кроме того, в моей голове стали возникать совершенно неожиданные для данной ситуации мысли – я думала не о себе и своей скорой кончине, не о предстоящей встрече с Всевышним, а о других вещах. Эти думы мои на самом деле являлись выводами из того, что воспринимали мои органы чувств, обостренные как никогда (за исключением разве что снизившегося слуха, но это было даже хорошо, так как оглушительный грохот пушек не позволил бы мне так умиротворенно размышлять и анализировать). Выводы, сделанные моим разумом, гласили – пришла помощь! Победа близка! Проклятые французы сдаются и отступают!

И вот звуки близкой схватки стихли. Где-то в отдалении еще продолжался бой: гремели орудийные и ружейные залпы, в единый рев смешивались русские и французские боевые кличи; но тут, вокруг меня, воцарилась благодатная тишина… И в этой тишине, которую нарушали лишь крики уцелевших врагов, бросивших оружие и жалобно взывающих к милосердию, слышалось торжество и ликование наших славных воинов, сумевших отстоять землю русскую от врага… Теперь же пришло время скорбному занятию – собирать раненых и оплакивать убитых товарищей… Кровь из моей ноги почти перестала струиться; наверное, ее больше не осталось во мне. Веки мои сделались тяжелыми от неимоверной слабости, и пришлось мне прикрыть глаза свои. Что ж, коли суждено мне именно сейчас отдать душу Господу – значит, быть тому. С такими ранениями не выживают… скорее всего, меня даже не успеют донести до лазарета. И пусть. Лучше умереть от раны, чем от стыда в тот момент, когда полковой хирург соберется оттяпать мне ногу и обнаружит, что я женщина.

Храня перед мысленным взором своим небесную синь – последнее впечатление этого мира – я готова была перейти в мир иной. И лишь одна мысль назойливо скреблась в моем сознании, отравляя значимость момента: какова же будет реакция боевых товарищей моих, когда они, подобрав мое мертвое тело, обнаружат, что я не мужчина? И думы об этом настолько беспокоили меня, что мне даже стало казаться странным, что в такой момент я тревожусь о подобных пустяках. Там, в Чертогах

Отца Нашего, мне будет уже все равно, как отнесутся другие к моему обману. Главное, что сам Господь видит суть натуры моей, и только Он может осудить меня или же простить… Уповаю на прощение, ибо не из каприза глупого и не из извращенных побуждений притворялась я мужчиною, а исключительно из желания познать полной мерою свободу духа, что даровал нам Всевышний… Чиста душа моя перед Ним; воистину не совершила я никаких смертных прегрешений, что отвратили бы лик Его от меня навеки! Что было по неразумению либо по незнанию – в том каюсь искренне, ибо грешен человек от природы своей. Но во всех своих помыслах и устремлениях всегда озиралась я на волю Его, и во все дни дух Его животворящий пребывал со мною! Спаси меня, Господи, спаси и помилуй!

Но нашли меня не мои боевые товарищи, уланы Литовского полка, а чужаки в мундирах цвета пожухлой травы; они-то (как я узнала уже после), ударив в спину французским кирасирам, и решили схватку в нашу пользу, под корень вырубили целую французскую кавалерийскую дивизию. Но тогда я этого не знала. Просто около меня раздались тяжелые и уверенные шаги нескольких человек, затем чей-то голос на русском языке с незнакомым мне акцентом произнес:

– Вот этот тоже живой! Бери его!

И тут же несколько пар рук слаженно подхватили меня и со всей возможной бережностию уложили на носилки, после чего куда-то понесли. Дивно было все это; дивно и странно, ибо несущие меня вполголоса переговаривались между собой женскими голосами; они обсуждали какого-то обожаемого командира, который, как всегда, победил… Будучи несколько озадачена этой странностию, я уж было подумала – а не ангелы ли это небесные так заботятся обо мне? Впрочем, я постаралась пресечь свои мысли касательно несущих меня людей. Скоро все выяснится… если я, конечно, доживу до этого момента. Блаженно было лежать на носилках и ощущать спокойную и могучую уверенность, исходящую от крепких рук этих то ли женщин, то ли ангелов…

Я не помнила, как отключилось мое сознание. Раскачиваясь на носилках, я погрузилась в дрему, итогом которой могло стать только небытие; когда же я очнулась, то все окружающее показалось таким странным, что мне проще было счесть это за сон.

Первое, на что я обратила внимание – это то, что лежу я в воде. Да не в простой воде – вся она будто светилась, и в ней вспыхивали разноцветные огоньки. Я лежала так, что над поверхностию была только моя голова; все же остальное было

погружено в эту удивительную жидкость, которая свойством своим делать тело чрезвычайно легким походила на морскую воду. Лежать здесь было до удивления комфортно – вода имела приятную температуру, а вдыхаемый мною воздух был легок и свеж, словно бы накачивался сюда с цветущих летних лугов.

Емкость, в которой я находилась, была похожа на ванну, выдолбленную из какого-то гладкого камня. Вертя головой по сторонам, я обнаружила, что нахожусь в просторном помещении с высоким потолком, воздух в котором также пронизан мерцающими огнями, а вокруг меня – спереди, с боков и, наверное, сзади – целые ряды таких вот «ванн», из которых тоже торчат чьи-то головы. Окон в этом помещении не было, и это наводило на мысль, что нахожусь я в каком-то подвале. Впрочем, подземелье это не было мрачным, а, скорее, загадочно-привлекательным. Кроме того, оно было наполнено тихими умиротворяющими звуками – плеском воды и звоном капель, что создавало впечатление своеобразной мелодии.

Большинство из тех людей, что лежали в ваннах, закрыв глаза, находились в полудреме, но некоторые, подобно мне, уже пришли в сознание и с любопытством пытались озираться по сторонам. Мерцающие в воздухе разноцветные огни и пляшущие по поверхности воды яркие искры создавали атмосферу покоя и внутренней созерцательности, а кроме того, смазывали черты моих соседей, не давая мне разглядеть их лиц. И где-то вдали в этом сияющем тумане двигались неясные фигуры служителей этого места, одетых в белые ангельские одежды. Они будто бы кого-то укладывали в ванны или, наоборот, доставали.

Так, пребывая в уверенности, что нахожусь под воздействием сна или бреда, я озиралась вокруг, прислушивалась к звукам и собственным ощущениям. На душе моей было спокойно, даже присутствовала некоторая эйфория; впрочем, подобное не раз бывало со мною во сне – когда понимаешь, что мир сей нереален, и потому, что бы с тобой ни происходило, ты находишься в полной безопасности.

И вдруг я сообразила, что лежу в ванне абсолютно голой! Паника уже было начала пожирать меня, когда я напомнила себе, что это просто сон. Однако, даже успокаивая себя таким образом, я не могла отделаться от чувства мучительной неловкости. При всем при этом я обнаружила, что не могу делать резких движений – все тело казалось будто бы скованным (да-да, именно так и бывает во сне), но тем не менее я хорошо ощущала все свои члены. И даже раненую ногу… Как же так? Она на месте? Кажется, будто она цела и даже не болит… Только я не могу пошевелить рукой, чтобы потрогать то место, куда пришелся удар

французского палаша и убедиться в том, что моя нога цела. Ах ну да… Все равно все это мне снится или видится в предсмертном бреду…

Чуть уняв волнение, я наконец решилась опустить глаза вниз и посмотреть на себя, благо эта чудная вода отличалась кристальной чистотою и прозрачностию. Я увидела свое тело – тело женщины, которое я так ненавидела, к которому испытывала отвращение. Но в эту минуту у меня почему-то не возникло столь неприязненных чувств к своему естеству, как это обычно бывало, когда мне случалось разоблачаться (разумеется, в строгом уединении). А может быть, мне просто было не до этого, так как я увидела удивительное зрелище, затмившее все остальное: рана на моей ноге присутствовала, но далеко не в том виде, в каком должна бы, не будь это сном. Вместо разрубленного почти напополам бедра я видела свою ногу вполне целой, пусть и изуродованной толстым белым рубцом. Радужные огоньки целыми стайками резво скакали по этому рубцу; они деловито копошились, словно тысяча маленьких существ, штопающих, сшивающих и восстанавливающих то, что было нарушено ударом отточенной стали.

Внимательно прислушиваясь к своему разуму, я уловила тот момент, когда происходящее более не казалось мне сном. Эйфория, свойственная сновидению, стала проходить, давая повод предположить, что она была вызвана искусственно. Ко мне возвращалась способность критически оценивать происходящее, а вместе с ней приходило и беспокойство наряду с растерянностью: где я? что со мной?

Одно лишь было для меня несомненно – я в безопасности. Более того, мне оказывают помощь. Что же до странности происходящего, то наверняка скоро все выяснится… Трудно было смириться лишь с тем, что мои спасители, кем бы они ни были, знают теперь о том, кто я на самом деле… Ведь кто-то же раздел меня догола, прежде чем погрузить в эту целительную ванну.

А вот, кажется, и они. Судя по звуку шагов, гулко отдающихся в этом похожем на пещеру помещении, в направлении меня двигались несколько человек. Если это мужчины, то мне лучше прямо сейчас утопиться со стыда прямо в этой ванне… Как это я предстану перед ними голой?! Прислушавшись к голосам, я с облегчением поняла, что приближающаяся группа людей состоит из одних только особ женского пола, и особ этих не более двух. Они непринужденно переговаривались меж собой, и голоса их звенели некоторой беспечной веселостию, отчего мне даже показалось, что в этом сумрачном помещении стало немного светлее. Поскольку приближались две эти женщины откуда-то

сзади, где, стало быть, и находился вход, то я не могла видеть их, учитывая, что способность быстро поворачивать шею была мне пока еще недоступна.

Эти две женщины останавливались возле каждой ванны и разговаривали с теми, кто в них находился. Отвечающие голоса были мужскими… Та это что, выходит, я одна здесь женщина?! И эти мужчины, что вокруг, тоже… голые? Что же это значит, в конце концов?

Мне оставалось лишь надеяться, что мужчины, окружающие меня, так же беспомощны, как и я, и что они не смогут вылезти из своих ванн с тем, чтобы поглазеть на меня, корнета Александрова, который оказался обладателем женского тела…

А тем временем женщины приближались. Судя по всему, они были кем-то вроде лекарей; они расспрашивали о самочувствии, а также подбадривали болезных обитателей этого странного подземелья.

Наконец дело дошло и до меня – кажется, они намеренно решили побеседовать со мной в последнюю очередь. Эти двое предстали передо мной, глядя на меня весьма приветливо. Одной из них оказалась моложавая женщина неопределенных лет, облаченная во все белое, включая и странного фасона шапочку на голове, скрывающую волосы. Даже не считая ее необычного одеяния, было в ней нечто, говорящее о принадлежности ее к какой-то совсем другой разновидности женщин, нежели те, которых я знала. Нет, сейчас я не могла бы указать, что именно так поразило меня; пожалуй, это была целая совокупность признаков: жесты, манера держаться и разговаривать, а более всего – выражение ее глаз. В них, сквозь стекла очков удивительной формы, отчетливо сквозила уверенность в правильности своего места в жизни, воля, решительность и глубокий ум. Поскольку все эти качества были мало свойственны знакомым мне женщинам, то в ней я почувствовала нечто родственное. Разница была лишь в том, что я была вынуждена скрывать свой пол…

Мысленно сказав себе, что к необычностям, пожалуй, следует привыкать, я переключила внимание на вторую персону. Это была девочка… на вид ей было что-то около двенадцати-тринадцати лет. Образ ее являл собой то ли подражание своей взрослой спутнице, то ли пародию. Она была одета точно так же, и даже на носу ее красовались такие же очки, немного ей великоватые. Выражение ее глаз уловить было трудно. Когда я пыталась это сделать, у меня возникало чувство, будто это глаза не девочки, а взрослой женщины, прожившей множество лет и умудренной огромным жизненным опытом… Впрочем, возможно, это мне

лишь чудилось в силу моего состояния. В целом эти двое производили двоякое впечатление. Несмотря на некую гротескность, от них веяло серьезностью и компетентностью, и от одного их присутствия мое беспокойство стало проходить.

Они же с улыбкой переглянулись, и наша беседа началась.

– Здравствуйте, голубушка Надежда Андревна, как ваше драгоценное здоровьичко? – немного ерничая, спросила девочка, а женщина кивнула мне в знак того, что присоединяется к приветствию.

– Спасибо, лучше, чем могло бы быть… – ответила я, мучительно гадая, откуда им могло стать известно мое настоящее имя. Кроме того, было очень непривычно слышать к себе такое обращение от девочки, да еще и с фамильярной приставкой «голубушка» – меня так не называли уж очень, очень давно. Впрочем, нетрудно было догадаться, что мне хочет показать «маленькая докторша», а именно – что им известно обо мне многое, если не все, и что отныне мне придется очень тесно общаться с ними и им подобными.

– Что ж, отрадно это слышать, – произнесла женщина. – А теперь, раз уж ваше самочувствие позволяет адекватно воспринимать действительность, позвольте представиться – Максимова Галина Петровна, главный врач этого в самом прямом смысле слова богоугодного заведения.

– А меня можете называть просто Лилия! – сказала девочка и лукаво подмигнула мне. – Между прочим, я богиня, а не халам-балам, и лет мне больше, чем вы, Надежда Андревна, можете подумать… Просто мне нравилось быть маленькой девочкой, а теперь так быстро не повзрослеешь… Эх, прощайте, подростковые любови… Впрочем, это неважно! – она махнула рукой и, поправив очки и внимательно меня оглядывая (вкупе с той частью меня, что находилась в воде), сказала: – Я вижу, регенерация проходит отлично… А вам как кажется, Галина Петровна?

– Соглашусь с вами, Лилия, – кивнула госпожа Максимова, – восстановление идет достаточно быстро, что говорит о мощнейших жизненных ресурсах данного организма, хотя сам он несколько ослаблен суровыми условиями жизни… Какой у нас там анамнез, Лилечка?

Возможно, я чего-то не заметила, но мне показалось, что бумага, которая появилась в руках у этой самой Лилии, возникла прямо из воздуха. Фокус? Не знаю; впрочем, что-то мне подсказывает, что отныне мне придется удивляться еще не раз.

– Глубокая рубленая рана левого бедра, осложненная большой потерей крови, – стала зачитывать «богиня». Она произносила много непонятных мне слов, а в конце и вовсе

перешла на латынь.

Галина Петровна только кивала, слушая с внимательным видом свою помощницу, над головой которой мне вдруг стало видеться слабое свечение (впрочем, мне это могло и показаться).

– Что ж, – сказала докторша, когда ее маленькая спутница закончила свой доклад, – пожалуй, относительно данного ранения прогноз вполне благоприятный. Думаю, что после завершения курса лечения мы будем иметь полную ремиссию с восстановлением всех функций поврежденной конечности. Но в любом случае после извлечения из резервуара товарищу Дуровой потребуется провести повторный осмотр и назначить дополнительные процедуры. Во-первых, с ее ноги будет необходимо убрать этот безобразный шрам и, кроме того, при сеансе твоей, Лилия, пальцетерапии могут быть выявлены какие-нибудь скрытые до сей поры заболевания, которые придется лечить уже другими методами… Мда… – Склонив голову, госпожа Максимова внимательно посмотрела на меня, словно что-то прикидывая, а затем произнесла: – Полагаю, Надежду Андреевну можно будет извлечь из регенерирующей ванны уже через сутки.

– Извлечь? – разволновалась я. – Но простите, уважаемая Галина Петровна, как же это возможно? Как вы будете… эээ… извлекать меня, если тут кругом одни мужчины?

При этих моих словах маленькая докторша нахмурилась (как мне показалось, притворно), а взрослая, сочувственно вздохнув, сказала:

– Честно говоря, те, кто принесли вас сюда, не могли знать о том, что вы женщина, ведь вы были одеты в мужскую одежду. Вам требовалась срочная магическая помощь в виде регенерирующей ванны, погрузив в которую, человека уже нельзя вытаскивать и куда-то перемещать до завершения полного курса лечения. Но вы не переживайте, Надежда Андреевна, сейчас на вашу ванну, как и на все остальные, наложено особое маскирующее заклинание, из-за которого вашим соседям просто неинтересно смотреть в эту сторону, а также слушать наши разговоры. На самом деле для дипломированного мага это просто пустяк. Думаю, что в тот момент, когда придет ваше время покинуть это место, мы что-нибудь придумаем, чтобы избавить вас от стыда и неловкости… А пока… нет ли у вас каких-либо жалоб или пожеланий?

Говоря это, докторша смотрела на меня с лаской и участием, отчего я была немало растрогана, и даже почувствовала щипание в переносице. Только бы не расплакаться! Я настолько свыклась с ролью мужчины, что даже теперь, когда в этом не было уже никакого смысла, старалась удержать в себе это чисто женское

побуждение дать волю своим чувствам… Я избегала докторов на всем протяжении моей службы. Мне приходилось это делать, так как любой врач мог без труда разоблачить меня. Если меня что-то беспокоило, то я никому не говорила об этом, надеясь, что само пройдет. Так оно обычно и получалось.

И сейчас я испытывала чувство благодарности к этой докторше, за то, что она так участливо интересуется, нет ли у меня жалоб или пожеланий.

– Спасибо, я всем доволен… – Тьфу ты, какая досада! Говорю о себе по привычке в мужском роде. Ну не поворачивается у меня язык говорить сообразно своему истинному полу! Кажется, что стоит сделать это – как тут же обрядят меня в юбку и посадят за ненавистное рукоделие! Хоть и понимаю, что в теперешней ситуации мои слова звучат до крайности нелепо. Впрочем, обе докторши сделали вид, что их вообще не волнует, в каком роде я о себе говорю. Прекрасное чувство такта!

– Вы уверены? – переспросила девочка.

– Ну… – медленно проговорила я, – разве что за исключением того, что мне неловко находится здесь в таком вот разоблаченном виде… но, как я понял, с этим пока ничего нельзя поделать. Хорошо хоть, что это, как вы сказали, маскирующее заклинание не позволяет всем этим мужчинам смотреть в мою сторону и слушать наши разговоры.

– Вы правильно понимаете, Надежда Андревна, – кивнула Лилия своей прелестной головкой, одетой в белый цилиндрический колпак, – увы, вам придется потерпеть… Смотрите на свое тело и привыкайте к тому, что вы не мужчина… как специалист, настоятельно вам это рекомендую. – Она внимательно вгляделась в мои глаза. – Вы понимаете? Со всей ответственностью заверяю вас, что у вас больше не будет необходимости притворяться мужчиной… Да-да. И еще вам предстоит сделать множество удивительных открытий – как относительно произошедших событий, так и насчет самой себя…

Я только кивала. Конечно же, меня не мог не разбирать интерес, что подразумевает под «открытиями» эта странная девочка, мне ужасно хотелось узнать все это немедленно, но я напомнила себе, что нужно иметь терпение и выдержку.

И тут маленькая «богиня», сочтя, что можно уже переменить тему, вкрадчиво осведомилась:

– А не хотите ли вы покушать, Надежда Андревна?

И только тут я осознала, что и вправду ужасно голодна…

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 14:45. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка

главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Когда южнее багратионовых флешей во фланг наполеоновской армии часто загрохотали пушки неведомых пришельцев, выбрасывая при этом вполне обычные клубы порохового дыма, главнокомандующий русской армией встал со стульчика, который за ним повсюду таскали адъютанты, и перекрестился. В подзорную трубу было видно, как распускаются в воздухе белые облачка разрывов гранат капитана Шрапнела, как под беспощадным обстрелом падают убитые и раненые, как смешавшиеся ряды французов обращаются в беспорядочное бегство. В битве наступило такое положение неустойчивого равновесия, когда даже одна дополнительная соломинка способна сломать спину верблюду; однако тот, кто привел на это поле солдат в мундирах цвета пожухлой травы, бросал на весы победы далеко не солому. Внимательно наблюдающий за полем боя Кутузов едва не пропустил тот миг, когда кусты на опушке Утицкого леса расступились и под прикрытием артиллерийского обстрела на открытое пространство стали выходить густые стрелковые цепи пехотных легионов.

Почти сразу после их появления в Горки на загнанном, тяжело дышащем коне ворвался молоденький запыханный корнет в мундире Литовского уланского полка. Подскакав к тому месту, откуда русский главнокомандующий наблюдал за ходом сражения, гонец соскочил с коня и, протягивая Кутузову пакет, опустился на одно колено.

– Послание к вашей Светлости от генерала Костенецкого! – выкрикнул юноша восторженным голосом, – мы победили и враг разбит!

– Встаньте, юноша, – ответил Кутузов, принимая сложенный несколько раз лист бумаги, – отдышитесь, представьтесь, наконец, и внятно расскажите, что там произошло. О том, что враг разбит, я знаю и без вас. У меня хоть и всего один глаз, но видит он ничуть не хуже, чем ваши два.

– Корнет Еремин, Ваша Светлость, – сказал корнет, поднимаясь на ноги, – ну как же я расскажу вам, что произошло, когда я почти ничего не видел? Сначала мы ударили в пики навстречу атакующим французам, потому что генерал Панчулидзев сказал, что если мы будем ожидать их атаки, стоя на месте, нас сразу же сомнут…

– Узнаю Ивана Давыдовича, – степенно кивнул Кутузов, быстро прочитавший коротенькую записку Костенецкого, – и, кстати, он был совершенно прав. Стоять кавалерии на месте в таком случае смерти подобно. Но давайте, юноша, продолжайте.

Вы ударили по французам в пики, и что дальше?

– Сначала было тяжело, – честно признался корнет, – но мы рубились так, будто это наш последний бой, не надеясь победить, а только умереть с честью. Потом в един миг стало легче. Рубящиеся с нами французы стали мешкать и оглядываться на звуки боя, который неожиданно начался в их тылу. Мы же, напротив, насели на них с такой неистовой яростью, будто от этого зависела сама наша жизнь и спасение души. И тогда французы, вырубаемые и спереди и сзади, все из них, кто еще был жив, принялись бросать оружие и сдаваться в плен.

– Очень хорошо, юноша, – подбодрил Корнета Кутузов, – рассказывайте дальше; почему я должен тянуть из вас клещами каждое слово, будто вы не русский офицер, а пойманный нашей разведкой вражеский лазутчик?

– А потом, ваша Светлость, – корнет покраснел как юная девица, – мы впервые увидали артанское войско. Высоченные мускулистые ээ… не то девки, не то женщины, восседающие на больших конях преимущественно гнедой или вороной масти, гнали сдавшихся французов в нашу сторону, при этом говоря им такие русские слова, которыми не принято выражаться при дамах…

– Скажите, юноша, – посмеиваясь, спросил генерал Кайсаров, – я не понял, кто был гнедой или вороной масти – девки или все же их кони?

– Разумеется, кони, Ваше Высокопревосходительство, – ответил корнет, – у тех девок цвет кожи хоть и смуглый, навроде цыганского, но гнедым либо вороным его все же не назовешь. А еще на их лицах зеленой краской были нарисованы такие размазанные полосы, вроде как боевая раскраска у индейцев; как первый раз посмотришь, так сразу жуть за душу берет. Которые из них спешились, сразу оказались на две головы выше любого из нас. Плечи у этих девок широченные и руки длинные, зато в талии они вельми узки, и ноги, хоть и длинные, но стройные. И сиси тоже большие-пребольшие…

– Молодой человек, – остановил корнета Кутузов, – разговор о ножках и сисях оставьте лучше для своих приятелей, а нам лучше расскажите об их командующем Великом Князе Артанском.

– Виноват, Ваше Высокопревосходительство, исправлюсь, – покрасневший корнет опустил голову. – Самовластный Великий князь Артанский плечи имеет широкие, глаза серые, видом вельми мужественен и суров. Войско его любит и почитает как отца родного и старшего брата. Посмотришь и скажешь – вот он, настоящий командир, отец солдатам. Смотришь – и сердце разрывается, почему у нас не все генералы настолько хороши и

почему сейчас мы здесь бьемся под Москвой, а не французы под Парижем. Ведь были же походы генералиссимуса Суворова, когда наша армия вела войну наступательную и дралась в Италии и Швейцарии, на чужой, а не на своей территории. Если бы вы, Ваше Высокопревосходительство, сами видели бы Великого Артанского князя, то сразу же все поняли бы, а я всего лишь молодой корнет – сегодня есть, а завтра меня нет. Кстати, Ваша Светлость, нету у меня более приятелей, полегли все в рубке супротив французских кирасир, одному мне в сей схватке довелось остаться невредимым, а из прочих, тех, кто еще жив, большинство испустит дух еще до сегодняшнего вечера*. А если бы не Артанский князь и его воинство, то всех бы нас втоптали в землю на том рубеже, ибо Литовские уланы погибают, но не отступают и не сдаются. Потому я и радовался так той победе, ибо большой кровью она нам далась, и чудесным было наше спасение, там где никакого спасения не должно было быть вовсе.

Примечание авторов: * *Корнет Еремин еще не знает, что те из его приятелей-сверстников, кто не был убит наповал, уже плавают в регенерирующих ваннах с живительной волшебной водой. И что все они, пережившие тот бой, уже через весьма короткое время начнут выздоравливать и при этом проявлять неподдельный мужской интерес к обслуживающему их медперсоналу из бывших мясных.*

Конечно, услыхав такие дерзкие речи от какого-то корнета, Кутузов мог бы закричать на наглеца, затопать ногами и замахать руками, дабы пресечь поток дерзостей, но во-первых – легла уже на Бородинское поле тень чего-то великого, делающего подобное поведение командующего неподобающим, а во-вторых – Михайло Илларионович и сам не был особенно склонен к подобным проявлениям начальственной спеси. Но в то же время русский командующий не знал, что ответить молодому офицеру и чем его ободрить. Положение спас генерал Кутайсов, попросивший корнета Еремина показать свою саблю. Когда тот выполнил просьбу, то стало видно, что лезвие оружия испещрено свежими зарубками и царапинами – а это говорило о том, что этой саблей совсем недавно яростно и очень упорно рубились с врагом.

– Корнет Еремин, – сказал увидевший эту саблю Кутузов, – за отличие, проявленное по службе, храбрость и героизм, поздравляю тебя званием поручика. Надеюсь, что ты и дальше будешь честно и гордо нести высокое звание русского офицера. Виват!

Корнет, то есть уже поручик, Еремин шмыгнув носом от расстройства чувств, хотел было что-то сказать – такое эдакое, благодарственное; но как раз в этот момент генерал Кутайсов

вытянул руку, указывая куда-то вдаль в южном направлении.

– Ваша Светлость, – произнес он, обращаясь к Кутузову, – смотрите, кто это там скачет под красным знаменем рядом с генералом Костенецким? Часом не сам ли Артанский князь решил нанести нам визит вежливости?

Кутузов бросил внимательный взгляд на группу быстро приближающихся всадников в мундирах цвета пожухлой травы, над которыми трепетало от быстрой скачки их священное алое знамя, после чего перевел взгляд на поручика Еремина.

– Скажите, юноша, – спросил русский главнокомандующий, – вон тот человек рядом со знаменосцем – это случайно не сам ли Великий Артанский Князь Сергей Сергеевич Серегин?

Новоиспеченный поручик, которого чем дальше, тем больше пронимал Призыв, тут же с восторгом подтвердил, что да, в настоящей момент к Ставке русского главнокомандующего приближается сам Великий Артанский князь Серегин, собственной персоной, с личной охраной и ближними помощниками. А значить это может только то, что пришло время кончать эту тянущуюся будто бесконечная канитель* битву с Наполеоном.

Примечание авторов: * *Тонкая металлическая (обычно золотая или серебряная) нить, употребляемая для вышивки узоров на офицерских и генеральских мундирах. В переносном смысле – длительное и утомительное, но часто бесполезное и ненужное занятие.*

– Думаю, юноша, что, несмотря на свою молодость, вы весьма недалеки от истины, – согласился Кутузов, которого тоже одолевали схожие чувства*, – у меня тоже есть такое мнение, что конец Бонапартия близок, и что наш неожиданный союзник скачет сюда, чтобы утвердить план по окончательному разгрому супостата.

Примечание авторов: * *поскольку Серегин может контролировать силу издаваемого им Призыва только в ограниченных пределах, с момента открытия порталов этот фактор начал действовать как на русскую, так и на французскую армии. Ни Наполеон, ни Кутузов, несмотря на всю свою привлекательность для солдат и офицеров, не были соперниками Серегину в борьбе за их души. Да, собственно, начиная эту кампанию, Серегин и сам не подозревал о возможности столь неожиданного результата своего пребывания в 1812 году. Впрочем, все самое интересное по этой части у него еще впереди.*

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 15:25. Московская губерния, Бородинское поле, деревня

Шевардино, Ставка Наполеона.

Французский император стоял на Шевардинском холме, по привычке засунув правую руку за отворот сюртука. Прямо перед ним, на злосчастном Бородинском поле, умирала его Великая армия, точнее, то, что от нее оставалось к трем часам пополудни. Французские полки, зажатые со всех сторон врагами и избиваемые ружейным и пушечным огнем, редели с каждой минутой. Неся тяжелые потери, сбившиеся в кучу солдаты наполеоновской Великой Армии медленно, но неуклонно, шаг за шагом, отступали в сторону своих исходных позиций и также медленно их преследовали сверкающие уставленными вперед штыками русские полки. И каждый шаг этого отступления оставлял на пропитанной кровью земле все новые и новые трупы французов, итальянцев, немцев, голландцев, поляков и прочих представителей двунадесяти языков, что незваными пришли на русскую землю.

Французская артиллерия, на которую возлагалось так много надежд, бездействовала. Она не могла сделать по атакующим русским полкам ни единого выстрела. Ужасные, разрывающиеся прямо в воздухе гранаты капитана Шрапнела и плотный ружейный огонь со стороны стрелковых цепей, наступающих под красными знаменами с южного направления, выбил расчеты и заставил замолчать французские пушки. К тому же еще в самом начале отступления его (Наполеона) войскам пришлось бросить большую часть своей артиллерии, ранее подтянутой для обстрела русских укреплений по Семеновскому ручью, и теперь эти пушки уже находились за спинами наступающих под барабанный бой русских полковых колонн. Неприятель, атакующий Великую армию с южного направления, выглядел не так красочно и ярко, как собранные в кулак русские полки, но это не мешало стрелковым цепям, одетым в мундиры цвета хаки, собирать с французов свою жатву смерти. Выстрелы – столь же частые, сколь и меткие – уносили одну солдатскую жизнь за другой. При этом огонь велся с такой запредельной дистанции, что выпущенные в ответ французские пули просто не долетали до вражеских солдат.

Но страшнее всего была артиллерия пришельцев, которая, не сходя с позиций, без труда насквозь простреливала все поле боя. Отсюда, с Шевардинского холма, были отчетливо видны невинные облачка белого дыма, с небольшими недолетами почти беззвучно вспухающие чуть в стороне от французских войск. Каждое такое облачко порождало сноп картечи, одним махом уносящий жизни десятков французских солдат. Сам артиллерист до мозга костей, Наполеон Бонапарт проклинал того, кто выдумал такие ужасные и гранаты наносящие такой ужасный

ущерб его армии. В неприкосновенности оставалась лишь его Гвардия, замершая в ровных колоннах в ожидании приказа своего Императора. Его приказа. Скажи он: «Гвардию в огонь!» – и они пойдут и умрут с его именем на устах. Но стоит ли оно того, когда битва уже проиграна и торжествующий враг явно берет верх?

Его верные маршалы – командующий Молодой Гвардией Эдуар Мортье, командующий Старой Гвардией Франсуа Лефевр и командующий гвардейской кавалерией Жан-Батист Бессьер – в ожидании приказа наготове стоят чуть поодаль. Только отдать приказ… А стоит ли? Проиграна не просто битва у Москвы-реки*; проиграна вся кампания этого года в России. И брошенная им в огонь Гвардия ничего в этом поражении не изменит, только продлит бессмысленную агонию. Неведомый союзник русских, действуя совершенно ничтожными силами**, буквально растер его Великую армию в порошок и смешал этот порошок с дерьмом. Сами русские, конечно, дрались отважно, но их неожиданные союзники, выступающие под красными знаменами, одетые в скромные мундиры цвета пожухлой травы, превратили это сражение в какой-то расстрел безоружных. Наполеон и сам был любитель расстреливать из пушек неподвижные вражеские полки, но то, что творили незнакомцы, было непостижимо даже его уму.

Примечания авторов:

** так Бородинское сражение именуется во французской историографии.*

*** 48 орудий, 20 тысяч пехоты и 12 тысяч конных егерей армии Серегина, на фоне численности противоборствующих в Бородинском сражении армий – это действительно немного. Численность французской армии – 102 тысячи пеших (пехота + артиллерия), 28 тысяч конных, при 587 орудиях. Численность русской армии – 86 тысяч пеших (пехота + артиллерия), 24, 5 тысячи конных (регуляры + казаки), при 640 орудиях, из которых половину Кутузов оставил в резерве, из-за чего эти пушки не принимали участия в бою, в то время как французская артиллерия участвовала в сражении в полном составе.*

Император самолично имел возможность наблюдать, как отчаявшийся от непрерывного обстрела храбрый дивизионный генерал Монбрен повел в атаку оставшихся в строю последних кавалеристов Мюрата. Пух и прах, прах и пепел, блеск сабель и палашей, пики с яркими значками и чудом уцелевшие в предыдущих атаках полковые знамена. Сам главнокомандующий французской кавалерией еще три часа назад бесследно сгинул, в первых рядах возглавив злосчастную атаку в обход сильно укрепленного Семеновского, и Наполеон больше не чаял увидеть

его живым. Головная часть атакующей французской колонны тогда была вчистую вырублена все теми же рослыми всадниками на высоких конях, и Мюрат тоже наверняка находился среди сотен погибших кавалеристов, сплошным ковром тел усеявших окровавленную русскую землю. Впрочем, Наполеон забыл о том, что никто этих французов в Россию не звал и приносить европейскую цивилизацию на русскую землю не просил.

С расстояния в полтора километра в подзорную трубу прекрасно было видно, как при угрозе атаки остановились и уплотнились ощетинившиеся штыками стрелковые цепи, превращаясь в обычные двухплутонговые линии. В то же время солдаты в несколько иной, чем у всех остальных, форме (которые до того, ничего не предпринимая, группами по трое двигались в интервалах между цепями) тоже остановились и принялись собирать какие-то странные аппараты вроде коротких толстых ружей на низких раздвижных треногах. Сначала по атакующей французской кавалерии частыми залпами ударили ружья пехотинцев, заржали раненые кони, солдаты и офицеры стали выпадать из седел, но это были еще цветочки. Ягодки наступили тогда, когда первые французские всадники были уже в паре сотен шагов от яростно отстреливающихся пехотинцев. Второй раз за этот день над Бородинским полем раздалось яростное «тра-та-та-та-та», которые издавали те самые аппараты на низких треногах. Несколько томительных мгновений – и все смешалось на поле сражения. Кони и люди беспорядочно валились на землю, будто срезанные огромной косой, а те, что пытались подняться, тут же вновь валились наземь, уже окончательно, сраженные насмерть. Это было страшнее плотных убийственных залпов пехотных каре, а также выбрасываемых пушками смертоносных картечных снопов. И против такого лютого и безжалостного врага бросить последний резерв, свою гвардию? Нет, нет и еще раз нет!!!

– Сражение проиграно, господа, но война еще нет, – сообщил Император окружившим его генералам и маршалам. – А раз так, то наша главная задача – выбраться из этой дикой России, в которую мы так неосмотрительно залезли. Мортье и Лефевр, командуйте гвардии отход, ибо промедление подобно смерти.

– А как же ваши солдаты, сир, что сейчас сражаются и умирают за Францию? – спросил у императора маршал Бертье, указывая на полуокруженные с трех сторон французский войска, непрерывно избиваемые при этом ружейным и артиллерийским огнем. – Неужели вы бросите их умирать в безвыходной ситуации, когда окружившие их враги жаждут кровавой мести?

– Наша Великая армия уже погибла, мой дорогой Бертье, – ответил Наполеон, особо напирая на слово «уже», – но милая

Франция пока жива. Прежде чем мы еще раз встретимся на поле боя с этими исчадиями ада под красными знаменами, с их дальнобойными пушками и адскими машинами, способными истреблять любые количества солдат, нам должно сначала как следует подготовиться. Но если мы попытаемся выручить то, что и так уже погибло, то навсегда останемся на этом поле боя, а вместе с нами погибнет и сама Франция. Поэтому настоятельно прошу вас поторопиться, пока еще имеется возможность в полном порядке отступить вместе с Гвардией, а не то вот-вот нас примутся поторапливать пинками в спину.

– Э-э-э-э, сир… – проблеял главный интендант граф Дюма*, указывая куда-то прямо в тыл, – вы только поглядите на это собственными глазами…

Примечание авторов: * *Дивизионный генерал граф наполеоновской империи Гийом Матье Дюма никакого видимого невооруженным глазом прямого отношения к всемирно известному автору «Трех Мушкетеров» не имел. Его единственная дочь Анна-Аделаида умерла бездетной, покончив с собой после смерти в испанском плену ее мужа, бригадного генерала Жана-Батиста Франчески.*

Решительно обернувшись, Император бросил взгляд туда, куда указывала рука его главного интенданта. Преображение, произошедшее с ним в следующее мгновение, можно сравнить только с подменой одного человека другим. Собираясь на эту битву, все ценное (обозы с припасами, некомбатантов, художников, артистов, проверенных на предмет венерических болезней шлюх-маркитанток, а также госпиталь с ранеными) Наполеон оставил в захваченном два дня назад Колоцком монастыре. И вот теперь как раз с той стороны по дороге к Шевардинскому кургану приближалась колонна рычащих, свистящих* и лязгающих металлом механических чудовищ, бугристая шкура которых была покрыта зелено-желто-коричневыми пятнами, а длинные пушечные стволы не оставляли сомнений в их военном предназначении. Солдаты в уже знакомых мундирах цвета пожухлой травы, восседающие на спинах этих чудовищ и скачущие рядом с ними рысью на гнедых конях, не оставляли у Наполеона сомнений в том, что это к французам пришла окончательная погибель. Все то, что неведомый враг демонстрировал на поле боя ранее, не шло ни в какое сравнение с тем воплощенным в плоть ужасом, который Император имел возможность наблюдать сейчас.

Примечания авторов: ** БМП-2 рычат, танки Т-80 свистят и все они вместе лягают гусянками.*

Группы таких же чудовищ с солдатами на спинах и кавалерии

наблюдались и южнее, у городка Ельня, а также севернее, за рекой Колочей. Хозяин всего этого механического зверинца как бы говорил французам, что спасения нет и бежать некуда. За сегодняшний день Наполеон Бонапарт уже узнал о дальнобойности пушек пришельцев, разгромивших его армию. Поэтому будь целью этих чудовищ исключительно убийство французских солдат, или уничтожение лично его, Императора французов, огонь по императорской Ставке на Шевардинском кургане и построенной в батальонные колонны Гвардии, был бы открыт в том момент, едва только они появились на горизонте. И неважно, что это такое – механизмы или организмы (или, может быть, и то, и другое вместе взятое); понятно, что оно обладает ужасной разрушительной мощью и не пощадит своего врага в случае сопротивления. А жить Наполеон хотел. Недаром же в нашей истории он целых два раза предпочитал плен славной гибели в бою. Вот и на этот раз, оказавшись перед лицом катастрофы, он отдал своим маршалам, командовавшим гвардейскими частями, распоряжение разрешающее открывать стрельбу и вступать в бой только в том случае, если приближающиеся чудовища сами откроют по ним огонь.

Впрочем, почти все эти боевые механизмы остановились метрах в пятистах от Ставки, после чего восседающие на них люди стали спрыгивать на земли и выстраиваться в такую же редкую цепь, какую Наполеон на этом поле боя видел уже неоднократно. Император не сомневался, что прикажи он своей Гвардии атаковать чужаков – и его храбрые солдаты, конечно же, выполнят приказ, но и полягут все до единого, как и кавалерия несчастного генерала Монбрена. Но одна машина из множества не остановилась, а, сопровождаемая десятком всадников и взрыкивая будто голодный тигр, направилась вверх по склону холма, почти не снижая скорости. По мере их приближения Наполеон с некоторым ошеломлением понял, что всадники, сопровождающие чудовище верхами, на самом деле являются лицами женского пола… причем весьма миловидными лицами. И такие же красотки, свесив ножки на бок, восседают на спине этого то ли организма, то ли механизма. И только один из седоков чудовища оказался мужчиной (скорее всего, командиром), ибо отличить офицеров от нижних чинов в этих невзрачных мундирах не смогла бы и самая проницательная Сивилла.

Впрочем, Наполеон почти не сомневался в том, что приближающееся к Ставке чудовище являлось именно механизмом. Еще в тот год, когда будущий император появился на свет, один полусумасшедший изобретатель предложил военному министру короля Людовика маркизу де Шуазель проект

паровой телеги* для перевозки пушек. Построенный по этому проекту агрегат вроде бы даже что-то такое за собой возил по покрытому булыжником двору, но игрушка оказалось слишком дорогой. Годовой запас овса для пары лошадей обходился дешевле годового запаса дров для паровой телеги. Впрочем, возможно, это были инсинуации недоброжелателей, желавших засунуть в ссылку как изобретателя, так и покровительствующего ему военного министра, на должность которого было довольно много желающих. Ведь и в самом деле лошади хотят есть всегда – неважно, возят они пушку или нет; а дрова для паровой телеги потребны только в тот момент, когда она выполняет свою функцию.

Историческая справка: * *Теле́га Кюньо́ (фр. chariot à feu (fardier) de Cugnot) – прототип автомобиля и паровоза, который был построен во Франции в 1769 году военным инженером Никола Жозефом Кюньо (фр. Nicolas-Joseph Cugnot).*

Одним словом, Наполеон Бонапарт почти спокойно, не предполагая никаких подвохов, ожидал прибытия посланцев своего победителя, а окружавшие его генералы и маршалы старались брать пример со своего Императора. С другой стороны, будь на месте миловидных девиц вполне европейского облика потные раскосые мужики в засаленных халатах, французы бы еще повыкобенивались… но тут были таких красотки-девицы, по сравнению с которыми признанные парижские красавицы смотрелись как дешевые портовые шлюхи.

Подъехав почти к самой вершине холма, механическое чудовище остановилось и перестало яростно рычать; вместо этого с его стороны теперь слышалось только тихое угрожающее ворчание. Восседающие на его спине девки и их командир ловко спрыгнули на землю, а следом за ними спешились и всадники. Все вместе они взяли в полукольцо группу французских генералов и маршалов во главе с Императором, наставив на них стволы своих карабинов. Жесткие уверенные лица, прищуренные глаза, презрительные складки миленьких губок… м-м-м, небожительницы! Повелительный жест командира – и стволы опускаются вниз и отводятся в стороны. Но Бонапарт, уже успевший оценить выучку этих воительниц, уверен, что если кто из его окружения сделает хоть один неверный жест, может произойти непоправимое.

– Наполеон Бонапарт, император французов, – по-русски торжественно провозглашает командир пришельцев, переводчиком которому служит одна из девиц, – от имени самовластного князя Великой Артании Серегина Сергея Сергеевича, еще прозываемого Бичом Божьим, я, капитан его

разведки, Виктор Коломийцев, провозглашаю вас и ваших людей личными пленниками моего сюзерена и командира. Также от имени князя Великой Артании я гарантирую отсутствие для вас всяческих ущемлений и поруганий чести, за исключением обязательства прекратить боевые действия и сдать оружие. Впрочем, офицеры и генералы могут оставить себе шпаги, а нижние чины ножи. В случае если вы отказываетесь от этих условий почетной капитуляции, то все вы – от Императора до рядового солдата – будете немедленно и достоверно убиты. На этом у меня все, и я жду вашего ответа, сир.

Выслушав этот столь странно сформулированный ультиматум, Наполеон задумался, потом кивнул.

– Я согласен с предложением вашего сюзерена, – ответил он, – но у меня остаются сомнения по поводу того, что скажет русский император, когда узнает, что ваш сюзерен объявил императора французов, его маршалов, генералов, офицеров и солдат своими личными пленниками, даже не потребовав у меня отречься от престола?

Капитан Коломийцев покачал головой.

– Мнение всероссийского императора Александра Павловича в данном случае не имеет совершенно никакого значения, – уверенно сказал он. – Дело в том, что мой сюзерен действует с ведома и по поручению Отца Небесного, иначе еще именуемого Творцом, Всевышним, первым лицом Троицы и Богом-Отцом. Примите это обстоятельство на веру, ибо Небесный отец не совершает чудес по требованию, а занимается этим делом только тогда, когда это служит воплощению Его Замыслов.

Часть 34

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 16:05. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

После того как бедолага Наполеон отдал свою шпагу начальнику моего разведбатальона, битва прекратилась как бы сама собой. Еще метались по полю боя лошади, потерявшие своих всадников, еще стонали и взывали о помощи раненые, еще продолжали свое движение не получившие других указаний русские резервные части, но обстрел уже прекратился как с той, так и с другой стороны. Оглядываясь назад, солдаты побежденной армии видели, что над Шевардинским холмом вместо французского императорского триколора развеваются белое знамя капитуляции и алый стяг победителей. Ну а русские полки видели все это, даже не оглядываясь. В тот миг, когда французское знамя над Наполеоновской ставкой вдруг рухнуло как подкошенное, десятками тысяч луженых глоток громыхнуло яростное «Ура!» и им вторили мои полки, которые сегодня тоже не были на этом поле простыми статистами. Французские же полки, как и положено побежденным, угрюмо молчали. Их Император завел своих солдат на смерть в эту дикую Россию, и теперь они не знали, к добру это затишье или все самое страшное еще впереди.

Итак, битва закончена и теперь пришло время, как писал Лермонтов, считать раны и павших товарищей. Вторжение Наполеона мы отразили, но потери русской армии все равно оставались зашкаливающе высокими. В течение сегодняшнего дня были убиты и тяжело ранены не меньше ста двадцати тысяч человек, из них треть русских и две трети французов. С французами мы разберемся потом, а вот русские потери оказались почти такими же, как и в базовой версии реальности – около сорока тысяч человек. Единственная разница заключается в том, что ни один русский солдат и офицер не умер после часу дня – то есть с того момента, как я нечаянно благословил русскую армию Заклинанием Поддержки. Да и Михайло Илларионович подтвердил, что хоть и вовсе не был ранен тогда, а един миг будто скинул с плеч целых двадцать лет… Пришлось объяснять одному из величайших русских полководцев, что заклинание – то есть, простите, благословение – Поддержки действует в течении

суток и применяется с целью подкрепить воинов в бою и не дать им умереть в случае тяжелого ранения. На большее по медицинской части у меня полномочий нет, не дал Небесный Отец дар излечения, да и не нужен он мне вовсе. Поэтому я только оказываю первую помощь, а чтобы по-настоящему излечивать ранения или болезни, необходим медицинский специалист с особыми талантами…

– Есть такой специалист, папочка, причем высококвалифицированный, – гордо заявила Лилия, по своему обыкновению взявшаяся невесть откуда. – Если кого-то опять требуется вылечить от старости, то я всегда готова. Как эта, как пионерка…

– Стара ты для пионерки, Лиля… – ответил я и спросил: – Ты зачем из Тридесятого царства сбежала? Или там раненые закончились? Думаешь, Галина Петровна без тебя одна справится?

– И вовсе я не сбежала! – капризно топнула ножкой Лилия. – Там сейчас вместо меня на диагностике в приемном потоке пашет моя энергетическая копия. Простые же все случаи для диагностики – огнестрельные, колотые, рубленые и резаные ранения. Да и у самой Галины Петровны руки как рентген. Провела – и все ясно. Я так не умею, мне гораздо дольше работать надо. Вот и вырвалась к тебе – так сказать, перевести дух, отереть трудовой пот с лица и поболтать за жизнь…

– Не прибедняйся, Лилия, – ответил я, – ты тоже кое-что можешь, чего не может никто, разве что за исключением Небесного Отца. Но он в практикующие врачи не рвется. У него и своих забот достаточно.

– Я понимаю, – вздохнула Лилия, пожимая плечами, – но все-таки, папочка, мне иногда хочется побыть маленькой капризной девочкой, которая залезает папе на коленки и просит рассказать сказку. Но не получается. Сегодня вы с дядюшкой опять устроили такую войну добра со злом, что дым стоит коромыслом, а раненых все несут и несут. При этом стоит помнить, что когда мы покончим с вашими любимыми русскими, придется взяться и за французов. Ведь, как говорит Галина Петровна: «Политика – вещь мимолетная, и только клятва Гиппократа вечна и незыблема».

– Это было неизбежно, – сурово ответил я, – ты же знаешь, когда Злу уступают без боя, то в несчетных количествах несут уже не раненых, а трупы. Что же касается раненых французов, то я целиком согласен с Галиной Петровной, ибо вчерашние враги могут стать завтрашними друзьями.

Ну хорошо, папочка, – согласилась Лилия и тут же воскликнула: – О, кажется, мне нужно бежать! На диагностике,

наконец-то, обнаружился тяжелый случай, который требует применения всех моих талантов!

Хлоп! – только что тут была Лилия в белом халатике, шапочке и со стетоскопом; и вот ее уже нет, остался только пыльный вихрик на том месте, где схлопнулся мгновенный межмировой портал. Та методика, которой для перемещения между мирами пользовались Лилия и ее родня, в общих чертах напоминала технологию подпространственных прыжков, которую практиковала межзвездная цивилизация «Неумолимого». Разница заключалась только в том, что «олимпийцы» гораздо лучше контролировали собственное тело, чем пилоты галактической империи свой корабль, а потому могли вытворять такое, что недоступно ни одной технике. При этом все то время, пока шел разговор, я имел честь любоваться сменой различных выражений на лице Михайлы Илларионовича. Не верящий своим глазам, озадаченный и изумленный Кутузов – это, знаете ли, нечто особенное, как и выражения лиц генералов из его свиты. Большее недоумение и изумление, наверное, мог бы вызвать только неподвижно зависший над Бородинским полем «Неумолимый».

– Сергей Сергеевич, – обратился ко мне генерал Кайсаров, который при Кутузове исполнял обязанности главного подхалима, – скажите, что это за прелестное дитя и почему оно все время называет вас отцом?

– Этому прелестному «дитю», – ответил я, – уже более тысячи лет возраста. На самом деле под личиной милого ребенка скрывается самая обыкновенная олимпийская богиня, которая, с одной стороны, считается бессмертной, а с другой стороны, может сохранять свой видимый возраст в тех пределах, которые для нее комфортны. Поскольку специализацией Лилии с момента рождения сделались первые подростковые любови, то она и выглядит как девочка, которая только собирается стать девушкой. И, пожалуйста, не ройтесь в памяти, пытаясь припомнить такую древнегреческую богиню. Лилия родилась уже в изгнании и почти неизвестна за пределами своего родного мира. Случилось это тогда, когда ее мать Афродита-Венера в очередной раз загуляла как кошка по весне и потом не могла припомнить ни мест, в которых побывала, ни мужчин с которыми спала. Официальный Афродитин супруг Арес-Марс, конечно же, был далеко не в восторге от поведения своей супруги и преизрядно ее поколачивал. Вдосталь тумаков доставалось и маленькой Лилии, существу особенно доброму и беззащитному, помимо своих основных обязанностей, склонному к занятию медициной. Что может быть благороднее, чем оказание помощи болящим и страдающим от ран. Кстати, бедная девочка так и не смогла

реализовать свои медицинские таланты в родном мире, потому что все врачевание там подгреб под себя Асклепий с семейством, который не упускал момента шпынять Лилию за нарушение его монополии. Так продолжалось примерно тысячу лет, пока наши судьбы – мои, Афродиты, Лилии и Ареса – не пересеклись на узкой дорожке и я не свернул этому оглоеду шею, вступившись за слабую тиранимую женщину и ее ребенка. С тех пор Лилия, которая решила покинуть родной мир и отправиться в странствия вместе с моей командой, несколько иронично и зовет меня папочкой, намекая на обычаи тех народов, у которых мужчина, убивший в честном бою другого человека, бывал обременен необходимостью заботиться о его вдове и сиротах. Впрочем, по нашему счету, случилось это уже года полтора назад, и с тех пор Лилия, позабывшая о своих прежних обязанностях, полностью отдалась врачебной деятельности, проявив в этом немалые таланты.

– Да уж, Сергей Сергеевич, – задумчиво произнес Кутузов, – хоть и хочется поверить в ваш рассказ, но слишком уж он невероятен. С другой стороны, сегодня вы наворотили на этом поле столько всякого разного, закончив это сражение с совсем неожиданным для нас итогом, что я даже не знаю, что в вашем рассказе правда, а что не очень. Был во времена моей молодости граф Калиостров, который тоже болтал нечто подобное; люди ему верили, а в результате все оказалось грандиозной мистификацией. Вы, пожалуйста, не обижайтесь на старика, возможно, вы кристально честны, а ваше повествование – образец правдивости, но для нас ваши слова звучат как самая настоящая сказка. Конечно, ваши ужасные боевые механизмы, поставившие такую впечатляющую точку в сегодняшнем сражении, выглядят еще более невероятно, чем ваш рассказ о личном знакомстве с олимпийскими богами, но их хотя бы можно пощупать своими руками и убедиться в том, что это не морок…

– Нет ничего проще, Михайло Илларионович, – пожав плечами, ответил я, – чтобы вы могли убедиться в моей полной правдивости, возможно организовать ваш официальный визит на нашу базу в Тридесятом царстве, где происходит лечение раненых в этой битве, чтобы вы могли убедиться, что все так и есть, а заодно пожать руки русским солдатам и офицерам, которые, как и положено русским воинам, храбро и беззаветно сражались сегодня с лучшей армией Европы. Но сразу предупреждаю, что щупать встреченных античных богинь с целью убедиться в истинности их существования все-таки нежелательно. В ответ можно получить пощечину или даже кое-что похлеще…

Кутузов некоторое время помедлил, потом произнес:

– Пожалуй, Сергей Сергеевич, я склоняюсь к тому, чтобы принять ваше предложение. Но только не сегодня, а завтра с утра, как говорится, на свежую голову. Сейчас же мне необходимо срочно составить донесение государю-императору Александру Павловичу, в котором я просто обязан проинформировать его о состоявшейся битве, вашем в ней участии, а также прочих обстоятельствах сегодняшних событий, включая пленения Бонапартия и его гвардии вашими войсками. Сразу должен вам сказать, что его величество будет весьма недоволен тем обстоятельством, что, забирая Бонапартия в плен, ваш офицер даже не озаботился тем, чтобы взять с этого выскочки обязательство отречься от французского престола…

– Неудовольствие Александра Павловича мы как-нибудь переживем, – ответил я, – ибо служить я поклялся не этому конкретному монарху, а России в целом. Впереди большая игра, и Наполеон Бонапарт должен сыграть в ней очень важную роль, превратившись из врага России в ее друга. Есть по этому поводу один замысел, но о том пока молчок. На сем позвольте откланяться, а чтобы вам не было скучно, для первоначального информирования оставляю тут с вами генерала Костенецкого, с коим я имел содержательную беседу. Можете верить каждому его слову, ибо этот человек не склонен ни ко лжи, ни к преувеличению и приукрашиванию. Хоть банником ему сегодня помахать не пришлось, но все же видел он немало и может об этом вам рассказать. Встретимся завтра на этом же месте. При себе имейте свиту человек в десять, составленную из людей умных и неболтливых. На этом, пожалуй, все, Михайло Илларионович, до встречи.

С этими словами я развернул коня и вместе со свитой ускакал в открывшийся прямо перед нами портал. Да, теперь у меня была такая возможность – открывать порталы в любом месте этого мира, и появилась она ровно с того момента, как Бородинское сражение завершилось нашей победой, а сам Бонапарт попал в плен, что означало необратимое изменение истории. Кстати, после встречи с Кутузовым я торопился как раз туда, на Шевардинский холм, чтобы собственными глазами увидеть того, кто сумел оседлать энергию Великой французской революции и основательно тряхнуть зазнавшуюся в своей спеси старушку Европу. У меня в этом человеке были свои резоны и я не собирался упустить ни одной возможности, чтобы сделать этот мир лучше и чище.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 16:35. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Шевардино, Ставка Наполеона.

В страхе и волнении французские солдаты и офицеры ожидали решения своей участи, и лишь Император был спокоен как удав. От лишних волнений беспокойств его хранила вера в свое исключительное предназначение, своего рода «мания величия лайт». Он верил, что самое страшное уже позади, что все обойдется… И вообще, если бы неведомый ему пока Артанский князь хотел его убить, он просто приказал бы обстрелять его ставку из своих орудий и покрошить гранатами Шрапнела все командование Великой Армии (включая и его, Наполеона) в мелкий бефстроганов. А раз он до сих пор жив и даже, более того, капитулировал, почти не поступившись своей честью, значит, ему он вот-вот получит предложение, от которого нельзя отказаться. И сделает это предложение лично Артанский князь, иначе невместно.

И вообще Наполеон знал, что князья бывают разные. Одним «князьям» ничего не значащий титул в награду за труды пожаловали их владыки. Другие княжеские роды столетьями передают это (тоже, в общем-то, ничего не значащее) звание из поколения в поколение. А вот третьи (такие, как этот Артанец) сами по своей сути являются самовластными владыками, с властью, ничуть не меньшей, чем у королей и императоров. Эти – самые опасные, жестокие и беспощадные, идущие к своей цели по трупам побежденных, по колена в крови. Проиграв сегодняшнюю битву, Бонапарт оценил железную хватку своего победителя, ибо не было сомнений, что победил его именно Артанский князь, со своим небольшим, но прекрасно обученным и вооруженным войском, а огромная русская армия играла в этом деле важную, но далеко не ведущую роль.

Этот старый дурак Кутузов перед боем вывел из действия половину своей артиллерии, отправив ее в резерв. Благодаря этому французские орудия господствовали на поле битвы до самого полудня, картечью и ядрами расстреливая стоящие неколебимо русские полки. Нет, конечно, резерв в сражении необходим, да только артиллерия в резерве – это нонсенс. Пушки должны непрерывно воздействовать огнем на противника и его укрепления, чтобы брошенные из резерва в решающий момент боя свежие полки могли решить ход сражения в свою пользу. Наполеон признавал, что своим мужеством, силой и отвагой русские солдаты стяжали право быть непобедимыми, и при лучшем командующем могли бы одержать победу и без посторонней помощи. Но только Артанский князь, появившись на поле боя, изменил это положение в свою пользу, мастерски комбинируя артиллерийский обстрел с пехотными и кавалерийскими атаками; и первое, чего он добился на пути к

победе – подавил французские пушки.

Наблюдая за гибелью своей армии, Император французов уже успел убедиться в том, как метко и часто ведут огонь покрашенные в невзрачный желто-зеленый цвет артанские орудия, а также в убийственном могуществе их снарядов. Кроме того, у артанцев еще имелись пушки на механических чудовищах (которые, правда, во время битвы ни в кого не стреляли) и где-то далеко – те артиллерийские орудия, что в начале битвы посылали снаряды из-за горизонта, обстреливая то атакующую французскую кавалерию, то переправы через речку Колочу. Желание осмотреть эти орудия даже превышало у Наполеона досаду от проигранного сражения. Если бы у него была такая мощная и подвижная артиллерия, то он тоже был бы непобедим…

Ох, если бы Бонапарт знал во что превращается обычный осколочно-фугасный гаубичный снаряд после наложения на него печати «хаос-порядок»… К его счастью, французская армия (та еще прожорливая саранча) не вызывает такую ярость, как уничтожающий все на своем пути монгольский тумен, за которым остаются только трупы. Вот белокурые бестии Адика Шилькгрубера – совсем другое дело. Приласкать их чем-то подобным велел сам Небесный отец, ибо татаро-монголы Батыя – это дикие твари, которые не ведают что творят, а «цивилизованные» немцы-европейцы по велению своего фюрера сознательно освободились от таких «ослабляющих» понятий, как честь, совесть и милосердие, заменив их преданностью к своему вождю и ненавистью к «врагам рейха». Впрочем, это уже совсем другая история…

От размышлений Наполеона оторвало появление на Шевардинском холме Артанского князя. Первоначально он представлял его ражим бородатым мужиком, с толстыми как бревна руками, в массивной золотой короне на голове и цепью на шее, который своим громким голосом приводит в трепет окружающих его подданных, а оказалось… оказалось, что эти представления надо скомкать в комок подобно листу вчерашней бульварной газетенки и запустить этим комком в сортир. Князь Великой Артании, вместе со свитой, из ниоткуда ворвавшийся на коне на Шевардинский холм, оказался гладко выбритым, подтянутым и мускулистым военным, в таком же, как и у его подчиненных, невзрачном мундире цвета пожухлой травы. Наполеон сначала даже не понял, кто из двух этих мужчин, выглядящих для него почти на одно лицо, является Артанским князем, а кто его адъютантом. И только аура силы и власти, распространяемая из серых как сталь глаз этого человека, безошибочно указывала на то кто тут главный. На фоне силы и

мужества Артанского князя откровенно раздобревший Наполеон, даже несмотря на свой яркий мундир, выглядел несколько блекло. Все-таки оттопыренное пузико – это совсем не та деталь мужского организма, которой стоило бы гордиться.

Упруго спрыгнув с коня, Артанский князь бросил поводья первой попавшейся солдатке, вытянувшейся при этом в струнку, и с решительным видом, пылая гневом, направился к императору французов.

– Наполеоне Буонапарте, – на чеканной латыни ледяным тоном произнес Артанский князь, подойдя почти вплотную, – и за каким же чертом ты, сын собаки, поперся воевать в Россию? Чего тебе не хватало: земель, славы, или острых ощущений? Сколько своих солдат ты схоронил по пути от границы к этому полю? Двести или триста тысяч? Сколько из них погибло от русских пуль и снарядов, а сколько от обыкновенного поноса? Да и на этом поле четверть твоей армии убита, больше половины ранено, и скольким из раненых еще предстоит умереть, а скольким на всю жизнь остаться калеками, ибо твои врачи, дубина корсиканская, не знают других способов лечения, кроме ампутации конечностей. Все эти люди пошли за тобой в поход – кто-то по твоему приказу, кто-то по приказу своих королей. Всем им кружило головы твое громкое имя, хотелось славы и добычи, но вот теперь они в могиле, и им не надо уже ничего. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Бонапарт прекрасно понял эту гневную тираду (ибо от корсиканского языка до литературной латыни расстояние меньше, чем от малороссийского суржика до языка Пушкина и Лермонтова). Но он молчал. Ведь отсюда, с Шевардинского холма, все причины, побудившие его начать войну с Россией, на фоне эпического разгрома казались такими мелкими и неважными… Конечно, русский император Александр, потакая своим жадным боярам, продолжил торговлю с Англией хлебом, пенькой, лесом и льном* и тем самым нарушил главное условие Тильзитского мира; но, тыкая в медведя заостренной палкой, невозможно заставить его плясать кадриль. От такого обращения медведь, скорее всего, бросится на своего мучителя и раздерет его на мелкие части. Ответить было нечего. Уже с самого начала вторжения Наполеон чувствовал, что идет в никуда, но повернуть обратно было равносильно признанию поражения (а потому немыслимо), а русский император, этот коварный византиец, не шел ни на какие переговоры, рассчитывая, видимо, заманить французскую армию вглубь своей страны, подальше от европейских баз, где с ней можно было бы расправиться без особых усилий.

Примечание авторов: ** как сейчас Европа в значительной степени зависит от русских газа и нефти, так же в эпоху деревянного парусного судостроения британский королевский флот для своего существования остро нуждался в русской пеньке (канаты), досках (корпуса кораблей) и льне (паруса).*

Не дождавшись ответа от Императора, Артанский князь с мрачным видом добавил на той же латыни:

– Молчите, Буонапарте? А ведь я умолчал о русских солдатах и офицерах, которые пали в боях с вашей армией, защищая свою родину (а следовательно, с моей точки зрения, достойны причисления к лику святых). Но об этом я буду разговаривать не с вами. А сейчас пора очистить мизансцену от лишних лиц. Во избежание негативных нюансов при начале разборок с российским командованием вас, Буонапарте, и вашу гвардию требуется убрать отсюда подальше. Сейчас на этом поле откроется нечто вроде ворот, которые будут вести в другое место…

После этих слов Артанского князя с западной стороны Шевардинского холма открылась огромная дыра в пространстве, из которой пахнуло жаром, как из гигантской русской бани или преддверия самого ада.

– Что это, князь? – наконец нарушил молчание Наполеон, глянув на пышущий жаром тропический пейзаж за порталом. – Куда вы нас хотите отправить и что нас там ждет?

– Это, – мрачно ответил Артанский князь, – Проклятый мир Содома. Поход в Египет помните? Так вот, Египет – это ничто по сравнению с тем пеклом, в которое я вас отправляю. Но должен вас успокоить: ничего, кроме некоторого потения, вам там не грозит. Это своего рода только чистилище, предбанник перед самим адом. Итак, Буонапарте, командуйте своей гвардии выступить в поход. Смелее, ведь вы же мужчина…

– А если я откажусь, – гордо вскинул голову Бонапарт, – что вы тогда со мной сделаете?

– Ничего особенного, – равнодушно пожал плечами Артанец, – просто отдам вас вместе с гвардией императору Александру и умою руки. Вот он рад-то будет заполучить вас в свои руки после всего того, что вы здесь устроили! И в самом деле, зачем мне строптивые почетные пленники, которых надо все время уговаривать или принуждать сделать что-то для их же пользы… Так что решайте, каким будет ваш второй, но зато самый верный ответ?

– Я согласен, князь, пусть будет так! – кивнул Наполеон и, обернувшись к своим генералам и маршалам, толпящимся под прицелом карабинов поодаль, скомандовал: – Мортье и Лефевр,

командуйте гвардии поход. Батальонными и эскадронными колоннами марш-марш в эту дыру. А вы, Бертье, и прочие – идите за мной, ибо император французов первым пройдет тем путем, по которому он отправил своих солдат…

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу.

Кавалерист-девица Надежда Дурова.

На этот раз пробуждение мое было гораздо более осознанным. Я чувствовала себя совершенно здоровой. Я ощущала свое тело и то, как двигаются мои руки-ноги; все это происходило свободно, без малейшего напряжения. От скованности не осталось и следа, также и от раны на ноге. Но зато с новой остротой меня начали одолевать мысли о том, что придется вылезать из этого уютного и защищенного резервуара… А ведь это должно произойти уже сегодня. Господи! Ну вот и конец моему секрету. Какой позор…

Могу себе вообразить реакцию своих сослуживцев, когда они узнают, что столь долгое время пребывали в заблуждении в отношении моего пола… «Корнет Александров – женщина?! А ведь мы позволяли себе скабрезные шутки в его… в ее присутствии… и он смеялся вместе с нами и даже поддерживал…» «Господа, да ведь он курил неумеренно! Разве ж женщина может курить столько?! М-да, вот так фортель!» «То-то он… то есть она, никогда перед нами не раздевался… тьфу ты – раздевалась! Вот те ж оказия, поди ж ты…» «А я-то все думал, почему Александров к женщинам равнодушен? А оно вона как…» И будут они чесать свои затылки, при этом покашливая и смущенно переглядываясь…

Все это я представила так красочно, что очень разволновалась. С досадой я стукнула кулаком по воде; сверкающие брызги разлетелись во все стороны. Впрочем, я заставила себя успокоиться и обдумать ситуацию. Собственно, в том, что я женщина, нет ничего позорного. Об этом знает лично Император Александр, об этом знает и генерал Кутузов. И они с уважением относятся ко мне и хранят мою тайну. Но вот простые солдаты… Они будут без устали трепать пикантную новость, добавляя туда все новых домыслов и вымыслов… А потом настанет день, когда уже никто не сумеет отличить то, что было на самом деле, от нагромождений лжи, порожденной чужой фантазией.

Как же несправедливо все устроено! Как было бы замечательно, если бы я могла служить, не скрывая своего пола! Но отношение к женщине, увы, не изменить. В представлении людей женщина всегда остается человеком второго сорта.

Подразумевается, что женщина слабее, глупее, малодушнее мужчины, и ее единственное призвание – рожать детей и заниматься домашним хозяйством. Даже если бы я имела возможность быть солдатом, не скрывая своего пола, то никто не воспринимал бы меня всерьез, несмотря ни на какие заслуги и проявленные качества… Кроме того, мне бы изрядно портили жизнь грязные намеки и «ухаживания» сослуживцев. Женщина в полку! Долго находясь среди мужчин, я убедилась, что в них очень сильно то скотское, примитивное, затмевающее разум влечение, делающее их, как они сами говорят, «охочими до баб».

Мерзость! Меня просто передергивает, когда я об этом думаю. Господь устроил мужчин странным образом: благородные и порядочные, блюдущие законы чести среди себе подобных, они могут вмиг превратиться в грязных скотов, когда их охватит похоть. И неважно, как это проявляется – в действиях или только на словах. Я многого наслушалась, когда курила с ними на биваках в тот час, когда все дела уже сделаны, лошади ухожены, оружие начищено, ужин сварен и съеден, а время отбоя еще не пришло. На этих вечерних посиделках мои сослуживцы делились друг с другом довольно интимными подробностями своих любовных похождений, делая это по преимуществу в грубовато-скабрезной манере. Мне пришлось привыкнуть к этому; я даже научилась похабненько гоготать над откровенными анекдотами и вставлять в разговор меткое словцо, что обычно вызывало всеобщий смех. Но всякий раз душа моя наполнялась отвращением – нет, не к своему полу, а к тому положению вещей, когда женщина имеет перед мужчиною заведомо униженное положение…

Как мне хотелось в такие моменты стать такой же, как они! Стать мужчиной – с широкими плечами, могучими мускулами и лихо закрученными усами! Воспринимать жизнь так, как они, наслаждаться грубоватыми подробностями чьей-то личной жизни… Я так этого желала, так старательно перенимала их образ мыслей, что порой мне и вправду начинало казаться, что я мужчина, просто по нелепой ошибке заключенный в женское тело. Увы, мне то и дело приходилось напоминать себе, что я никогда не стану мужчиной. И тяжесть моей тайны давила мне на плечи, и порой я тайком плакала, прося Господа облегчить мой душевный груз.

Собственно, я нутром своим понимала, что манера мужчин общаться между собой призвана скрывать их истинные чувства, чтобы не раскиснуть и не показаться тряпкой. Безусловно, они тоже способны на глубокие переживания, высокую любовь и нежную привязанность. Но сути это не меняло: в их глазах

женщина всегда оставалась существом второго порядка, в ней не видели товарища и соратника, равного по разуму, а относились как к существу отчасти декоративному, отчасти утилитарному, имеющему своими призваниями: удовлетворение мужских потребностей в «бабах», продолжение рода и ведение домашнего хозяйства, ибо мужчине вечно недосуг.

Желание стать мужчиной, хоть и жило где-то в глубине моей души, но никогда не обретало ясных очертаний в силу своей заведомой неисполнимости. Было ли оно греховным? Наверное, да. Но греховным был и мой обман… Собственно, я выполнила свое женское предназначение – родила сына. Я знаю, что все осудили меня за то, что я бросила его, но я знала, что о нем есть кому позаботиться. Кроме того, с сыном мы встречались иногда, когда мне давали отпуск… Бывший супруг мой не смел возражать против наших встреч. Не скажу, чтобы сын особо тянулся ко мне, но и не отвергал. Да, я чувствовала свою вину, я привозила подарки, ласкала своего Ваню… Но в то же время я твердо знала, что никакая сила не заставит меня вернуться «в лоно семьи». Ничто не вызывало во мне такой ужас, как мысль о том, чтобы снова стать домашней клушей, прожить без радости и свободы в унылом доме, ложиться в постель с постылым мужем… Нет, уж лучше погибнуть на поле боя, чем окунаться во все это – такое ненавистное моей вольной душе. Несчастные женщины! А ведь они вынуждены так жить, и никого не волнует, чего бы им на самом деле хотелось. Хотя предполагаю, что большинству из них нравится подобное существование… Но ведь есть и другие – такие как я, жаждущие свободы и ненавидящие узду, что накидывает на них общественное мнение… Но и они смиряются, молча страдая от страха оказаться осуждаемой обществом. Лучше всего таким женщинам было бы родиться мужчинами, раз уж общественный уклад не изменить…

А теперь настало время обдумать еще один, причем самый удивительный аспект произошедшего со мной, который в своих размышлениях я как раз и оставила «на десерт». В своих умозаключениях буду исходить из того, что все это – не бред и не сон. Итак, те две врачевательницы, которые посетили меня при прошлом пробуждении, ясно дали мне понять, что во время нашего сражения в ход событий вмешалась некая сверхъестественная сила, выставившая на поле бое свои полки. И эти двое тоже были адептками этой силы, наряду со многими другими, о которых упоминалось вскользь, что их великое множество.

В общем, мне стало ясно, что вокруг меня начались чудеса – причем начались они с того момента, когда я лежала там, на

поле, раненая, истекая кровью. Мне тогда мнилось, что Господь наблюдает за мною… Безусловно, так и было, только Господь укрыл меня милостью Своей через этих пришедших неизвестно откуда то ли божьих ангелов, то ли могущественных чародеев. Меня подобрали на поле боя, переместили в самом сердце этой могущественной силы, в ее Цитадель, где вершатся судьбы даже не отдельных людей, а целых миров, после чего поместили в этот удивительный резервуар, наполненный магической водою, которая залечивает любые раны… Да если бы эти люди продавали такую воду тем, кто может за нее заплатить, она стоила бы буквально на вес золота, никак не меньше!

Потом я снова и снова вспоминала слова, сказанные врачевательницами. Они говорили удивительные вещи! Тогда я как-то не придала этому особого значения, и только сейчас вдруг стала вникать в смысл сказанного. Они говорили что-то о том, что могут избавить меня от стыда и неловкости… Что скоро у меня не будет необходимости притворяться мужчиной… Интересно, что же они имели в виду? А еще та девочка, что важно называла себя богиней, посоветовала мне привыкать к своему телу…

Я опустила глаза к этому самому телу, которое в результате какого-то недоразумения было женским, а не мужским. Привыкать? Почему я должна привыкать? Привыкнуть к женскому телу – значил начать ощущать себя женщиной, стремиться одеться в юбки и платья, нарожать кучу детей… Ни за что! Что тело? Это всего лишь оболочка, внутри которой живет свободный дух мужчины!

А что если… если я попрошу этих чародеев изменить мой пол? Уж если им по силам заживлять такие серьезные раны, то, значит, им доступно и превращение женщины в мужчину! Наконец-то я обрету гармонию! Как же я буду счастлива тогда! Наконец исчезнет этот вечный страх разоблачения и глумления. Я тогда смогу отрастить усы и выглядеть более солидно… Только вот жениться я, пожалуй, никогда не смогу. То, что делают мужчина и женщина ночью под одеялом, мне так глубоко отвратительно, что мне едва ли удастся себя пересилить, чтобы делать это во имя продолжения рода. Я и женщиной-то, будучи еще замужем, с трудом это терпела, а уж будучи мужчиной, которому нужно проявлять активность… да еще по отношению к женщине… Ах ты ж Боже мой, вот так затруднение… Впрочем, допускаю, что, став обладательницей мужского тела, я почувствую некие рефлексы… Э, впрочем, это все дурацкие фантазии – те, которые насчет женитьбы. А вот насчет того, чтобы обрести мужское тело, надо непременно поговорить с теми

врачевательницами-чародейками. А вон, кажется, и они! И вроде бы не одни… Точно. С ними множество мужчин, и среди них – сам главнокомандующий русской армией генерал Кутузов. А я тут лежу в этой ванне совсем голая! Ох, стыд-то какой! Господи, спаси и помилуй, избави от позора!

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

В гостях хорошо, а дома все-таки лучше. Да, именно так. Этот расположенный в далеком инфернальном мире город с Фонтаном в Высоком лесу, обжитый за полтора года нашего тут существования, действительно стал нам домом, или, как говорят военные, «пунктом постоянной дислокации». Отсюда мы выступали в походы в другие миры, и сюда же возвращались, когда требовалось перевести дух и осознать уже содеянное. Ни Великая Артания с градом Китежем на высоком берегу Днепра, ни Крым с Бахчисараем начала семнадцатого века так и не стали нам домом, а это место стало. Входишь с испепеляющей жары в прохладную башню Силы, в ставший таким родным и знакомым кабинет командующего – и понимаешь, что ты снова у себя, где знаком каждый камень и каждый поворот коридора.

Вот и теперь, разгромив армию Наполеона, я оставил в мире 1812 года только передовой форпост, а остальные войска оттянул на исходные позиции под сень высоких дерев. Милейшая Елизавета Дмитриевна, которую я не взял с собой в эту экспедицию, как положено, встретила меня у дверей и бросилась на шею. Ну, уж прости, дорогая, при всей кажущейся простоте война с Наполеоном – это все же не туристическая прогулка, а по специальности тебе там было делать нечего. В этой операции мы обошлись и без штурмоносца. Вот потребуется совершать официальные визиты в Петербург, Париж или Вашингтон – вот тогда, дорогая, пожалуйста: «за штурвалом пилот первого класса, штурм-капитан Елизавета Волконская-Серегина…» Любуйтесь, предки, и завидуйте!

Ах, в Вашингтон не надо. Оказывается, в настоящий момент американцы воюют с британцами за Канаду, и через два года те должны начисто сжечь гадюшник на Потомаке, жалко только, что ненадолго. Впереди у американцев еще такая гадость, как насильственное выселение на пустующие западные земли пяти цивилизованных индейских племен. Вскоре богатым белым плантаторам понадобятся плодородные земли, которые сейчас принадлежат индейцам – и тогда американский Конгресс с легкостью издаст закон о том, что индейские земли требуется

конфисковать, а их хозяев изгнать туда, где они в ближайшие полвека не будут мозолить глаза белым людям. Ну ничего, вот разберемся с Буонапартием – и, если позволит Небесный Отец, этот вопрос тоже порешаем в правильном, с нашей точки зрения, ключе.

Позади моей дражайшей половины маячила массивная фигура кормилицы-лилитки с нашим сыночком Сергеем Сергеевичем Младшим на руках. В кормилицах у нас сейчас дефицита нет, так как, разгромив несколько питомников, мы обзавелись и своим домом малютки, и яслями, и детским садиком, и даже начальной школой (что было сложнее всего, потому что было совершенно непонятно, кем заполнять штат учителей). В итоге все упало на милейшую Ольгу Васильевну, которая и так уже заведовала школой для взрослых лилиток, а учителями (в качестве общественной нагрузки) оформили студентов-срочников из танкового полка. Правда, учить юных бойцовых лилиток – это одно удовольствие. Дисциплина в классах просто идеальная, желание учиться высочайшее, а уроки математики, русского языка и природоведения перемежаются занятиями по физподготовке, стрельбе и тактическим играм на свежем воздухе, когда полуголые юные лилитки в возрасте от семи до семнадцати, с ног до головы раскрашенные тактическим гримом, понарошку охотятся друг за другом под кронами деревьев-гигантов Высокого Леса. Эдакий северокорейский рай, после которого даже мне, закоренелому армейскому «сапогу», хочется увидеть в будущем пополнении моего войска побольше человеческой индивидуальности. А то, честное слово, будто заводные куклы Барби, одетые в тропический камуфляж.

Но вернемся к нашему Буонапартию. Поселили мы его со свитой в башне Власти, которая в нашем тридесятом царстве по большому счету считается проклятой. Кто бы там ни жил – дело всегда кончалось разбитой вдребезги прежней жизнью, после чего персонаж был волен или начать все с нуля (часто очень успешно) или утопиться в ближайшей речке (такого еще не было). Вон, рязанская княгиня Аграфена через такое преобразование превратилась в византийскую базилиссу Аграфену Великолепную, на которую подданные, измученные строительными и завоевательскими потугами Юстиниана, теперь чуть ли не молятся. Может, и из Бонапарта тоже выйдет что-нибудь путное, или под влиянием башни Власти с него хотя бы слезет эта позолоченная шелуха самодовольного зазнайства.

Первыми нашего почетного пленника посетили Лилия, мисс Зул и… Кобра, которой было любопытно взглянуть на этого незаурядного персонажа. Надо сказать, визит удался. Потом тихо

посмеивающаяся Кобра рассказывала о том, как у Буонапартия от удивления отвисла челюсть, когда он увидел явившуюся к нему компанию. Маленькая девочка в белом докторском халате, высокая краснокожая деммка в вечернем платье, с хвостом и рожками, а также темноволосая коротко стриженная молодая женщина в армейском камуфляже, ради забавы перекатывающая в руке пару огненных шариков, каждый из которых способен рвануть не хуже шестидюймового фугасного снаряда. Кстати, недавно выяснилось, что Кобра не теряет возможности творить свои огненные заклинания, даже находясь в почти безмагических мирах. Прямая связь с Горнилом Хаоса, откуда она способна зачерпнуть любое количество энергии – это вам не хухры-мухры. Единственная проблема при этом заключается в том, что, не рассчитав своих возможностей и зачерпнув слишком много энергии, сама Кобра может сгореть дотла, ибо все имеет свой предел прочности. Кстати, моей Верной она так и не стала, уж очень несопоставимые у нас типы энергии. У меня – Порядок, у Кобры – Хаос. Но, несмотря на это, она по-прежнему остается моим верным боевым товарищем.

Истинная причина визита трех наших дам заключалась не в том, чтобы запугать Бонапартия возможностями Кобры (он и так уже достаточно впечатлен и озадачен), а в том, чтобы произвести первичную проверку его здоровья и назначить курс лечения. У нас с Небесным Отцом на этого человека большие планы, а значит, он должен быть здоров как конь на скачках. А тут, стоит только посмотреть, сразу становится понятно, что не все в порядке. Брюшко как у беременного, одышка, нездоровый цвет лица и прочие прелести, от которых требуется как можно быстрее избавиться. Да и психику императору всех французов тоже не мешало бы слегка подрихтовать, а то это вечно сардоническое, брезгливое выражение на оплывшем, обрюзгшем лице явно говорит о том, что товарищ банально обожрался славы и зазвездился. Спустить его с небес на землю – это тоже наша обязанность. А то нашлось тут солнцеликое божество: «любите меня, любите…».

Жестом отослав прочь столпившихся вокруг Бонапартия маршалов, генералов и прочих подхалимов (и ведь никто не посмел ослушаться, все послушно вышли вон), Лилия, прищурив левый глаз, обошла своего будущего пациента по кругу и вежливо попросила этого пижона раздеться для полноценного медицинского осмотра. В ответ Наполеон гордо вскинул голову и заявил, что условия почетной капитуляции гарантируют ему, Императору Французов, гуманное обращении, а также отсутствие унижений и поношений личного достоинства.

– Нужно мне твое достоинство, – почему-то с кавказским акцентом ответила Лилия, – лечить тебя надо. Сердчишко вон барахлит, одышка на каждом шагу, ноги отекают, в ушах чуть что звенит… ведь так?

– В ушах не звенит, – честно ответил Бонапарт, – а остальное все так. Только мои доктора говорят, что ничего нельзя сделать.

– В задницу таких докторов! – хмыкнула Лилия, – Здесь тебя так поправят, что снова будешь козликом скакать, как в двадцать лет. Так что раздевайся, твое величество, и не стесняйся. Мисс Зул – это моя ассистентка, а с Никой-Коброй лучше не спорить. Она у нас сильнейший маг огня, ранга Темная звезда, и к тому же первоклассная воительница. Так что давай – швыдче, швыдче, ай-лю-лю. Все равно никто из твоих подхалимов не видит, как мы тебя тут унижаем и поносим…

Сначала побледнев, потом покраснев, издав горестный вздох, Наполеон начал раздеваться. Однако он запутался в панталонах и едва не упал. Вот что значит отсутствие привычки к самообслуживанию в течение полутора десятков лет, когда он уже был важной персоной, за которую все делает обслуживающий персонал, ибо иначе невместно. Пришлось Лилии звать на помощь невидимых слуг, которые и закончили разоблачение французского императора. Все время, пока продолжался процесс, Лилия не переставая ворчала по поводу обычаев людей верхних миров напяливать на себя огромное количество разных тряпок. То ли дело хитон или хламида…

Обследовала, значит, Лилия Бонапартия в своем стиле с ног до головы (бедняга) и вынесла свой вердикт, что жить он будет, и даже долго и счастливо, но только в том случае, если пройдет у нее курс лечения волшебной водой. При этом соблюдение рекомендаций по здоровому образу жизни обязательно. Требуется меньше жрать и больше двигаться, потому что такое явно оттопыренное вперед брюхо, как у него, еще никого не доводило до добра. Чуть что – и здравствуй, Инфарктий Миокардович… Вон, Нерон – тоже был великий император, а кончил при этом очень плохо. К чему Лилия приплела Нерона, я так и не понял; разве что оттого, что морда лица позднего Наполеона – особенно там, где он изображен в лавровом венке (тоже мне олимпийский чемпион) удивительно напоминает портреты всемирно известного древнеримского императора-неудачника.

Но Наполеоном мы займемся позже (есть у меня к нему разговор) когда у бедняги пройдет первый шок, он напьется магической воды и сможет более-менее внятно соображать. Да и мне надо будет еще как следует подумать над тем, как, не допустив падения наполеоновской империи, организовать

ситуацию таким образом, чтобы разрешить противостояние Франции с Англией, Австрией и Пруссией – и чтобы при этом в выигрыше была Россия. Еще одного Венского конгресса нам тут не надо, ничего хорошего из идеи концерта европейских монархов не получилось. Да и не могло получиться, потому что европейские владыки были себе на уме, и только русские цари оказались честными простодырами, которые всегда исполняли подписанные соглашения буквально пункт к пункту…

Но эта работа, как я уже говорил, мне предстоит в будущем, а сейчас на той стороне, в 1812, году меня уже ожидает Михайло Илларионович Кутузов, желающий единственным своим глазом глянуть на тридесятое царство, где из-под земли бьет фонтан живой воды…

08 сентября (27 августа) 1812 год Р.Х., день второй, 9:05. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

На этот раз вместо ночного Совета в Филях у русского генералитета был ночной совет в Горках, прямо на месте сражения, ведь русской армии уже не требовалось никуда отступать. И если в прошлый раз основными настроениями были досада на не совсем удавшееся сражение и боевой задор с желанием повторить (что Кутузову пришлось резко пресекать), то теперь генеральское сообщество находилось в состоянии тягостного недоумения, мысленно вопрошая: «а что это вообще было?». Нет, не то чтобы они были недовольны тем, что битва выиграна, а Бонапарт больше никогда не будет угрожать русским пределам, просто Великий Артанский князь вел себя на поле боя настолько дерзко и независимо, что у некоторых возникли сомнения, не будет ли русская армия следующей жертвой этого стремительного и свирепого полководца.

Кроме всего прочего, этот самовластный властитель оказался специалистом по отжиму самого ценного и вкусного из трофеев. В силу стремительного продвижения его частей Артанскому князю достались: Наполеон со своим штабом, обоз французской армии, Гвардия, а также несколько самых ценных французских маршалов: Ней, Даву, Мюрат и Евгений Богарне. В то же время в русском плену урожай французских генералов исчерпывался бригадными и дивизионными командирами – то есть такой мелочью, о которую Артанский князь просто побрезговал марать руки. Высказывающим такие мысли даже в голову не приходило, что, если бы не армия Артанца, речь на этом совещании шла бы не о добыче, а о том, как бы подобру-поздорову унести ноги с пути потрепанной, но все еще численно превосходящей

французской армии.

Прикрикнув и на тех и на других, чтобы не мололи зря языками, будто бабы за чаями, Кутузов поставил вопрос ребром – в том смысле, что война практически выиграна, враг разгромлен и пленен, сам Бонапартий находится там, выбраться откуда без дозволения Артанского князя практически невозможно. Подходящие с запада жиденькой ниточкой французские пополнения и обозы без главных сил никакой особой угрозы из себя не представляют и идут фактически на смерть. Но дальше-то что, господа? Располагать армию на зимние квартиры или стремительными маршами продвигаться на запад навстречу этим самым французским резервам и обозам, бить их по частям, громить вражеские гарнизоны, все еще занимающие русские города, а там, глядишь, и вторгнуться в растерянную от неожиданного конфуза Европу. А там сейчас каждый король или владетельный герцог начнут бить себя пяткой в грудь, что они завсегда были против Бонапартия, да только он, подлый, силой вынудил их послать войсковые контингенты в великий поход на восток против России.

И кстати, что теперь делать со всем эти пленным сбродом, который сейчас разоружен и под охраной казаков согнан в свой бывший лагерь? С французами понятно – они честно шли за своим императором и вместе с ним пришли к своему концу. Какая судьба будет у Бонапартия, такая и у них. Но что делать с многочисленными немцами и итальянцами, которых в Великой армии было поболее половины? С извинениями вернуть их обратно на родину, потому что тамошние владетели сразу же начнут набиваться России в союзники или удумать чего похитрей? А то восемьдесят тысяч пленных сразу – это как-то многовато. Нельзя же обратить этих европейских пленных в крепость и посадить на землю, как каких-нибудь русских мужиков. Хотя во времена царей Иоанна Васильевича или Алексея Михайловича, наверное, так бы и поступили. Но сейчас не то время; девятнадцатый век – он просвещенный и гуманный. Да-да, заохали бояре (то есть, простите, генералы), какая жалость, что век просвещенный и гуманный, а то поделили бы полон и распихали по вотчинам – кого на землю посадить, а кого и к мастерству пристроить.

На этой оптимистической ноте ночной Совет в Горках и закончился, ибо, если смотреть по уму, то все дальнейшие действия это не генеральского ума дело. Решения должен принимать государь император, причем после переговоров с Артанским князем, у которого сейчас на руках не только особа Бонапартия, но и вообще все козыри. Сообщив об этом своим

подчиненным, русский главнокомандующий отправил всех спать, ибо время позднее, а утро вечера мудренее.

А с утра Михайло Илларионович при очень небольшой свите засобирался в гости к Артанскому князю. Из старшего начальствующего состава русский главнокомандующий взял с собой только давешнего своего посланца генерал-майора Костенецкого, дежурного генерала Кайсарова, (уже немного знакомого с тамошними порядками), да командира легшей костьми под Багратионовыми флешами третьей пехотной дивизии генерал-лейтенанта Коновницына, который пробыл в самой гуще сражения почитай что весь вчерашний день, и при этом отделался лишь несколькими царапинами и изодранным мундиром. Большая часть его подчиненных в настоящий момент как раз кантовалась на излечении в тридевятом царстве тридесятом государстве, и проведать их генерал Коновницын считал своей первейшей обязанностью. Речь при этом, конечно же, не шла о всяких там нижних чинах, как бы героически они ни сражались в предшествующий день с французским супостатом, а только об офицерах (по большей части старших), командирах полков и бригад, лично знакомых генералу. Солдаты, конечно, тоже герои, но все же от сословного характера тогдашней русской армии и мнения, что нижние чины это ни на что не способная безликая масса, тоже было никуда не деться.

Кстати, к моменту встречи с Кутузовым Серегин несколько отошел от пиетета к великому полководцу, перед самой встречей мысленно посоветовался с постоянно находящимися на связи Велизарием и Михаилом Скопиным-Шуйским – и понял, что напрасно он так трепетал перед авторитетом великого полководца. Да, как стратег Кутузов велик и неподражаем, войну с Наполеоном по большому счету он выиграл блестяще, но вот тактик из него откровенно посредственный. Бородинское сражение не проиграл, и то ладно… Тот же Скопин-Шуйский своими ПТОПами* – ой, простите, деревоземляными острожками с артиллерией – в шахматном порядке расположенными на направлении вражеского главного удара, без всякой помощи со стороны разжевал бы всю наполеоновскую армию, и пришлось бы Бонапартию бежать из России с одной лишь Гвардией и висящей на плечах русской конницей. Но у Скопина-Шуйского свои недостатки: если в тактике он гений, то в стратегии, и тем более в политике, его по элементарным вопросам требуется тыкать носом как молочного теленка (и ради этого возле него обретаются митрополит Гермоген). В то время как генерал от инфантерии Кутузов за свою непревзойденную хитрость не зря носит прозвище Одноглазого Лиса. А стратегические козыри, как

известно, старше тактических. Можно выиграть все битвы, и при этом проиграть войну, а также наоборот – почти проиграть якобы генеральное сражение, но выиграть войну, как это и сделал Кутузов.

Примечание авторов: ** ПТОП – противотанковый опорный пункт, примененное на Курской дуге изобретение генерала армии Жукова, обеспечивающее круговую оборону деревоземляное укрепление, включающее в себя позиции артиллерии. Противник, в ходе наступления вынужденный обтекать расположенные в шахматном порядке ПТОПы, оказывался рассеченным на несколько изолированных частей и подвергался обстрелу не только с фронта, но и с флангов и с тыла.*

Деревоземляные острожки с пушками, примененные Михаилом Скопиным-Шуйским против крылатых польских гусар, являются реализацией той же идеи, только на техническом уровне начала семнадцатого века. Ту же тактику применил Петр Великий под Полтавой, заставив шведскую армию последовательно проходить мимо ряда выдвинутых вперед укрепленных острожков, в то время как засевшие в них русские стрелки и пушкари фланговым огнем избивали доселе непобедимые шведские батальоны.

Ворота, ведущие на «ту сторону», располагались за бывшим Шевардинским редутом и ставкой Наполеона, на утоптанном тысячами ног поле, где три дня назад русский арьергард дал бой французскому авангарду. Там у портала Кутузова со свитой уже ждал сам Артанский князь. Сначала он хотел прислать вместо себя майора Красной гвардии Половцева, но потом лично решил встретить дорогого гостя, чтобы соблюсти этикет. Сидящий в седле массивного дестрие князь Великой Артании, как и давеча, был обряжен в свой невзрачный мундир. Вместо позументов, золотого шитья и прочих побрякушек этот мундир со всех сторон был облеплен накладными карманами и увешан орудиями ратного ремесла. Впрочем, у «ворот» Артанский князь был не один. Также имела место и свита из двух мужчин и трех женщин, одетых аналогичным образом, также восседающая на первоклассных скакунах; причем одна девушка, как влитая сидевшая в седле превосходно арабского жеребца белой масти, одной рукой придерживала вставленное в специальный держатель древко алого знамени Великого Артанского княжества.

Поприветствовав гостей и выслушав ответные слова Кутузова, Артанский князь представил свих спутников. Один из мужчин (тот, который постарше) оказался его начальником штаба, второй мужчина и еще две девушки – офицерами для особых поручений, а та, что держала знамя – варварской принцессой, титул которой звучал как «Перворожденная дочь Великой Матери». На этом

церемония встречи была закончена; и гости через длинный, обшитый досками коридор, мимо двух самодвижущихся боевых повозок, торжественно въехали в тридевятое царство тридесятое государство.

Первое, что поразило Михайлу Илларионовича на той стороне, была нестерпимая жара. Солнечный свет обрушивался с небес с такой силой, будто желал сжечь и испепелить непривычных к нему людей. В свое время Кутузов немало повоевал с турком в местах значительно более жарких, чем средняя полоса России; но даже по сравнению с теми местами жар в тридесятом царстве был чрезмерным, и с Кутузова и его спутников потекли струи пота. Поэтому первым делом Артанский князь сопроводил своих гостей к так называемому Источнику Прохлады, где они, спешившись, смогли хлебнуть по несколько глотков вкуснейшей ледяной воды, после чего на них сразу повеяло прохладой. Великий Артанский князь пояснил, что каждый из тех, кто отопьет из Источника Прохлады, обзаводится собственным заклинанием кондиционирования, которое будет работать ровно до тех пор, не покинет тридесятое царство. Но стоит быть осторожным и не пить из всех фонтанчиков подряд, потому что можно нечаянно нарваться на Источник Страсти, предназначенный для тех пар, которые желают изнасиловать друг друга по взаимному согласию со всеми вытекающими из этого последствиями. Горе тому, кто изопьет из Источника Страсти, не имея влюбленного в себя партнера противоположного пола. Ему потом небо с овчинку покажется. Как говорится, будьте внимательны и осторожны и во всем слушайтесь своего экскурсовода…

После Источника Прохлады компания разделилась. Офицер по особым поручения Гретхен де Мезьер взялась сопроводить генералов Коновницина и Костенецкого туда, где в ваннах с волшебной водой отходили от вчерашних ран их боевые товарищи, а сам Серегин вместе с Кутузовым и Кайсаровым решили проехать по всему заколдованному городу, чтобы русский главнокомандующий смог составить обо всем свое собственное впечатление. Встретиться они договорились через пару часов в штабе у Серегина, расположенном в башне Силы.

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

По нашему Заброшенному* городу в тридевятом царстве мы обычно ходим пешком, но ради уважения к русскому главнокомандующему, еще не прошедшему курс реабилитации, я

сделал исключение, и первая ознакомительная прогулка совершалась верхами. Кони шли шагом, цокая копытами по мостовой, в то время как Михайло Илларионович с высоты седла обозревал окружающую реальность. Так мы имели возможность пообщаться один на один без помех и посторонних ушей, ибо у Кутузова накопилось ко мне много вопросов. И первое, что он у меня спросил – зачем мы вообще вмешались в эту историю с Наполеоном? Ведь, как ему уже успели рассказать, русская армия все равно побеждала – не сейчас, так несколькими месяцами позже. А то там, в 1812 году, сейчас все, в том числе и сам Кутузов, сбиты с толку и не понимают, что им делать после того, как Наполеон потерпел поражение, а они оказались ни при чем…

Примечание авторов: ** заброшенным этот город называется по привычке. Разумеется, после того как в нем больше года базируется войско Серегина, ни о какой заброшенности не может быть и речи.*

– Сказать честно, – ответил я, пожимая плечами, – Небесный Отец не посвящает меня в тонкости своего целеполагания.

– Небесный Отец? – переспросил Кутузов.

– Да, – ответил я, – хотя чаще его зовут Создателем, Творцом, Всевышним, первым лицом Троицы и так далее, сам он предпочитает, чтобы мы называли его Отцом. Впрочем, это длинная история…

В ответ Кутузов внимательно глянул на меня своим единственным глазом и хмыкнул.

– И все же, Сергей Сергеевич, – с нажимом произнес он, – я бы хотел услышать ее хотя бы вкратце. А то как-то становится не по себе, когда прямо тебе на голову падает Некто с вооруженным до зубов войском и в мелкие щепки ломает все планы.

– Скажу вам честно, Михайло Илларионович, – признался я, – что я и мои товарищи родом из будущего, двести лет тому вперед по отношению к вашему времени. Однажды, по ходу выполнения одного особого задания, моя команда провалилась в другой мир, расположенный так глубоко под слоями бытия, что теперь даже и не верится. В свое время именно туда эмигрировали эллинские боги. Насколько я понимаю, в том мир вообще падает все, что сорвалось с верхних этажей Мироздания… Тогда нас всего было шестнадцать человек, и из них шестеро штатских, включая четверых детей; и один священник, главным оружием которого было Божье Слово… С тех пор минуло полтора года. Теперь у нас двенадцать тысяч конных, тридцать тысяч пеших, все прекрасно вооружены и обучены, и мы шаг за шагом, мир за миром, поднимаемся обратно в свой мир… Попутно мы выполняем задания Небесного Отца, устраняя разные исторические перекосы.

Мне просто указывают очередной мир и говорят, что он нуждается в исправлении. Об остальном я должен догадаться сам – ведь именно для этого мне даны свобода воли и человеческий Разум, а также способность отличать добро от зла. И имейте в виду, что пока не выполнена задача в предыдущем мире, дверь в следующий просто не открывается, так что я буду с вами до победного конца, каким бы он ни был.

– Да уж, – вздохнул Кутузов, глядя на марширующий с занятий батальон пеших лилиток из резерва, – бедняга Бонапартий, небось, до сил пор опомниться не может…

– Да, не может, – согласился я, – хотя все для него могло обернуться гораздо хуже. Первым моим побуждением было прихлопнуть его как муху. Очередь шрапнелей по Шевардинскому кургану – и господин Бонапарт, торчащий там как бельмо на глазу, был бы тяжело ранен или убит наповал. Еле, знаете ли, сдержался…

– А почему, позвольте узнать? – спросил Кутузов.

– А потому, – ответил я, – что Бонапарт – он тут тоже не просто так… Стоит ли убивать льва только для того, чтобы на его месте начала бы резвиться стая шакалов? Это я, если что, о Британии, Австрии, Пруссии и прочих германских княжествах, которые только и мечтают о том, чтобы ограничить могущество России. Ведь если посмотреть на карту мира в нормальном масштабе, становится видно, что Европа – это только маленький флигелек, пристроенный к огромному русскому дворцу, а германские княжества и вовсе похожи на чуланы для прислуги… Эта наша громадность до одури пугает европейских обитателей, которым кажется, что тень России буквально нависает над их головами. Эти настроения континентальных европейцев ловко подогреваются обитателями Туманного Альбиона, которые считают Россию своим естественным конкурентом-антагонистом в схватке за мировое господство. А некоторые джентльмены к тому же находятся под влиянием иррационального страха, что однажды русские казаки, перевалив через хребты Гиндукуша, выдернут из британской короны ее самую ценную жемчужину, то есть Индию. Их бы в Бедлам, вместе с их страхами, а они в Парламенте заседают… Правда, сейчас весь свет перед британскими очами затмевает фигура великого и ужасного Бонапартия, ради победы над которым британцы согласны дружить хоть с самим дьяволом. Ну а потом, сами понимаете, у Британии нет постоянных друзей и врагов, у Британии есть только постоянные интересы. Соответственно, и перед нами, как людьми, защищающими интересы России, стоит простая задача, чтобы джентльмены молча сидели на своих островах, поджав

хвост.

– Да уж, – сказал Кутузов, выслушав мою речь, – не любите вы британцев, Сергей Сергеевич, не любите…

– А за что мне их любить? – хмыкнул в ответ я, – они мне кто – сватья, братья, папа с мамой? Пусть их любит кто-нибудь, кому они сделали хоть что-то хорошее, а я, знаете ли, пас.

– Тогда понятно, – кивнул Кутузов, – и Бонапартия вы приберегли как противовес островитянам. Ну что же, умно, Сергей Сергеевич, умно…

– Да я пока и не знаю, – пожав плечами, ответил я, – выгорит из этого хоть что-нибудь или нет. Только вот прибить живого Бонапарта или засунуть его в какую-нибудь дыру, из которой нет выхода, я всегда успею, а вот оживить мертвого, если он понадобится живым, мне уже не по силам.

– Я вас понимаю, – согласился со мной Кутузов, но тут же с сомнением произнес, – да только вот не знаю, как к этой вашей затее с Бонапартием отнесется государь-император Александр Павлович…

– А почему это должно меня волновать? – удивился я. – Неудовольствие государя-императора – это только его проблема. Мой патрон стоит над всеми земными государями и иными правителями, кто бы они ни были, и у меня есть его мандат на то, чтобы изменить неудачную судьбу этого мира. Поэтому любой, кто решится мне мешать, должен трижды подумать, против кого он выступает. Впрочем, я вполне уверен в благоразумии Александра Павловича, ибо этот монарх как никто другой, знает, что плетью обуха не перешибешь. Хотя сдается мне, он тоже часть проблемы, которую мне в ближайшее время предстоит решить. Впрочем, говорить об этом пока рано, я ведь действительно надеюсь, что Александр Павлович проявит свойственное ему благоразумие. Меня вполне бы устроила ситуация длительного и крепкого мира между Россией и Францией – а он необходим, пока окончательно не сокрушена Турция, под пятой которой стонут христианские и славянские народы, пока не отвоеван Царьград. Поймите же, Михайло Илларионович, войны в Европе только отвлекают Россию от ее главной задачи – принести свободу угнетенным христианам и поставить крест на существовании разбойничьей империи на Босфоре. И в то же время нет ничего более глупого, чем пытаться искать себе в Европе хоть удела, хоть друзей. Дурацкое это занятие…

– Так значит, Сергей Сергеевич, вы все-таки против, чтобы мы сейчас двигали свою армию в Европу… – полувопросительно-полуутвердительно произнес Кутузов.

– Да ни в коем случае, – ответил я, – от места вчерашнего

сражения до границ России – никак не менее тысячи верст, и все это пространство занято вражескими гарнизонами. Продвигайтесь на запад, освобождайте родную землю, пленяйте тех, у кого хватило ума сдаться, и беспощадно уничтожайте остальных. А там посмотрим на поведение господина Бонапарта, а также на то, о чем нам с ним удастся договориться с государем императором Александром Павловичем. И, кстати, Михайло Илларионович, настоятельно рекомендую пробыть у нас хотя бы месяц и немного подлечиться. А то Отец Небесный будет крайне недоволен, если вы предстанете перед ним, не завершив всех своих земных дел. А чтобы у вас не было сомнений, я устрою вам встречу с нашим священником, отцом Александром, голосом которого говорит Творец всего Сущего (когда ему надо), и он сам скажет вам об этом во вполне определенных выражениях. Как услышите в его словах грозовое громыхание, так знайте, что вы привлекли внимание Самого, и к вам обращаются прямо с горних высей… Впрочем, Михайло Илларионович, мы приехали. Эта площадь с Фонтаном центральная в нашем городе. Вон там башня Силы – именно в ней и располагается наш штаб; вон там башни Мудрости, Власти и Терпения. Нам надо в башню Терпения, верхние этажи которой облюбовали бывающие в нашем городе монашествующие, а в подвалах расположены лечебные купальни, в которых сейчас находятся на излечении получившие ранения русские воины…

– Спасибо вам за содержательную беседу, – сказал Кутузов, слезая с коня; возникшая будто из под земли лилитка тут же приняла у него поводья, – и, кстати, нам навстречу спешит то славное дитя, которое зовет себя вашей дочерью?

– Я же вам уже говорил, – отрицательно покачал я головой, – к рождению этого славного создания по имени Лилия я не имею никакого отношения, но она все равно время от времени зовет меня «папочкой», то ли желая поддразнить, то ли еще по какой причине. Не верьте своим глазам, потому что это одна из эллинских богинь, которой уже больше тысячи лет и которая только желает казаться маленькой девочкой. На самом деле это очень высококвалифицированный медицинский специалист, которая, как минимум, подлечит вас так, что вы не загнетесь в следующем году, а будете еще лет двадцать бесить врагов России, срывая их коварные замыслы…

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, башня Мудрости.

Ася, она же Асель Субботина, она же «Матильда».

Ух ты, оказывается, у нас в тридевятом царстве, тридесятом государстве, объявилась самая настоящая кавалерист-девица

Надежда Дурова, а я об этом случайно узнала от Лилии только сейчас. Ой, горе мне, горе, и выговор с занесением в личное дело… Я же первая должна узнавать о таких вещах, а не плестись в хвосте у чужих новостей. И эта Лилия (тоже мне подружка!), не могла сказать сразу, а ждала целые сутки. Поэтому нужно побыстрей привести себя в порядок после занятий (самое главное смыть с лица тактический грим, поправить кепи, оправить китель перед зеркалом, подтянуть портупею с висящими на нем ножнами кинжала, а также пистолетной кобурой) – и вперед, в башню Терпения за орденами, то есть за знакомством с гусаршей Дуровой.

Кстати, видела бы меня в полной экипировке и раскраске директриса нашего бывшего детдурдома, страха сразу уползла бы под стол. За полтора года, что прошли с того момента, как мы с Анной Сергеевной пошли в горы и не вернулись, я, говорят, очень сильно изменилась, вытянулась и похорошела. И взгляд у меня стал такой особенный, совсем не детский… Уж на нашу директрису детдурдома я бы точно посмотрела как через прицел пулемета. Уж рука, если что, не дрогнет. Девки с нашего класса – амазонки там, волчицы и разные лилитки – вообще держат меня за свою закадычную подружку, и все мы там друг за друга горой. В нашей школе, которую тут, в тридесятом царстве, учредил Сергей Сергеевич для обучения подрастающего пополнения, мы проходим не только тактическую подготовку, стрельбу, физру и строевую маршировку, но и математику с русским, географию, физику, химию, немецкий, английский, и факультативно латынь с древнегреческим.

Сначала английский язык нам преподавала мисс Дафна, подруга мисс Мэри, но потом однажды на урок пришла Анастасия, немного послушала и сказала, что так дело не пойдет. Это же не наша родная школа, где язык учат для галочки. Зачем надо, чтобы наши девки после такого обучения говорили с ужасным акцентом южных штатов? Нет, нафиг-нафиг. За беглую дочку миллиардера так себя не выдать. Поэтому Анастасия подумала и начала преподавать нам сама, благо, как она сказала, у нее поставлен правильный литературный оксфордский акцент. С заклинаниями, магическим образом обостряющими внимание студентов и усиливающими восприятие ими учебного материала, Анастасия может преподавать хоть тысяче человек разом.

Дело кончилось тем, что на занятия к ней стали ходить все три наши американки, которые до этого считали, что не могут тут ничему научиться. Оказывается, в тамошнем обществе выговор означает очень много. С виду Мэри может выглядеть как Очень Важная Госпожа, но стоит ей раскрыть рот – и все сразу поймут,

что это просто внезапно разбогатевшая фермерская дочка, а значит, начнут относиться к ней как к обычной выскочке. Я тоже не хочу, чтобы ко мне относились как к выскочке, а потому учу язык добросовестно. И вообще, я хочу стать очень важной шпионкой во вражеском тылу, чтобы добывать особо важные секреты, а для этого никто-никто не должен заподозрить во мне русскую.

На случай если мы попадем в миры, где господствующим языком является немецкий, этот язык нам преподает одна из подруг Гретхен по имени Урсула. Поскольку магических способностей у нее примерно столько, сколько и у стула, на котором она сидит, заклинание повышенного внимания для нее создает Димка-Колдун. В последнее время он тоже сильно повзрослел и набрался опыта… Кстати, когда я его спросила, не мог бы он превратить директрису нашего детдурдома в жабу, он ответил, что мог бы, да только это будет очень большая жаба, поскольку закон сохранения массы еще никто не отменял. Вот так! И тут физика. Никуда от нее не деться.

Кстати, этот предмет нам преподает самый настоящий студент Бауманки, сержант Бычков, тоже не лишенный магических талантов. Кстати, он умеет все так наглядно рассказать и показать, что в рот ему смотрят даже оторвы-амазонки, которые обычных мужиков ценят только за то удовольствие, какое те способны доставить женщине и качество зачатых ими детей. А тут, поди ж ты, га-а-аспадин учитель… А может, все дело в том, что этот Бычков сам собой недурен, хорошо сложен и помимо преподавания физики несколько раз участвовал в довольно опасных делах, из которых всегда выходил с неизменным успехом, а амазонки это любят.

Ну вот, короче, добежала я до башни Терпения. Перед входом еще раз оправляюсь, делаю морду ящиком и вхожу, как будто у меня тут важное дело. Лилитки, стоящие перед входом, пропускают меня без малейшего звука, потому что привыкли, что я лицо, особо приближенное к Серегину, и часто выполняю его поручения, когда он считает неэтичным отдавать мысленные команды или дело касается людей, не входящих в Единство. Спускаюсь по лестнице на нижний подвальный ярус, попадаю в полумрак зала для ванн и останавливаюсь в недоумении. Тихо журчит вода, на стенах, потолке и прямо в воздухе играют цветные магические искры; ряды ванн, в которых отмокают герои вчерашнего сражения, кажется, уходят прямо в бесконечность. И совершенно непонятно, где тут искать эту Дурову… А я-то дура, размечталась.

Ну нет, если я чего решила, то добьюсь этого обязательно.

Ловлю за руку первую попавшую бывшую мясную остроухую в белом халате и начинаю объяснять ей про женщину-воина, которую вчера доставили из того мира, где сейчас идет война. Не наша, из Единства, а местная – в принципе, кроме нее, тут других таких женщин быть не должно, поэтому найти ее, наверное, несложно. Хорошо, что тут не больница нашего мира – там бы меня даже на порог не пустили, а не то чтобы проводить к приболевшей знаменитости..

Внимательно меня выслушав, остроухая немного подумала (все недавно освобожденные бывшие мясные малость заторможены) и повела за собой, прямо к той ванне, в которой и возлежала разыскиваемая мной кавалерист-девица.

И только в последний момент я спохватилась. Что я ей скажу? «Здрасьте, вы Надежда Дурова? Позвольте представиться, я Асель Субботина, хочу с вами познакомиться…» Ага, счас! Она, небось, такая вся крутая, что и знать меня не захочет. Но и сказать вот прямо сейчас остроухой: «Извините, не надо меня никуда вести», – тоже было выше моих сил. Как же я смогу стать знаменитой шпионкой, если я банально не могу познакомиться с интересующим меня человеком?

И вот она – та самая ванна, в которой, чуть приподнявшись на локтях, лежит она. Тонкие, кажущиеся некрасивыми, черты лица, бескровная ниточка плотно сжатых губ, короткие, какие-то пегие волосы, слипшиеся от воды, и испуг в широко открытых серых глазах. Еще я мимоходом замечаю, что у этой самой Дуровой почти нет сисек – неудивительно, что она долго и вполне успешно притворялась мужчиной. Я бы так не смогла, потому что у меня там все вполне определенно, под китель так просто не запихаешь…

– Девушка, а девушка, – говорит мне вдруг Дурова, – спасите меня, пожалуйста…

Вот, блин, загадка, от кого ее здесь спасать? Вроде все свои. А, поняла! Она же все время притворялась мужчиной и если вон те дядьки в эполетах (явно генералы), которые зашли в зал со стороны другого входа, увидят ее голой, то будет, как говорит Лилия, Эль Скандаль… Хотя нет, скандала не будет. Стоит ему начаться, как сюда набегут бойцовые остроухие – выносить скандалиста на носках сапог. За ними не заржавеет, кто бы это ни был. Но все равно будет неприятно. Поэтому требуется брать управление на себя…

– Матильда Субботина, адъютант его превосходительства Серегина, – представилась я и повернулась к своей остроухой проводнице («Улу» – было вышито на ее нагрудном кармане): – Лечение этой женщины закончено?

– Да, госпожа Матильда, – четко ответила та, вытянувшись как перед начальством, – только ее еще не посмотрела госпожа Максимова…

– Потом посмотрит, – решительно ответила я, – а сейчас надо действовать быстро. Дай госпоже Дуровой халат и проводи в нашу раздевалку. Давай быстрей, быстрей, Улу, я ее у вас забираю!

Ни слова не говоря, Дурова вылезла из ванной (ну честное слово, кожа да кости), накинула на себя поданный остроухой синий больничный халат, который наготове лежал на специальном месте у каждой ванны, и посеменила за остроухой к раздевалке – между прочим, в противоположную относительно генералов сторону. Я же с решительным видом пошла следом, замыкая процессию. Ну и правильно! Адъютант Серегина Асель, то есть Матильда Субботина, под барабанный бой спасает от позорной смерти знаменитую кавалерист-девицу Дурову. Или от смерти и от позора? Одним словом, неважно – спасает и точка.

Пока в раздевалке невидимые слуги быстренько подбирали для Надежды Дуровой комплект нашего обмундирования по размеру, белье с носками, шнурованные сапоги, камуфляж и портупею, я соображала, куда девать мою новую знакомую. И самое лучшее, что я могла придумать – это отвести ее к нам в башню Мудрости к Анне Сергеевне, а уже та точно придумает что-нибудь умное. Не может не придумать.

Четыреста шестьдесят пятый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, квартал дислокации рейтарской дивизии.

Иоахим Мюрат, сын трактирщика, маршал Франции и король Неаполя.

Это была славная атака, и закончилась она сокрушительным поражением. После мощного артиллерийского обстрела вражеская кавалерия внезапно ударила нам в открытый фланг и как бумагу смяла кирасир генерала Нансути. Плотная колонна всадников в невзрачных мундирах на рослых конях мчалась на нас, уставив вперед тяжелые пики, будто волна морского прибоя. Я пытался развернуть против нового врага хотя бы часть храбрых французских кавалеристов, но было уже поздно. Последнее, что я помню, это сокрушительный удар и чувство, будто я лечу по воздуху подобно ядру, которым выстрелили из пушки, а мимо меня в тяжелом галопе пролетают выставившие перед собой копья чужие кавалеристы. И словно бы копыта их коней бьют не по земле, а прямо по воздуху в нескольких сантиметрах над поверхностью… Потом я ощутил удар об землю всей спиной – и меня накрыло беспамятство.

Очнулся я сутки назад – уже здесь, совершенно голый, лежащий на жесткой, коротко подстриженной траве. При этом от беспощадного местного солнца меня отделял лишь легкий полотняный тент, смягчавший лившийся с небес жар. Нечто подобное я видел, когда вместе с Императором был в Египетской экспедиции. В полдень земля там раскаляется до такой степени, что ступить на нее босой непривычной ногой для европейца означало сразу получить ожог ступни. И только местные, чьи мозолистые ноги больше похожи на верблюжьи копыта, бегают по ней безо всякого вреда для себя. Но где Россия (которую мы вознамерились покорить после всех других стран Европы), и где жаркий Египет? Такая стремительная смена местоположения – потерял сознание там, а очнулся здесь – вызывала у меня некоторое сомнение, нахожусь я на этом свете или, после того удара, уже его покинул.

Первое, что я увидел, открыв глаза, была весьма легкомысленно одетая миловидная девица, которая плескала мне в лицо прохладной водой из кувшина. Эти-то брызги и пробудили меня к жизни. Увидев, что я пришел в чувство, девица мелодично рассмеялась и принялась кричать что-то на неизвестном мне языке, видимо, сзывая своих товарок. Пока она это делала, я тут же вскочил на ноги, прикрыл горстями срам и принялся исподволь рассматривать обитательницу этих мест. Была она высока ростом, мускулиста, с длинными руками и ногами, а лицо ее, чуть скуластое, с раскосыми глазами, украшала пара острых, как у лисички, ушек и замысловато закрученная прическа из множества косичек.

Обута она была в плетеные сандалии, а из одежды на ней имелись короткие, до середины бедра, светло-зеленые штанишки, на поясе которых в ножнах висела настоящая рыцарская мизерикордия; верхнюю же часть тела прикрывала курточка-безрукавка того же цвета, что и штанишки, застегнутая двумя пуговицами на пупе, и из-под нее наружу выпирали два вполне аппетитных на вид полушария. Короче, если бы не кинжал и не уверенный взгляд опытного бойца из-под пушистых ресниц, это был бы вполне премиленький образчик экзотической восточной красоты. А так даже и не знаешь, что она будет с тобой делать в следующее мгновение – то ли обнимет и приголубит, то ли пнет ногой в живот или пырнет кинжалом.

Не прошло и нескольких минут, как на зов этой девицы сбежались ее подружки, одетые и экипированные аналогичным образом, и я оказался окруженным целой толпой воительниц. Быть может, я и в самом деле умер, но в Небесной Канцелярии что-то напутали с документами и вместо нормального

христианского рая за многие подвиги на поле боя меня направили к прекрасным магометанским гуриям и джинниям. А в том, что меня окружали именно воительницы-джиннии, не было никаких сомнений. Не все из этих девиц были остроухими долговязыми мускулистыми гигантшами. Попадались среди них и длинноногие красотки вполне человекоподобного облика, и худые, как сама смерть, девушки-скелеты с наголо бритыми головами, расписанными замысловатыми татуировками. От одного их устрашающего вида у меня мороз пробегал по коже.

Одним из последних посмотреть на меня пришел молодой юноша, прекрасный как Аполлон. Одет он был почти так же, как и девицы, только вместо курточки-безрукавки на нем была рубашка с короткими рукавами, перечеркнутая ремнями портупеи, а на поясе, помимо кинжала, висел пистолет в кожаной кобуре. При его появлении девицы посерьезнели и вытянулись во фрунт, показывая, кто тут начальник, а кто подчиненные.

– Значит так, господин Мюрат, – сказал сей юноша на прекрасной литературной латыни, заложив большие пальцы рук за ремень портупеи, – поздравляю вас, вы наш пленник. Вы, конечно, можете не признать этого факта, но в этом случае жизнь ваша чрезвычайно осложнится…

– Постойте, молодой человек, – на том же языке возразил я (спасибо отцам-иезуитам, вдолбившим в меня латынь в колледже), – я король неаполитанский, маршал императора французов и прочая, прочая, прочая, а потому даже в плену требую к себе надлежащего отношения.

– Мы знаем, кто вы такой, – кивнул молодой человек, – и выкуп, который мы у вас попросим, совсем вас не обременит… Вы же там, у себя во Франции, настоящий герой, храбрейший из храбрейших…

– Да нет, – честно ответил я, – храбрейшим из храбрейших Император назвал не меня, а маршала Нея.

– Ну, это неважно, – махнул тот рукой, – если не считать Неаполитанского королевства, которое нас совсем не интересует, вы с господином Неем полностью равны в достоинстве, тем более что он тут неподалеку, всего через два дома, трудится на том же поприще и уже заработал себе прозвище «Рыжая бестия» за бурный темперамент… Так что я жду, каким будет ваш положительный ответ…

Я вздохнул и ответил:

– Во-первых, господин, как вас там зовут, вы до сих пор не представились мне, то есть не назвали свое имя, титул и воинское звание (если у вас, конечно, армия, а не просто банда). Во-вторых, вы до сих пор не сказали, какой такой необременительный, по

вашим словам, выкуп я должен за себя внести, чтобы обрести свободу. И в-третьих – мне как-то не очень удобно находиться в костюме Адама перед таким большим количеством дам, и я требую к себе хотя бы элементарного уважения. Полцарства за штаны.

– Последнее – проще всего, – усмехнулся молодой человек и хлопнул в ладоши, сказав: – обмундирование сюда для господина Мюрата.

И в тот же момент, как по мановению волшебной палочки, вокруг меня все закрутилось и завертелось. Тогда я еще не знал, что такое невидимые слуги, и был несколько ошарашен той быстротой, с какой они облачали меня в местную офицерскую экипировку. Скорее всего, от моего маршальского мундира меня разоблачали те же невидимые слуги, да только я ничего не помню, поскольку находился в тот момент без сознания. Попутно молодой человек, представившийся лейтенантом артанской армии Константином Жуковым, рассказал мне, что пока я тут валялся в беспамятстве, французская армия потерпела в Москворецкой битве сокрушительное поражение от флангового удара небольшого, но очень мощного артанского войска. Печальное известие. Сначала я этому не верил, но потом пришлось принять реальность таковой, какая она есть. Поход в Россию оказался полной глупостью, мы были разбиты и теперь я даже не знаю, смогу ли вернуться на Неаполитанский трон или хотя бы просто во Францию. В плену, мол, оказался даже сам Император Бонапарт, не говоря уже о его штабе, Гвардии и прочих войсках. Впрочем, положение тех, кто сдался вместе с Императором, немного отличается от нашего, потому что они почетно капитулировали, а не были захвачены на поле боя с оружием в руках.

Что касается выкупа, который потребовали пленившие меня артанцы, то он оказался для меня неожиданным и действительно необременительным. Я должен был зачать местным воительницам сотню детей, собственноручной, так сказать, выделки. При этом, как мне сказал старший лейтенант Жуков, по отношению к девицам необходимо соблюдать такт и галантность, потому что все они – какие-то там «верные», что в других местах приравнивается к дворянскому достоинству. Всех наших, особенно видных полководцев, кто достойно дрался в Москворецкой* битве и, проиграв, попал в плен, ждет такая же участь. Пока отдыхает только контуженный бедняга Даву, но и ему скоро придется потрудиться на благо будущего Артанского войска. Боюсь, милые ушастые еще надолго задержат нас в своем приятном плену. Эти могучие воительницы, способные одним

ударом палаша рассечь кирасира вместе с кирасой от плеча и до пояса, совершенно не искушены в деле того, что происходит между мужчиной и женщиной, и овладевать ими на ложе – одно сплошное удовольствие. И в то же время сегодня утром лейтенант Жуков взял меня с собой на тренировочное поле, и я понял, что закованная в броню тяжелая кавалерия, которая сокрушила нас фланговым ударом – это тоже эти милые девушки… Нет уж, биться я с ними буду только на ложе страсти по взаимному согласию, а на все остальное пусть поищут дураков где-нибудь в другом месте. Аминь!

Примечание авторов: * *Наша Бородинская битва у французов называлась битвой при Москве-реке, или Москворецкой битвой. В нашей истории маршал Ней за многие подвиги во время этого сражения получил титул князя Москворецкого.*

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Мудрости, апартаменты Анны Сергеевны Струмилиной и ее гавриков.

Кавалерист-девица Надежда Дурова.

Когда я, путаясь в полах халата, поспешала вслед за своей юной проводницей по имени то ли Адель, то ли Матильда, то даже не обращала внимания на то, что находится вокруг. Главным для меня было поскорее уйти из этого подземного помещения во избежание конфуза. Ах, как хорошо, что эта девочка пришла ко мне и тайком увела из того зала! А ведь, похоже, она именно ко мне и направлялась. Непонятно только, для чего. Вот уж загадка… Но взгляд у нее был такой, будто все-то она обо мне знает. И любопытство пополам с уважением явственно светились на ее милом, не вполне русском, личике. Я сразу почувствовала симпатию к этому очаровательному ребенку. Впрочем, ее, пожалуй, уже можно было назвать барышней; пребывала она как раз в том возрасте, когда случаются в душе первые томления, когда взгляды молодых людей вызывают особенный трепет, и так легко попасть в плен одного такого взгляда – да так, что сердчишко-то начнет одновременно и петь радостно, и стонать тоскливо, и полниться любовною мечтою… Смотрела я на гибкую спинку моей проводницы и вспоминала себя в том же примерно возрасте – как гостила я у тетушки своей в имении, и как было там хорошо да привольно…

Мысли эти, о былом да позабытом, о времени отрочества моего, одолели меня внезапно, настойчиво просясь быть обдуманными – и с чего вдруг? Все, что было о ту пору со мною, в памяти моей возникло отчетливо, и особенно ярко предстал передо мною полузабытый образ молодого человека, помещичьего сына, что проживал по соседству… Порой он

присоединялся к нам с сестрицей во время прогулки в лес и оказывал мне при этом разные знаки внимания. А ведь я влюбилась в него тогда… Влюбилась – неистово, всей силой своей юной, неискушенной души. Это стало ясно мне далеко не сразу; поначалу новые чувства пугали меня, казалось мне, будто я больна или околдована. Его тихий голос, робкая улыбка, нечаянные прикосновения, просьба подарить колечко… В его больших прекрасных глазах я обретала истинное блаженство, больше никогда мною уже не испытанное. Я млела рядом с ним, и душа моя парила в облаках от счастья, и то и дело я смотрела на сочные губы его – и отворачивалась, мучительно краснея…

Ну а потом все это закончилось. Его маман – дородная тетка с огромною бородавкою около носа – узнала о том, что бедна я и мало за мной приданого, и запретила ему видеться со мной. А потом меня увезли к родителям – и никогда боле не довелось мне испытать столь головокружительного счастья, как там, в теткином имении, когда была я юной, невинной, восторженной и нежной. Так и омертвела душа моя, и покрылась толстой коркой, и поняла я, что счастье женское не суждено мне иметь… То был единственный мой шанс стать обычной женщиной, чтобы с радостью да покоем в сердце нести свое предназначение, быть счастливою женой и матерью – так ведь нет, разлучили нас злосчастные обстоятельства, и оказались мы с ним лишь песчинками, носимыми ветром, и ничего от нас тогда не зависело…

Вот какие воспоминания и мысли проходили передо мной, пока моя провожатая уверенно вела меня куда-то. И почему все это мне пришло на ум именно сейчас? Думами этими я несколько разбередила свое душевное состояние. Но при этом полностью от них отделаться так и не смогла. Подспудно я ощущала, что настает какой-то новый этап в моей жизни – этап переосмысления и глубоких перемен. Перемен этих я и страшилась, и одновременно желала их…

Однако, несмотря на волнение, навеянное воспоминаниями, по мере удаления от моего последнего места пребывания мне становилось все спокойнее. От девочки, что шла впереди твердой, совсем не свойственной барышням, походкой, исходило нечто такое, что вселяло в меня некоторую бодрость. Девочка эта, несомненно, тоже являлась пришелицей из другого мира – как и те женщины-врачевательницы, что навещали меня. Что же это за мир такой, где дамы так уверены в себе? Неужели такое и вправду может быть? Во мне нарастало нетерпение поскорее узнать получше этих женщин, включая и мою юную провожатую – и не в такой обстановке, когда я перед ними голая и беззащитная,

а в более привычной для меня… Скажем, в зале за чашкой чаю… Я, конечно, сперва буду робеть; но, в конце концов, что мне робеть перед теми, кто знает мою подноготную? Нужно лишь примириться с этим и готовить себя к тому, что прежней жизни больше не будет.

После того, как я была обмундирована по всем местным правилам и стала похожа на любого из местных солдат, мы просто поднялись по лестнице наверх, и никто даже не посмотрел в нашу сторону. Даже если бы во мне и признали женщину, то ничего страшного – местное войско на девять десятых состояло из подобных мне девиц. Так же была одета и моя провожатая, что еще раз подтверждало мое предположение, что артанский князь происходит из такого места, где женщины сильны и уверены в себе. Когда мы поднялись наверх и вышли под палящее солнце на площадь с фонтаном, мадмуазель Матильда-Адель немного сбавила шаг. Теперь она стала бросать на меня внимательные взгляды, и мне показалось, что она хочет о чем-то спросить меня.

Я не ошиблась…

– Надежда Андреевна, скажите, а вам приходилось убивать людей? – выпалила она и закусила губу, смотря на меня с ожиданием.

– Нет, никогда, – ответила я чистую правду. – По крайней мере, пока.

– Хм, как же так? – В голосе юной барышни слышалось нечто похожее на разочарование. – Я была уверена, что приходилось… Ведь вы же… ну… воительница… тьфу, то есть солдат… ну, в общем, вы же воюете с врагами, атакуете их; пользуетесь оружием… И что, ни разу никого не убили?

Она смотрела на меня с некоторым недоверием. И я ответила:

– Как-то Бог миловал. Собственно, идя в бой, я ощущаю уверенность в том, что смогу убить, чувствую некий азарт и воодушевление; мне кажется, что рука моя не дрогнет, проливая кровь ненавистного врага. Но всякий раз, когда волей какого-то непостижимого случая необходимость убивать отпадает, я радуюсь… Да-да, я радуюсь, что мне удалось устрашить, но не лишить врага жизни. Кто знает – может, это сам Господь отводил от меня сей грех. Как бы там ни было, это обстоятельство меня радует. Поверь, девочка – можно проявлять геройство, и не убивая…

Тут я закашлялась, так как тирада моя была слишком длинной. И сразу привычная тяга заскребла где-то внутри – курить! Многое сейчас я отдала бы за пару крепких затяжек… Эта так называемая «дурная привычка» появилась у меня почти сразу, как я начала свою военную карьеру в мужской ипостаси. Я знала,

что от курения голос грубеет, и потому старалась курить побольше – до тошноты, до одурения. Я завела себе трубку – это было практичнее дамских мексиканских пахитосок*, курение которых, к тому же, не считалось признаком мужественности.

Примечание авторов: * *тонкая папироса из табака, в виде соломки, в которой вместо тонкой бумаги используется лист, покрывающий кукурузный початок.*

Какой же мерзостью казался мне тлеющий табак, который я вынуждена была вдыхать! Я искренне не понимала тогда, что побуждает людей приучать свой организм к курению, если только их не заставляет это делать крайняя необходимость (как в моем случае). Словом, это были адовы мучения, но в итоге я, можно сказать, добилась чего хотела. Голос мой огрубел и стал похож на мужской, что избавило меня от шуточек сослуживцев. А привычка так и осталась. Теперь я стала находить в ней некоторое удовольствие. Я уже не могла и полдня прожить без затяжки. Курила я, пожалуй, побольше иных мужчин. Бывало, по утрам меня мучил кашель, но это было сущим пустяком по сравнению с тем эффектом, что давал табак, «сажая» мой голос и тем самым хоть немного приближая меня к ощущению причастности к «сильному полу»… Кроме того, я заметила, что стоит затянуться – и кашель стихает…

Естественно, и манеру курить я тоже переняла от сотоварищей. Обычно я делала это, сидя на чем-нибудь, расставив ноги и наклонив корпус слегка вперед. При этом одна моя рука упиралась в бок, а в другой я держала трубку… Совершенно немыслимая поза для женщины!

Сухой кашель раздирал мои легкие и не желал униматься. Мысль о затяжке настойчиво пульсировала в голове… А девочка смотрела на меня с удивленно-испуганным выражением.

– Что с вами, Надежда Андреевна? – встревожено спросила она, приостанавливаясь (в этот момент мы как раз заходили в другую башню, подобную, той из которой вышли, да только лестница, по которой пошла девочка, повела нас наверх, на второй этаж, а не вниз).

– Ничего страшного… кхе-кхе… – сдавленно произнесла я, – просто хочется курить… Чуток затянуться – и все пройдет…

– Вы что, ку-у-у-урите?! – произнесла юная мадмуазель с таким выражением, точно я призналась в страшном преступлении; так что мне стало вдруг стыдно.

Но она тут же спохватилась и, пытаясь исправить свою промашку, сказала уже другим тоном:

– Ах ну да… Я просто забыла… Ну, что вы курите…

Она виновато моргала, глядя на меня, а я в этот момент недоумевала – что значит «забыла»? А откуда она вообще могла знать об этом? Неужели оттуда же, что и те две? А те откуда? Чародейство? Им что, владеют все пришельцы?

Я косилась на девочку чуть опасливо, стараясь сдержать новые позывы покашлять. Я решила, что мне лучше много не разговаривать, чтобы не вызывать очередной приступ.

И тут моя спасительница взяла меня за руку и тихим, успокаивающим голосом произнесла:

– Вы не волнуйтесь, Надежда Андреевна. Ну курите – ну и что. Это же ерунда, ничего в этом нет позорного, просто дурная привычка, от которой вполне можно избавиться. А вы знаете, мы как раз и идем к тому человеку, который поможет вам освободиться не только от этой привычки, но и от многого другого, что мешает вам жить полноценной жизнью… Я веду вас к Анне Сергеевне. – Моя сопровождающая сделала вескую паузу. – Знаете, кто это такая? О, Анна Сергеевна – это могущественная богиня разума…

Девочка закатила глаза, подняв кверху палец, очевидно, давая мне понять, что уже сейчас я должна проникнуться к этой неведомой мне женщине священным благоговением.

– Она избавит вас от этой гадкой привычки за пять секунд, зуб даю! – Матильда-Адель хитро улыбнулась и крепче сжала мою руку. – Между прочим, Анна Сергеевна – моя учительница и мой друг! Она очень хорошая! Вы не бойтесь. Вам даже говорить ей ничего не придется – она сама залезет внутрь вашей головы… ой…

Матильда-Адель резко умолкла и совсем по-детски закусила палец, словно раскаиваясь в досадной оплошности. Что ж, на моем лице, видимо, и вправду отразился испуг. Просто я вообразила себе описанное слишком буквально. Кто ж их знает, этих странных женщин-пришелиц, какие у них методы…

А девочка тут же затараторила:

– Ах, ну я не так выразилась… Вы не бойтесь, вам совсем не будет больно… Анна Сергеевна работает очень аккуратно, она отличный специалист! О, да ведь мы уже пришли!

Она выдохнула с облегчением. Перед нами была массивная дверь, сделанная, казалось, из одного куска отполированного до блеска дуба.

– Свои, – заговорщицким тоном произнесла моя провожатая, после чего эта дверь сама бесшумно распахнулась и мы вошли внутрь…

Когда я очутилась внутри этого помещения, то поначалу мне показалось, что я попала в какой-то мир абсурда, где запад мешался с востоком: расстеленные повсюду толстые ковры и разбросанные подушки как в каком-нибудь султанском гареме соседствовали с мебелью прямоугольных форм вполне европейского вида. Но этот абсурд не нес в себе никакой угрозы и воспринимался мной вполне благожелательно. По крайней мере, на первый взгляд. Собственно, я не была склонна обращать особое внимание на детали, а потому не слишком приглядывалась к интерьеру. Но было там и то, что ошеломительно повлияло на первое впечатление. Это была удивительная кукла, которая сразу же приковала к себе мое внимание. Она сидела возле резного зеркала, улыбалась, болтала в воздухе ногами и махала мне рукой… Да-да, кукла была живая, и в то же время было видно, что это действительно кукла, а не маленький человечек-гомункулус… Эта кукла даже, кажется, что-то тихо говорила мне писклявым голоском, да только с непривычки я ничего не разобрала…

И я так на нее засмотрелась, на эту куклу, что с трудом оторвала от нее глаза, когда увидела ту самую женщину, к которой меня и вела Матильда-Адель. Я сразу ее узнала. Образ ее со слов Матильды-Адели вполне отчетливо нарисовался в моем воображении. Она была необыкновенной. Достаточно молодая и очень красивая. Статную фигуру ее весьма соблазнительно обтягивало серебристо-серое трико невиданного покроя; странно было видеть такое одеяние на женщине, которая не скрывает своего пола. А она даже не то что не скрывала, но и подчеркивала: каждая деталь ее внешности, ее одежды была исполнена выразительной женственности… Росту она была достаточно высокого, хоть не чрезмерного; и из-за пучка роскошных волос на макушке казалась еще стройней и выше. И в волосах ее были заметны пряди рубинового цвета. Наверное, именно так должна выглядеть сказочная фея… Что ж, теперь мне пришлось воочию убедиться, что они и вправду существуют.

Она приближалась к нам из глубин этой комнаты, и на лице ее расцветала приветливая улыбка. В зеленоватых глазах ее светилась доброжелательность. Кроме того, глаза эти были так проницательны, словно знали все тайны мира, но наряду с этим

они говорили о том, что их владелице в значительной степени свойственны сочувствие и любовь. «Богиня разума»… Так, кажется, выразилась о ней юная мадмуазель? Да, эта женщина была похожа на богиню. На Цирцею, которая либо превращает мужчин в свиней, либо возносит их до богоподобного состояния. Рядом с ней я вдруг показалась самой себе убогой и ущербной, больной и глубоко несчастной…

– Анна Сергеевна, – пискнула Матильда-Адель, – эта Надежда Дурова. Я привела ее к нам, потому что в лечебнице ее могли застукать, что она женщина. И вообще, она очень несчастная: много курит и всего боится. Помогите ей, пожалуйста, я вас очень-очень прошу.

Выслушивая все то, что говорила Матильда-Адель, я, испытывая смятение чувств, опустила голову. А Анна Сергеевна, не обращая внимания на мое смущение и подойдя ко мне почти вплотную, произнесла очень приятным, мелодичным голосом:

– Здравствуйте, Надежда Андреевна. Очень рада видеть вас у себя… Присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите мне, что вас беспокоит…

Четыреста шестьдесят четвертый день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу.

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов.

При первом взгляде Надежда Дурова показалась мне загнанной в угол зверушкой, хотя она и старалась держаться уверенно и невозмутимо, как подобает существу мужского пола. Но меня не обманешь! Даже не входя в ее средоточие, я уже видела скорчившуюся там маленькую девочку, с рождения обделенную материнской любовью. Несмотря то, что мы с ней биологически были одного возраста, мне захотелось обнять этого испуганного ребенка и прижать к своему сердцу, как еще одного из своих гавриков. Но я не могла этого сделать. Ведь она хотела казаться сильной… Она хотела бы быть мужчиной, бедная Надя. Она думала, что только мужчинам в этом мире живется легко и свободно, что лишь им доступны свобода и право выбора своей судьбы. Что ж, неудивительно… Этот взгляд привила ей как раз ее мать. Мать, которая тоже изначально обладала очень свободолюбивой душой, но ей не удалось стать по-настоящему счастливой (иначе она бы не выбрасывала маленькую дочь из экипажа и после не обозлилась бы на весь мир за то, что тот не дал ей всего желаемого). Мать Надежды всю жизнь сетовала на женскую долю, говоря, что быть женщиной – настоящее проклятие… Естественно, сознание девочки значительно исказилось. Ведь любой психолог знает, как сильны в нас

установки, данные в малолетстве родителями, даже невзирая на наше отношение к этим родителям. Эти психоэмоциональные программы постепенно разрушают нас, извращая отношение к себе и к миру.

Надя внешне спокойна, но ее жесты выдают внутренне напряжение. Она стоит посреди моей комнаты и комкает форменное кепи с назатыльником, не зная, куда деть руки. Я прекрасно вижу, что ей хочется по-женски кусать губы от волнения, но она сдерживает себя сознательным усилием. Однако в глазах ее – дружелюбие и надежда. И еще она всячески старается унять чувство удивления, вызванное в ней видом моего жилища. Ах да, ведь она прекрасно может видеть Белочку! Я так привыкла к своей живой кукле, что порой даже забываю о том, какое ошеломляющее впечатление та может произвести на неподготовленного человека, вплоть до обморока. Хорошо еще, что я приучила Белочку на бросаться к гостям к радостным визгом, а тихонько сидеть где-нибудь в уголке. Правда, она слишком любопытна, и потому уголок ее не устраивает; но я, собственно, закрыла на это глаза, благодарная своей несносной малышке и за то, что она хотя бы сменила крик на вкрадчивое бормотание. Это все же выглядело не так пугающе-неожиданно.

Дурова изучает меня внимательным взглядом. Да, вижу, что она весьма неглупа, наблюдательна и умеет владеть собой. Мое уважение к этой женщине растет, наряду с симпатией. И я дружелюбно улыбаюсь ей, говоря:

– Здравствуйте, Надежда Андреевна. Очень рада видеть вас у себя… Присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите мне, что вас беспокоит…

Дурова кивает, ничего не отвечая, и немного растерянно оглядывается по сторонам. Тут же невидимые слуги подставляют ей стул; она чуть бледнеет (вижу, подавляет вскрик) и, бросив на меня ошарашенный взгляд, неловко садится. Стул массивный, прямоугольной формы, но сидеть на нем очень удобно, сама проверяла. Однако сидит Надежда напрягшись, на самом краешке этого замечательного стула, при этом чуть наклонившись вперед. Так-так… что ж, придется ее немного расслабить.

Я картинно щелкаю пальцами – вот уж невидимые слуги влекут по воздуху второй такой же стул (для меня), а также чудный резной столик красного дерева. Все это бережно устанавливается рядом с Надеждой самым удобным образом для того, чтобы могли с ней побеседовать в непринужденной атмосфере. Естественно, моя гостья смотрит на происходящее несколько испуганно; ну да ничего – к чудесам быстро привыкаешь. Прекрасно знаю (так как наблюдала не раз), что

адаптация к магическому миру составляет около часа, а полная «акклиматизация» – три дня. Однако знаю я и то, что сеанс моей психотерапии будет иметь гораздо больший эффект, если организм пациента еще не приспособлен к другой реальности. Поэтому сейчас самое время заняться этой выдающейся женщиной, Надеждой Дуровой, даже не подозревающей, насколько она прославится в будущем своей удивительной историей. Кстати, мне вдруг вспомнилось, что свою знаменитую книгу она написала из-за нужды, которую она испытывала, выйдя в отставку. Я, конечно, слышала высказывание, что «лучшие произведение рождаются только на голодный желудок», но все эта деталь казалась мне немаловажной в том, чтобы оценить жизненные перспективы Дуровой в том случае, если оставить все как есть.

Я опять щелкаю пальцами, отдавая мысленные приказания – и вот к нам гуськом плывут по воздуху: чайник, чашки, блюдца, ложечки, вазочки со сладостями и тарелка с маленькими бутербродами.

– Ася, детка, спасибо тебе, а теперь иди погуляй, нам с Надеждой Андреевной нужно побеседовать наедине, – говорю я своей ученице.

Та кивает, довольная сознанием выполненного долга, и, подмигнув Дуровой и показав большой палец, уходит.

Мы приступили к чаепитию. Очень скоро я заметила, что моя гостья несколько отпустила свое напряжение. Поза ее стала более свободной, она села поглубже на стул, очевидно, оценив неоспоримые достоинства этого раритета. Мы пили ароматный чай. Мы ели вкусные конфеты. Мы беседовали ни о чем – типа какая прекрасная погода. Таким образом мы настраивались друг на друга, обмениваясь невидимыми флюидами. Правда, Дурова то и дело как-то странно покашливала и бросала на меня такие взгляды, будто не решается о чем-то попросить. Разумеется, я бы могла без труда выяснить, что ее беспокоит, да только уже давно дала себе зарок копаться в чужих мыслях без крайней на то необходимости. Ну неужели я сама, только в силу своей проницательности и знания человеческой натуры, не смогу разгадать причину происходящего с ней? Явно она борется с какой-то тягой… Облизывает губы… Нервно сглатывает… Перебирает пальцами правой руки… Ну да, точно! Табачная зависимость! Вот только скажет ли она сама об этом? Как-то неудобно задавать ей в лоб вопрос: «Что, курить хотите?» Ведь большинство курильщиков стыдятся своей привычки и не афишируют ее в обществе людей, ей не приверженных.

Она не стала жеманиться. Посмотрев прямо мне в глаза, она

наконец робко произнесла, виновато при этом улыбаясь:

– Простите, ради Бога, Анна Сергеевна… Не найдется ли у вас папиросы? Или щепотки табаку? Очень хочется курить…

– Дорогая Надежда Андреевна, – мягко ответила я, – конечно же, у меня все найдется. Но у меня есть правило – не делать ничего, что пошло бы во вред здоровью пациента. Смею вас заверить, что курение – крайне вредная привычка. Так как же нам с вами быть?

Надежда тяжело вздохнула и пожала плечами. После чего снова нервно сглотнула, и, прощаясь с мечтой о затяжке, как-то сразу приуныла и ссутулилась. Мне было ее очень жаль. Хоть сама я пагубными привычками никогда не страдала, все же могла вообразить, каково это – остаться без любимой «вкусняшки», когда весь твой организм взывает о порции привычной отравы.

Нужно было что-то срочно предпринять.

– Надежда, – сказала я с некоторой торжественностью в голосе, – скажите мне честно – хотите ли вы избавиться от этой зависимости – я имею в виду привычку к курению?

Она некоторое время смотрела на меня, хмуря лоб и моргая – очевидно, в ее голове происходила интенсивная работа мысли.

– Как вы сказали, Анна Сергеевна? – произнесла она тихим хрипловатым голосом и опять покашляла. – Зависимость?

– Ну да, зависимость, – авторитетно кивая, подтвердила я собственные слова. – Человек, попавший в плен дурной привычки, не свободный человек. Уже не он управляет собой, а его привычка. Она влияет на его самочувствие, настроение, отношения с окружающими. Большую часть его мыслей занимает эта привычка, хоть и далеко не всегда человек согласится с этим утверждением. Без того, чтобы реализовать свою тягу, зависимый не может ощущать себя полноценным человеком. Все ему не в радость. Все отравлено непреодолимым желанием оживить кажущиеся серыми краски мира затяжкой, глотком вина либо… либо еще чем-то – их много, этих зависимостей. И человек не задумывается о том, что его привычка не просто ведет к болезни и смерти – нет, она делает его настоящим рабом.

Надежда смотрела на меня так, словно я изрекала божественное откровение. Готова поспорить, ей никто не говорил ничего подобного, а сама она об этом никогда не задумывалась! Что ж, очень хорошо. Теперь нужно закрепить эффект…

– Дорогая Надежда Андреевна… – проникновенно сказала я, – конечно, я могу попросить слуг, чтобы прямо сейчас доставили сюда лучшие папиросы и самый ароматный табак. Мне это ничего не стоит. Но я хочу помочь вам… Может быть, вы пока и не осознаете, что нуждаетесь в помощи, но тем не менее это так.

Предлагаю вам не спешить затянуться и хотя бы попробовать по моим руководством избавиться от этой пагубной привычки, а также от многого другого, что мешает вам наслаждаться жизнью в согласии со своим естеством. Ведь вам выбирать – оставаться в плену или же жить свободно. Чтобы вы лучше понимали ваш нынешний статус, поясню – отныне вам придется обращаться в кругу людей, для которых совершенно неважно, какому полу вы принадлежите. Понимаете? Если курение делает вас, как вы считаете, похожей на мужчину, то теперь нет больше необходимости скрывать, что вы женщина. Это – данность, факт, с которым ничего не поделаешь…

Тут она позволила себе перебить меня:

– Не поделаешь? – произнесла она полным отчаяния голосом, потянувшись ко мне всем корпусом, словно не желая лишаться последней надежды. – О, а я так надеялась… Я хотела просить вас о том, чтобы вы превратили меня в мужчину, ведь, как я наслышана, вы… ээ… вроде чародейки, да; и даже та девочка назвала вас богиней…

Я улыбнулась.

– Дорогая Надежда Андреевна… Давайте вы не будете торопиться становиться мужчиной. Вы не задумывались о том, почему Господь создал вас именно женщиной? Господь никогда не ошибается. В каждого человека он вкладывает некое предназначение, которое необходимо реализовать – причем используя все то, чем Он наделил…Давайте так. Мы с вами для начала просто поговорим. А потом будет видно, что с вами делать – превращать в мужчину или нет.

Она энергично закивала – похоже, к ней вернулась ее надежда.

– Ну как, вы готовы? – спросила я. – Но только я буду действовать своими методами, и при этом вам следует быть предельно откровенной. Вы должны прислушаться к себе и поведать мне все так, как и лежит у вас на душе.

Она с минуту сидела, прикрыв глаза; при этом ее губы чуть шевелились. Тонкие нервные пальцы сжимал чашку, из которой уже был выпит весь чай.

Наконец она прямо взглянула на меня и, улыбнувшись какой-то новой улыбкой, решительно произнесла:

– Да, я готова.

– Вы мне доверяете? – Я должна была это спросить, так как доверие именно этой пациентки было важно для меня.

– Я вам доверяю… – Она подкрепила свои слова энергичным кивком.

– Ну что ж… – Я вздохнула, ощущая легкое возбуждение

перед предстоящим сеансом, – тогда начнем с того, что вы мне расскажете про вашу жизнь. Даю вам слово, что все рассказанное вами навсегда останется между нами…

Я проследила за взглядом Надежды, и поняла, что ее смущает кукла. Однако объяснять, что Белочка – это частичка моей личности, пришлось бы слишком долго, поэтому я молча указала куколке на дверь, и та тут же исчезла, выскользнув в коридор, после чего дверь, издав мелодичный лязг, сама заперлась на засов.

Я вновь обратилась к Надежде.

– Надеюсь, теперь вас больше ничего не смущает? Тогда давайте приступим. Устраивайтесь поудобней… Не стесняйтесь… И рассказывайте все, что в голову придет, не задумывайтесь. Начните с самого детства… У вас наверняка сохранилось много воспоминаний.

– Хорошо… – Надежда кивнула и откинула голову. Я незаметно махнула ладонью от себя – и спинка ее стула чуть откинулась, позволяя ей занять положение полулежа.

Да, это был истинный, классический сеанс психотерапии… То, о чем она мне поведала, не было описано в ее книге. Я узнала удивительные вещи. Я услышала и пропустила через себя всю боль этой одинокой души, сознание которой было изломано ее матерью, не давшей Надежде главного – любви и поддержки. Отношение матери взрастило в ней лишь ужасный комплекс неполноценности и неприятие своего пола. Мать изуродовала ее. Слушая пациентку, я приходила к выводу, что нам понадобится еще не один такой сеанс. Но в этот раз от меня требовалось сделать главное – направить ее восприятие себя на правильный путь. Во время сеанса во мне уже зрела стратегия… после того как она выговорится, я произведу вмешательство в ее разум и постараюсь избавить ее от основного, что ей мешает.

Речь Надежды звучала порой эмоционально, порой спокойно, часто в ней слышались горькие нотки. Она говорила и говорила – так, как обычно и говорят пациенты на подобном сеансе. Ведь это она делала впервые – изливала свои сокровенные тайны и порывы перед другим человеком – перед тем, кому она доверяет. Не припоминаю, чтобы у нее в жизни – в ТОЙ жизни – был подобный человек…

Я слушала Надежду и видела, как ей становится легче – словно падает с души тяжелый груз.

– Больше всего на свете я хотела бы стать мужчиной… Стать мужчиной по-настоящему – ну, то есть, не только иметь тело мужчины, но и обладать всеми качествами души и характера, что свойственны сильному полу. Мои родители желали иметь сына, и

если бы я родилась мальчиком, все было бы по-другому… О, наверное, я бы многое отдала за то, чтобы все же исполнить эту мечту…

– И давно у вас такое желание? – тихо спросила я.

– С детства. Правда, в период отрочества оно как-то затерлось и даже казалось мне смешным. В какой-то момент мне понравилось быть женщиной… Я с радостным удивлением прислушивалась к себе, к порывам моего тела – и с замиранием сердца улавливала ту гармонию, которая звучала в нем. – Теплая улыбка озарила ее лицо.

– И что же потом? – осторожно направила я нашу беседу.

– Потом… – Она горестно вздохнула и лицо ее сделалось печальным, – потом меня постиг жестокий удар, когда я в полной мере осознала всю несправедливость этого мира. И тогда я и решила, что не буду жить как все… Правда, попытки, в основном с подачи моих родных, еще были, но в конечном итоге я реализовала свое давнее желание… Я стала мужчиной… То есть освободилась от этой ненавистной мне «женской доли»…

Она помолчала. Потом стала рассказывать дальше. О том, каких трудов ей стоило скрывать свой пол. Разоблачение было для нее самым страшным сном. Она считала, что это вызовет насмешки и глумление, и, сааме главное, невозможность служить дальше, что являлось в ее глазах хуже смерти, так как означало конец вольной жизни. Очевидно, тогда она и начала травить себя крепким табаком…

Пролетел час. Время от времени Дурова открывала глаза и виновато вопрошала:

– Я вас не утомила, любезная Анна Сергеевна?

Естественно, я говорила, что мне интересно слушать ее – то есть чистую правду.

И наконец она выговорилась – по крайней мере, на этот раз. Закончила она следующими словами:

– Анна Сергеевна… – тихо произнесла она, и в глазах ее зажегся какой-то особенный, вдохновенный свет. – Если описывать мои чувства в общих чертах, то я испытываю растерянность, будто у меня почва ушла из-под ног. Но и одновременно мне кажется, словно у меня вот-вот вырастут крылья… Или они уже есть, но вроде как связаны… Удивительно… – Она развела руками и огляделась, после чего теплая улыбка озарила ее бледное лицо, – мне и вправду полегчало. Все кажется мне теперь не таким мрачным и безнадежным, и себе самой я тоже кажусь сильной и способной на многое… И люди кажутся другими… И сам этот мир… Такое непривычное ощущение…

Она подняла глаза вверх и потом взглянула на меня. Благодарность сквозила в ее взгляде и радостное удивление. Я только хотела пояснить, что в общем-то я тут и ни при чем, просто, высказав свои беспокойства, она смогла их отчасти преодолеть; но она заговорила вновь:

– Спасибо вам. Вы побудили меня высказаться. И если я пока не могу утверждать, что груз упал с моей души, то смею вас заверить, что он стал не в пример легче, чем прежде.

– Знаете что, Надежда, – сказала я, – теперь, когда вы могли убедиться, что наше с вами общение идет вам на пользу, позвольте мне провести с вами одну процедуру… Собственно, она в вашем случае не так уж и обязательна, просто она поможет ускорить процесс вашего, так сказать, выздоровления… При этом главная цель для меня – научить вас воспринимать себя и свое тело с любовью. – Говоря это, я внимательно наблюдала за Надеждой, по лицу которой становилось ясно, что она готова одобрить любую мою инициативу. – Вы – первая, кому я заранее объясню принцип предстоящего сеанса. Он основан на прямом вмешательстве в ваше подсознание, где как раз и живут все ваши страхи, обиды и затаенные желания. Там я встречусь с вашим Вторым Я – то есть внутренним, настоящим Я, которого никто не может увидеть при обычных обстоятельствах. Видите ли, человеческое сознание всегда создает некоторый барьер, пробиться через который достаточно трудно, а в некоторых случаях и невозможно. И чаще всего я вмешиваюсь в подсознание, не ставя об этом пациента в известность заранее, так как в большинстве случаев вмешательство требуется экстренное. Но с вами – другой случай. У нас с вами сложились доверительные отношения, и потому я считаю своим долгом просить у вас позволения скорректировать вашу психоэмоциональную программу напрямую… Уверяю вас, никаких неприятных ощущений у вас после этой процедуры не останется.

Она некоторое время думала, свесив голову набок и потирая подбородок. Я заметила, что она уже и не вспоминает о куреве… Наконец она осведомилась:

– Скажите, а что я буду чувствовать при этой… ээ… как вы сказали, процедуре?

– Все будет происходить с вами как будто во сне, – объяснила я. – Однако, «проснувшись», вы не будете помнить того, что было с вами. Уж так устроено подсознание… Но при этом вы сразу почувствуете, как изменился ваш эмоциональный фон и как много ненужного груза сбросила с себя ваша личность. Не бойтесь, Надежда. – Я ободряюще улыбнулась. – Я – ваш друг, и мне вы можете полностью доверять. Кроме того, я вас очень

уважаю, и постараюсь приложить все усилия к тому, чтобы вы стали как раз таким человеком. Каким задумал вас Бог…

– Ну хорошо! – решительно встряхнула Надежда своими короткими кудрями. – Я согласна! Приступайте, Анна Сергеевна.

– Расслабьтесь… – произнесла я монотонным, «гипнотическим» голосом, – смотрите мне в глаза…

Вход в ее подсознание открылся мне практически сразу. Лишь долю секунды заняло прохождение черного тоннеля с проносящимися серебристыми искрами – и вот я уже там…

Средоточие Надежды Дуровой оказалось похоже на палату для буйных в средневековом Бедламе. Маленькое темное помещение без двери, с маленьким окошком под самым потолком, стены которого обиты мягким материалом. Стучи не стучи, кричи не кричи, никуда не достучишься и не докричишься. Эго Надежды, как я и предполагала, имело вид заплаканной девочки, одетой в пышное белое платье, длинные рукава которого были связаны за спиной, превращая красивый бальный наряд в смирительную рубашку.

«Ах, ты, какая пакость!» – сказала я себе и ногтями и зубами принялась распутывать хитрый узел. Именно из этой затхлой темноты и неволи Надежда Дурова и рвалась наружу всей душой. Тут не только мужиком, крокодилом стать захочешь. Узел поддавался моим усилиям плохо, ногти обламывались, а зубы просто соскальзывали с плотной и гладкой ткани. Вот тут я, возможно, в первый раз за все время, пожалела, что не ношу с собой на поясе ничего режуще-колющего – рыцарского кинжала там или ножевидного штыка к супермосину, который с легкостью разрезал бы мерзкую ткань. Такими украшениями обзавелись все, кроме меня, даже скромница Яна носила на пояске оправленные в серебро ножны с бритвенно острым ножом – просто так, «на всякий случай». Яна говорила, что на этом настоял Ув, а она, как будущая жена, обязана слушаться своего будущего мужа. Прежде я считала, что все это тлетворное влияние окружающих нас мужиков, в первую очередь Сергея Сергеевича, который без своего волшебного меча и атомной базуки и из дому-то не выйдет, и что это самое «всякий случай» никогда не наступит. И вот – какое жестокое разочарование… Случай наступил, а ножа у меня нет.

– Анна Сергеевна, Анна Сергеевна, – услышала я звенящий от волнения голов Яны, почему-то вместе со мной оказавшейся в средоточии Надежды Дуровой, – я принесла вам нож, возьмите, пожалуйста!

Обернувшись, я увидела Яну в ее обычном белом платье, с распущенными по плечам светлыми волосами, поверх которых лежал так подходящий к ее глазам венок из васильков. Взяв из ее

руки нож, я двумя взмахами острейшего лезвия располосовала упрямую ткань, после чего, не глядя, отбросила неразвязываемый узел куда-то в сторону. По-моему, он исчез, даже не долетая до пола. Но главное заключалось в том, что руки у Надежды оказались освобождены, и она взмахнула ими как птица крыльями.

– Я свободна, свободна, свободна, – воскликнуло Эго Надежды Дуровой, кружась в воображаемом вальсе, – спасибо вам, Анна Сергеевна! – и уже значительно тише спросила: – Это был ангел, да?

Я оглянулась. Яны рядом со мной уже не было, и ее нож тоже пропал из моих рук. Они ушли, как только в них исчезла надобность, и теперь встретиться со своей воспитанницей я смогу только в реальном мире.

– Да, Надежда, – ответила я, – в какой-то мере это был ангел, а в какой-то мере обыкновенная живая сострадающая человеческая душа, всегда готовая прийти на помощь страдающему ближнему. Яна у нас такая. Она моя лучшая ученица, и я ей горжусь.

– Да, Анна Сергеевна, – сказало Эго, – я все поняла и постараюсь стать такой же свободной, чистой, светлой и доброй, как и ваша лучшая ученица…

Потом Эго оглянулось вокруг и тяжело вздохнуло.

– Руки мои свободны, – сказало оно, – но в этом мало толку. Ведь, не став мужчиной, я никогда не вырвусь из этой тюрьмы, в которую нас, женщин, определил домострой, повелевший, чтобы мы только хлопотали по хозяйству, рожали детей и молились…

– Ерунда! – сказала я как отрезала. – Если ты отправишься с нами, тебе никогда не придется делать то, что тебе не нравится. Перед тобой откроются все миры разом. Если ты пойдешь вниз по течению времени, то сможешь побеседовать с ученейшим Прокопием Кесарийским и мудрейшим Нарзесом, встретиться с самим Александром Невским, а также испросить благословения у первого русского патриарха Иова. И это не говоря уже об встрече с эллинской богиней Артемидой, которая служит у нас в разведывательном батальоне. А если ты вместе с нами пойдешь наверх – туда куда мы и стремимся – то сама сможешь наблюдать, как с каждым новым миром жизнь все больше приближается к твоему идеалу. Чем дальше в будущее, тем сильнее и свободнее становятся женщины и тем слабее и зависимей от обстоятельств (к сожалению), становятся мужчины. Идем!

В этот момент я почувствовала в себе силы, способные разверзать землю и осушать моря, и поэтому, взмахнув рукой, преобразила темную камеру в бедламе в чистую и светлую

однокомнатную квартиру, явно принадлежащую одинокой, самостоятельной и трезво мыслящей девушке среднего достатка с хорошим образованием.

– Ой! – сказало Эго Надежды, прижав ладони к щекам. – Что это, Анна Сергеевна?

– Это, – ответила я, – твоя будущая жизнь – у нас, в двадцать первом веке, так что привыкай. Этаж, конечно, …надцатый, у вас даже колокольни ниже строят, но стекла тут небьющиеся, так что смотреть наружу можешь без опаски. Сначала будет страшно, потом пройдет. Ты хотела свободы – вот она тебе, наслаждайся. И для этого совсем не надо превращаться в мужчину, тут перед тобой и так открыты все дороги. Ну ладно, я пошла, встретимся в реальном мире.

– Спасибо, Анна Сергеевна, – с достоинством поклонилось мне Эго Надежды, – за то, что вы для меня сделали. Я, конечно, еще буду думать, но, быть может, мне и в самом деле лучше оставаться женщиной, если у вас там в будущем с этим все так хорошо…

Четыреста шестьдесят шестой день в мире Содома. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Идея свести Кутузова и Наполеона в одном месте, так сказать, для очной ставки, возникла у меня не сразу. Но другого выхода не было. Ведь цель всей операции в 1812 году – не только переиграть Бородинскую битву, не только помочь нашим отразить нашествие и выиграть русско-французскую войну, но и изменить к лучшему всю траекторию развития этого мира. Чем в нашей истории закончились наполеоновские войны? Бонапарт потерпел окончательное поражение, но остался величайшим французским героем, вроде Жанны д`Арк, а посему был отравлен англичанами во время нахождения в ссылке на острове Святой Елены. Европа (на тот момент ключевой регион планеты) после его смерти погрязла в священном союзе России, Австрии и Пруссии, вызвавшего тридцатилетнюю политическую стагнацию, во время которой нараставшие политические и социальные противоречия заметались под ковер.

Пока континентальная Европа стагнировала и лучилась самодовольством, Британия трудолюбиво строила свою «империю, над которой никогда не заходит солнце». Кончилось все серией буржуазных революций, прокатившейся по Европе из края в край; и после их подавления стало понятно, что так жить больше нельзя. Для России, где застой принял и вовсе крайние формы, сопровождавшиеся разгулом коррупции и казнокрадства,

все кончилось позорнейшей Крымской войной. Священный союз священным союзом, но никто даже не собирался всерьез учитывать интересы диких московитских варваров. Сдерживание России придумали совсем не в двадцать первом веке, и неудивительно, что на спасение уже почти разгромленных турок были брошены лучшие силы прогрессивного человечества.

Проблема в том, что русская армия и система государственного управления в силу длительной стагнации оказались ничуть не лучше турецких. Результатом этого явилось поражение, нанесенное не численно превосходящими ордами и не качественно превосходящим оружием, а всего лишь более организованным и тактически грамотным противником. Войска, которые с легкостью громили турок, были разгромлены англичанами, французами и сардинцами, в результате чего почти на сто лет (до самого штурма Берлина) в российском сознании установилось устойчивое мнение о том, что все русское по сравнению с европейским является отсталым и второсортным. И это главный итог того, чего мы собираемся избежать.

Наполеон должен остаться на политической арене (а иначе кто будет сдерживать британцев и отчасти австрийцев); и это притом, что он поймет, что нападение на Россию – это война, которую невозможно выиграть. России тоже предстоит понять, что продолжение прежней крепостнической внутренней политики не приведет ни к чему хорошему, а только к задержке в развитии производительных сил и формирования производственных отношений, последствием чего будет экспортно-ориентированная структура экономики, причем экспортироваться будут не нефть, газ и алюминий в чушках, а хлеб. Вывозить его будут несмотря ни на что, даже в случае голода у себя дома и даже если конечный покупатель будет представлять страну-агрессора, напавшую на Россию.

Вот я и собрал на саммит во главе с собой Кутузова (который, хоть и ничего не решает, но умный человек и патриот России), а также Наполеона (который умен особым узким тактическим умом, хотя очень многое может решить). А помимо всего прочего, ему совсем не хочется в изгнание в какой-нибудь необитаемый мир, а хочется еще раз проявить себя во всем блеске славы.

– Итак, господа, – сказал я, гладя на собеседников, – игра сделана, Россия от нашествия двунадесяти языков спасена, и пришло время подбить счета. Вот вы, месье Буонопарте, – перешел я на латынь, – каким местом думали перед тем, как начинать этот поход? Вы что думали, возьмете вы Москву, и вам сразу вынесут ключи от Московского царства на золотом блюдечке с голубой каемочкой? Неужто Египетский поход не

научил Вас той простой мысли, что главное – не захватить территорию, а удержать уже захваченное? А ведь мы, русские, даром что бледнолицые – такие же дикари, как и египтяне, только местами еще хлеще. Ну да ладно; подумайте о том, что будет без вас с вашей милой Францией. Быть может, на престол снова вернутся Бурбоны (скорее всего), быть может, возродится Республика во главе с новыми якобинцами (а вот это вряд ли), но только не надейтесь на то, что вашим наследником станет ваш сын Франсуа. Как только станет известно о вашем поражении, мать увезет его в Вену к деду, австрийскому императору, где из него постараются сделать настоящего австрияка. Мальчик будет сопротивляться этим поползновениям изо всех своих слабых сил, и эта борьба закончится его ранней смертью в возрасте двадцати одного года. По одним данным, он умрет от туберкулеза, по другим, от нехорошей болезни, которой его заразим итальянская певичка с бурным темпераментом, подсунутая вашему сыну Меттернихом. А ваша так называемая жена уедет в Парму, правительницей которой ее назначит австрийский император, и все это время даже не пожелает и знать о сыне, видя в нем лишь ваше продолжение. В ваше отсутствие ее ум будет занят только бесчисленными фаворитами и тем, как бы заполучить достоверное известие о вашей смерти – с тем, чтобы выйти за одного из них замуж… Вот так жениться на женщине, которая ненавидит вас всеми фибрами своей души и соглашается на брак только под давлением неумолимых обстоятельств…

Закончив с Наполеоном, который после моих слов молча переживал моральное Ватерлоо, я повернулся к Кутузову и заговорил уже по-русски:

– А вы, Михаил Илларионович, подумали о том, что будет после этой победы? Ведь как только в Европе станет известно, что Наполеон разгромлен и находится в плену, к России сразу набежит такое количество союзников, что станет не продохнуть; и в первых рядах будут Австрия и Пруссия – то есть такие друзья, с которыми и никаких врагов не надо. Зацелуют, исслюнявят, будут душить в объятьях и жалеть, что не до смерти. Потом – победоносный марш на Париж, реставрация Бурбонов… и назад, к своим городам и весям. Но только позвольте вас спросить – нахрена нам, русским, сдались эти Бурбоны, когда они были нам друзьями и зачем потребовалось убивать льва, чтобы на его месте развелась целая стая шакалов?

– Господин Серегин, – ответил Кутузов, – только не надо меня убеждать. Я и сам не особо большой охотник ходить в Европу с походами и прекрасно понимаю, что из себя представляют пруссаки, а что австрийцы. Но это вы, как государь самовластный,

над которым есть только один Бог, а более никого, можете вертать свою армию куда захотите и никто вам не указ. Я же всего лишь генерал от инфантерии, а не царь-государь, а потому вынужден повиноваться приказам из Санкт-Петербурга. Как государь-император Александр Павлович решит, так оно и будет, а он зело на Бонапартия обижен, особенно за последнюю его каверзу с вторжением вглубь России…

– Один пиит, – сказал я, – который сейчас еще бегает в коротких штанишках, в скором времени напишет об Александре Павловиче вот такие строки*:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?
Но Бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь главой царей….

Примечание авторов: * *десятая глава из Евгения Онегина.*

– Вот это точно, – прищурил Кутузов свой единственный глаз, – государь-император Александр Павлович у вашего пиита получился как живой. Я, конечно, не хочу умалить ваших возможностей, но они никак не отменяют того обстоятельства, что именно русскому царю царей теперь решать, что будет дальше с Европой…

– Уважаемый Михаил Илларионович, – ответил я, пожав плечами, – ведь это сегодня Александр Павлович является всероссийским императором и, может быть, будет им завтра; а о том, что будет послезавтра, ведает лишь Бог. Тот самый Бог, который отдал мне ваш мир для исправления и вразумления. И можете не беспокоиться – никакого цареубийства, как при устранении Петра Третьего и Павла Первого, не будет. Это я вам гарантирую. Я уже не раз свергал с престола разного рода государей и правителей, и все они оставались живы и здравствуют до сих пор, при этом даже пользуясь относительной свободой. Просто появятся вдруг на темной стене опочивальни

огненные слова «Мене текел фарес», или мой юный помощник наложит на Александра Павловича заклинание «мук совести», или, на самый крайний случай, однажды поутру Александра Павловича просто не найдут в своей опочивальне… В любом случае, если мы хотим изменить пути этого мира к лучшему, на российском престоле должен очутиться более вменяемый персонаж. После длительных размышлений я остановился на персоне юного Николая Павловича. А вот чтобы юный царь сгоряча не наломал дров и чтобы его не обсели разного рода сладкоголосые нечистоплотные люди, вам предлагается место его наставника и Великого Канцлера. Николай Павлович – юноша многообещающий, но неопытный и увлекающийся разными внешними проявлениями вещей, поэтому при нем необходим такой мудрый и многоопытный человек как вы. Здоровья, чтобы вам хватило дотянуть и до столетнего юбилея, мы вам обеспечим, так что решайтесь, Михаил Илларионович…

Внимательно меня выслушав, Кутузов задумался, не говоря ни «да», ни «нет», но как раз в этот момент заговорил Наполеон Бонапарт, для которого энергооболочка давала синхронный перевод на латынь.

– Так, значит, месье Сергий, – сказал император французов, – вы действительно не собираетесь требовать моего отречения или каким-то другим способом свергать меня с французского престола?

– Разумеется, не собираюсь, – ответил я, – да и зачем? Моя задача – сделать так, чтобы вы, месье Буонопарте, поняв бесперспективность этого занятия, никогда больше не пытались нападать на Россию. Если вы согласны на это простое правило, то мы можем разделить Европу и весь мир на две половины, и русские с французами будут являться его совладельцами. Вопрос, понимаешь, только в том, как обеспечить чистоту эксперимента, чтобы ни одна из сторон не возжелала нарушить его правила. Если это удастся, то тогда все остальные, включая заносчивых британцев, могут катиться к дьяволу, потому что их время ушло.

– Месье Сергий тоже не любит британцев? – понимающим тоном спросил Наполеон.

– Не то слово, месье Буонопарте, – ответил я, – меркантильные, беспринципные, не держащие своего слова люди не нравятся никому, но сейчас это не предмет обсуждения. Сейчас мы говорим о русско-французских отношениях, в которых пока что тоже не все ладно…

– Я вас понял, месье Сергий, – кивнул Бонапарт, – но должен сказать, что эти неурядицы возникли отнюдь не по моей вине. Пять лет назад я уже побеждал русского императора Александра,

и, не вторгаясь на территорию России, учинил с ним мир в городе Тильзите на реке Неман, но, к моему сожалению, условия того соглашения были грубо нарушены, в результате чего я был вынужден начать против него новую кампанию…

– Франция, – сказал я, – продает в Россию одни предметы роскоши и почти не дает товаров машинной выделки, остро необходимых русскому хозяйству. Кроме того, вы не закупаете в нужных количествах хлеб, пеньку, лен и корабельный лес – то есть все то, что является предметом традиционного русского экспорта в Англию. Если всерьез придерживаться вашей программы, то русская казна перестанет пополняться пошлинами и налогами, разорятся многие купцы и заводчики и целые области придут в запустение. И это факт. Ваша континентальная блокада, конечно, создала британцам некоторые затруднения, но она также вызвала ненависть к вашей империи со стороны многих европейцев, а также подстегнула контрабандную торговлю. В некоторых случаях контрабанда идет буквально на государственном уровне, потому что королям и герцогам тоже хочется кушать. Дальше понимайте сами, стоит метаться и ремонтировать эту протекающую во всех местах плотину или попробовать вместо Континентальной блокады придумать что-нибудь более эффективное…

– Месье Сергий, – угрюмо спросил Бонапарт, – если вы предлагаете нам померяться силами с британским флотом, то должен вам сообщить, что это мы уже пробовали и были разбиты…

– Значит, плохо пробовали, – ответил я. – Вот старики римляне, являясь сугубо сухопутной державой, схлестнувшись с карфагенской талассократией, поначалу тоже терпели на море одни поражения. Но потом они, упрямцы такие, примерились, поднабрались опыта и разнесли этот Карфаген к чертям собачьим в пух и прах… Воевать с Британией на море очень даже можно, особенно если иметь определенную решимость и готовность использовать для победы любые методы. Тут главное – настойчивость и упрямство… Затоптать все возможные очаги сопротивления в тылу, наладить дружеские отношения с Россией, и все силы вложить в строительство флота, который смог бы преодолеть Ламанш и высадить десант на британском берегу. Последнее усилие. Все для фронта, все для победы.

Бонапарт посмотрел на меня и вздохнул.

– И все же, месье Сергий, – сказал он, – я сомневаюсь, что задуманное вами удастся осуществить. Причем сомневаюсь не только в том, что у нас получится победить британцев на море. Возможно, вы правы и при надлежащем упрямстве с это вполне

возможно. Сомневаюсь я и в том, что даже с вашей помощью удастся договориться о надежном мире с Россией. Ибо те, с кем можно договариваться и кто честно держит слово, ничего не решают, а тот, кто решает – с тем договариваться бессмысленно, потому, что он не держит своего слова. Конечно, лучше быть императором Франции, чем вашим пленником, но все же, как человек чести, я не хотел бы давать вам невыполнимых обещаний, потому что я ввязываюсь в бой только в том случае, если уверен, что имею шанс в нем победить…

– А вы, Михаил Илларионович, что, скажете? – спросил я, повернувшись к Кутузову.

Старый лис Севера посмотрел на меня своим одним глазом и угрюмо проворчал:

– А что я вам, Сергей Сергеевич, могу сказать? Вот если вдруг государь-император Александр Павлович сам по доброй воле решит отречься от престола, оставив его младшему брату – в таком случае я, конечно, соглашусь быть и Наставником, и Великим канцлером, и всем кем захотите. Но это только если по доброй воле и без всякого насилия. А в остальных случаях я пас. Это вы как самовластный государь можете тут рассуждать с Бонапартием о том, плохой Александр Павлович царь или хороший, а я не могу, ибо это есть измена, мятеж и потрясение основ. Вы уж извините старика, если что, но я тут пас…

– Хорошо, господа, – сказал я, – я вас понял и мы продолжим этот разговор позже, когда прояснятся смущающие вас обстоятельства. Как я понимаю, после битвы вы, Михайло Илларионович, отослали в столицу гонца с донесением?

– Отослал, – кивнул Кутузов, – и сейчас он как раз должен подъезжать к Петербургу. Ответ государя с указаниями по поводу дальнейших действий в кампании поступит дней через пять… или поболее, если Александр Павлович не найдет сразу что ответить, уж больно необычные обстоятельства вы тут учинили. Распишут ему все в цветах и красках, а он человек такой, мнительный.

– Ну, вот и отлично, – сказал я, – значит, мы снова встретимся после того, как гонец привезет вам ответ. Хотя я не исключаю, что царь Александр лично явится в лагерь вашей армии, чтобы посмотреть на такую диковинку, как явившийся неизвестно откуда Артанский князь, и провести с ним переговоры.

– Да, – подтвердил Кутузов, – может быть и так, как вы говорите. Как смолкает гром пушек, государь-император Александр Павлович тут как тут. В таком случае вам самолично придется вести с ним переговоры, а вот о чем, это уже вам решать. Но только тогда это случится – недели через две или

поболее… С курьерской скоростью на перекладных императоры не ездят.

– Тогда быть посему, – сказал я, вставая. – Александра Павловича я возьму на себя, а потом мы все втроем снова поговорим по поводу вновь открывшихся обстоятельств.

Четыреста шестьдесят седьмой день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

В эту ночь мне опять снилась всякая чушь, как в тот первый раз, перед тем как я стал Богом Войны. В моей голове опять был митинг за все хорошее против всего плохого, и расшалившиеся мысли грозили то ли шведам, то ли Князю Тьмы, то ли коллективной «англичанке», которая только и делает что гадит. К тому же одни из этих мыслей были на русском, хотя и несколько архаичном, языке, другие же изъяснялись на чистой французской мове… И уже просыпаясь, я догадался, что происходит. Это же Мобилизация, то есть Призыв. Доигрался… Это до находящихся у меня в Тридесятом царстве русских и французских солдат и офицеров наконец дошел трубный глас, возвещающий им благую весть, что поблизости находится настоящий великий полководец, который поведет их в походы, прославит их имена и прочая, прочая, прочая.

А русских солдат вдобавок обуревало желание сплотиться вокруг меня, выставив штыки по фронту, потому что они видят во мне защитника земли русской, от самого своего возникновения находившейся в конце фронтов. Казалось, только вчера мы отражали безумное аварское нашествие на земли антов, скакали в степи кони, жарким пламенем горели мирные веси поселян. И, самое главное, под ярким солнцем, на фоне клубов дыма, трепетало наше священное алое знамя, под которое потом волей или неволей вставали славяне, булгары и даже заносчивые и гордые офицеры византийского флота, опускаясь на одно колено, приносили присягу на Верность. С тех пор прошло больше тысячи лет, а кони по-прежнему скачут и селения по-прежнему горят… Так было, так есть и так будет.

Всегда будут существовать орды захватчиков, желающие себе наших богатств, наших женщин, наших пашен и нефтяных месторождений, и всегда будут защитники земли русской, которые встают на их пути. А защитникам нужен вождь, этакий коллективный Суворов, Кутузов, Скобелев, Буденный или Жуков, чтобы повести их за собой на врага… Кстати, я приказал без скидок на чины повесить всех французских солдат и офицеров, которые принимали участие в разграблении и поджоге Колоцкого

монастыря. Так они теперь там и висят в назидание остальным, кто еще, может быть, сумел ускользнуть от наших нежных объятий. Война теперь пошла по-другому, и поджигателей, насильников, грабителей и мародеров на ней будут вешать неукоснительно. Это моя земля и мой народ; и любого, кто их обидит, ждет справедливое возмездие.

Но отвлечемся от абстрактного. Поняв, что меня ждет нечто, сравнимое только с моим первым днем в божественной должности, я быстренько умылся, оделся по форме и, затянув портупею с мечом и пистолетом, вышел на крыльцо Башни Силы. Знаменная группа во главе с Агнией тут как тут, священный алый шелк освящает своим сиянием волнующееся море голов. Следом за мной на крыльцо выходит Елизавета Дмитриевна, одетая не в пышный наряд знатной дамы, а в свою штурм-капитанскую форму, а уже следом за ней – рослая кормилица и в то же время нянька несет на руках его полугодовалое высочество Сергея Сергеевича Младшего. Только я знаю, сколько волевых усилий моя супруга приложила к тому, чтобы после беременности и родов войти в свои прежние берега, но зато теперь видно, что это ей вполне удалось. При нашем появлении площадь разражается торжествующими приветственными воплями, будто к толпе фанатов вышла долгожданная поп-звезда.

Сначала, после первого беглого взгляда, мне показалось, что я до трусов раздел и Бонапарта и Александра, но сейчас вижу, что дело совсем не так плохо. Во-первых – из Старой и Молодой гвардии ко мне перешли только самые лучшие, идеалисты, которые еще несли в своих сердцах идеалы свободы, равенства и братства. Элита элит (впрочем, уже не нужная Франции, за исключением судьбы пушечного мяса), они кричали мне «Вива ле Император!», имея в виду идеал справедливого социального устройства, который я тоже несу вместе с собой в мир. Их так мало, что от их ухода армия Бонапарта совсем не ослабеет. Во-вторых – они и так бы погибли в ближайших боях, и беру я их к себе если не с радостью, то с чувством глубокого морального удовлетворения.

С русскими солдатами и офицерами значительно сложнее. Почти вся площадь Фонтана заполнена людьми в зеленых мундирах и больничных халатах. Они молча стоят под палящим солнцем и ждут моего слова. Сколько их тут – двадцать тысяч, тридцать, сорок, или все, кто попал сюда на излечение? В любом случае, столько народу одновременно в Единство прежде не вступало. Имею ли я право принять их службу, разорвав тем самых отношения этих людей с существующей в 1812 году Российской империей и правящим императором Александром

Павловичем? Думаю, что имею. Во-первых – потому что так хощет Бог, который поручил мне работу врачевать язвы этого мира. И это желание, будучи высказанным, не нуждается в объяснениях. Во-вторых – большинство из тех, кто стоит на этой площади, без волшебной живой воды и магических услуг Лилии загнулись бы так же верно, как умирает курица, у которой отрезали голову. А в-третьих – это моя плата за помощь в трудной ситуации, за не разграбленный Кремль и не сожженную Москву. Тем более что эти люди пришли ко мне добровольно, пожелав присоединиться в дальнейшем походе по мирам. Некоторые, включая женатых офицеров, готовы взять с собой семей и свой скарб, другие в самом прямом смысле готовы отряхнуть прах этого мира со своих ног. Как там писал поэт: «Он хату оставил, ушел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Идеалисты, млять! Но, быть может, декабризм в этом мире зачахнет на корню, потому что самые безбашенные ушли с Артанским князем в другие миры? И не будет картечных залпов на Сенатской пощади, и генерал Милорадович, герой этой битвы, не падет, получив пистолетную пулю в спину. Помнится, для него было очень важно, что в него стрелял не простой русский мужик из солдатского ружья, а офицер из пистоля. Останься он жив, не было бы такого, что раненых картечью солдат из мятежных полков полицейские крючьями сволакивали на невский лед и топили в прорубях. Это офицеры подлежали суду и, быть может, виселице, а с серой солдатской скотинкой и вовсе никто не считался. Впрочем, если бы победила противная сторона, все было бы точно так же. Не ради народа затевался тот переворот, а ради военных авантюр военных-аристократов и прибылей нарождающейся буржуазии. Не плачьте по Пестелю и Рылееву, они не только разбудили Герцена (кому мешало, что человек спал?), но и напугали всходящего на трон императора Николая, который, посмотрев на танцы умников с бубнами на Невском льду, решил, что «умные нам не надобны, надобны верные».

Ну да и пес с ними, с декабристами, без них в том мире 1812 года будет спокойнее; а тут я вытаскиваю из ножен свой меч и вздымаю его вверх, навстречу солнцу – и клинок загорается ровным бело-голубым светом.

– Знайте, – торжественно произношу я клятву, адаптированную под почти чисто русский контингент новобранцев, – что я – это вы, а вы – это я, и я клянусь убить любого, кто скажет, что вы все вместе и по отдельности не равны мне, а я не равен вам. Я клянусь убить любого, кто попробует причинить вам даже малейшее зло, потому что вы – это я, а я – это вы, и вместе мы сила, а по отдельности мы ничто. На этом

священном знамени, омытом в крови героев, я клянусь в верности вам и спрашиваю – готовы ли вы поклясться в ответ своей верностью мне и нашему общему делу защиты России от любого врага, кем бы он ни был?

По мере того как я говорил, меч наливается таким ярким сиянием, что на него уже больно было смотреть. Договорив клятву, я левой рукой взял край знамени 119-го стрелкового полка и приложился губами к теплому алому шелку. Одним словом, все как в тот день, когда наше единство только создавалось и мы с будущими бойцыцами будущего кавалерийского корпуса приносили друг другу встречные клятвы.

– Клянемся, клянемся, клянемся!, – так же, как и тогда троекратно выдохнула площадь, и меч, вспыхнувший как фотовспышка, а также гром в небесах подтвердили, что наша взаимная клятва подтверждена и зафиксирована в небесной канцелярии. А еще это значило, что численность моей армии почти удвоилась, и теперь передо мной встают новые цели и задачи. В первую очередь мне нужно хоть как-то организовать своих новобранцев, ведь без организации они просто толпа, или даже, хуже того, банда. По счастью, среди моих новобранцев не только рядовой состав, отнюдь не только рядовой. С русской стороны ко мне пришли почти все раненые в этом сражении генералы: оба Тучковых, Неверовский, Воронцов и, самое главное, Багратион; а от французов тут у меня Ней и Мюрат, самые именитые, прославленные и отважные маршалы Наполеонуса Бонапартия…

Вон он стоит в сторонке, сложив на груди руки и кусая в волнении губы. Его гвардейцы (пусть далеко не все, а только лучшие из лучших) кричат: «Да здравствует Император!», и этот император – совсем не он. Впрочем, одного из этих двух маршалов, перешедших на мою сторону, я оставлю в этом мире на правах моего уполномоченного, облеченного доверием принимать критически важные решения. Мне кажется, что лучше на эту роль подойдет Ней, ибо Мюрат морально неустойчив и обычно колеблется вместе с внешними обстоятельствами. Но сначала надо решить с русскими, потому что они мне родные и их тут большинство…

Тяну за невидимые ниточки, и из толпы ко мне начинают проталкиваться люди… В первых рядах – Багратион, братья Тучковы, Воронцов, Неверовский, герои кровавого рубилова за Багратионовы флеши, почти все оставшиеся в живых благодаря моему вмешательству в ход событий. Но сейчас не время разводить лишние политесы.

– Петр Иванович, принимайте армию, – по-простому говорю я

подошедшему Багратиону, кивая на собравшийся на площади народ, – пока это будет запасное соединение, ибо ваши люди не обучены нашим методам войны, а кое-кому надо будет банально долечиться, но все это временно. Неделя на отдых и долечивание, а потом мы с вами начнем настоящие тренировки. А сейчас первая ваша задача – разбить новобранцев на полки и дивизии, поставить на довольствие и разместить. Размещайте людей по возможности в городе, но если не хватит места, то можно и в полевом лагере за его пределами. Мой штаб прямо перед вами. Его начальник – полковник Половцев, мой заместитель по тыловому обеспечению – полковник Тахтаев. По материальному довольствию – это к ним, скажите, я распорядился. Ваши помощники стоят тут же, вы вместе дрались с Бонапартием, вместе будете создавать и новую армию…

Немного помолчав, Багратион ответил с довольно сильным грузинским акцентом.

– Вы думаете, – сказал он, – что нам больше никогда не придется воевать в нашем собственном мире?

– Думаю, что не придется, – ответил я, – тут война кончилась, и начались дипломатические политесы. Вот когда мы их закончим и обеспечим вашим соплеменниками счастливое светлое будущее, тогда двинемся дальше. А там воюют совсем по-другому, чем здесь, и именно к этой войне мы вас и будем готовить. Но это все ерунда; ваши люди хотя бы представляют себе, что такое пушечно-ружейный огонь и то, какие раны может нанести пуля. И еще, когда будете готовить штат, то приготовьтесь, что от четверти до половины состава в ваших подразделениях будут составлять совсем уж дикие рекруты. Ну да ладно, что я вас учу, вы многое и сами себе представляете не хуже меня. Одним словом, приступайте, если что понадобится – мой кабинет на втором этаже, а мне сейчас требуется срочно подумать над вопросом, что нам уготовил Отче Наш, если дает в руки такую силу, как ваша армия…

Часть 35

13 (1) сентября 1812 год Р.Х., день шестой, утро. Смоленская губерния, село Ивашково в окрестностях Гжатска.

Командир партизанского отряда подполковник Денис Васильевич Давыдов.

В село Ивашково мой отряд ворвался сегодня утром, на рассвете. При первых же выстрелах, по большей части произведенных в воздух, французские фуражиры, ночевавшие в крестьянских домах, в одном исподнем порскнули во все стороны, будто стая зайцев. И смех и грех, честное слово; не хватало только своры борзых, которых можно было бы спустить на сие храброе воинство. Кого смогли, наши казаки догнали и, накинув на шею аркан, привели обратно, но остальные окарачь удирали к опушке леса с таким увлечением, что ловить их по кустам и буеракам, особенно верхами, не представлялось никакой возможности.

А все дело в том, что местные мужики, увидавшие, что наша берет, похватали попавшиеся под руки вилы и дубье и присоединились к забаве. Видимо, французы успели разозлить их преизрядно. Ведь только по-французски слово фуражир звучит красиво, а по-русски оно означает вора-грабителя, который пришел в дом, чтобы именем своего императора Бонапартия забрать оттуда последнее. И в самом деле – во дворах и на единственной деревенской улице уже стояли возы, полные всяческого добра, отобранного у поселян или награбленного в местной помещичьей усадьбе. А разозленные мужики с дубинами будут пострашнее, чем господа гусары или даже казаки. Мы хоть пленных берем по всем правилам, а мужики к этому не особо охочи. Грабителей своими дубинами они бьют обычно до смерти, так, чтобы другим было неповадно. Увидев, что большая часть французов убежала, а меньшая попалась в наш плен, мужики бросили охоту за иноземными захватчиками и принялись кланяться и благодарить нас за освобождение от напасти. Но на этом история не закончилась.

Некоторое время спустя в лесу – там, куда убежали полуголые французские фуражиры – раздалось несколько резких, как щелчки кнута, ружейных выстрелов; и французы, сверкая пятками, побежали из леса обратно, да так бодро, как будто за ними гналась целая тысяча чертей. Стало, знаете ли, прелюбопытно, кого еще могли так испугаться «доблестные» солдаты Великой армии, что встрече с ними предпочли русский

плен? Спустя какое-то время на опушке леса, откуда подобно ошпаренным тараканам выскочили сбежавшие от нас французы, показалась цепь вооруженных ружьями солдат, демонстрировавших все повадки заправских егерей, которые из-за своих невзрачных мундиров цвета пожухлой травы казались частью этого самого леса. Не то что мы, бравые гусары в шитых золотом мундирах, которых и видать, и слыхать издалека. Вышедшие из леса егеря как бы неспешно и с ленцой направились в сторону деревни, держа ружья с опущенными стволами на сгибе локтя левой руки, а следом за ними из леса вышли… кони при полной амуниции с вдетыми на свое место пиками; они быстро догнали егерей, и те, как один, ловко, на ходу и не ломая строя, впрыгнули в седла. Ну вот только что была редкая пешая цепь и идущие за нею сами по себе лошади – закрыл-открыл глаза, а они, уже конные, так же неспешно цепью едут в нашем направлении, отпустив повода и заправски управляя конями одними только шенкелями.

– Однако, лихо… – по очереди огладив оба уса, сказал мой заместитель по отряду штаб-ротмистр Ахтырского полка Бедряга.

– Лихо – не то слово, – ответил хорунжий 10-го казачьего Иловайского полка Астахов, – однако, не наша у них повадка, не казачья. И не татарская тож. Но хороши, ничего не скажешь, хороши…

– Однако, Денис Васильевич, – сказал Бедряга, – я не припомню в русской армии подобных мундиров. Уж больно невзрачно. Быть может, это к нам на помощь прислали какое-нибудь ополчение из обывателей?

Штаб-ротмистр гордился своим ярким, шитым золотом гусарским мундиром, и наотрез отказывался менять его на менее приметное обмундирование вроде казачьего чекменя, из-за чего один раз он уже чуть не погиб, когда темные мужики из местного поселянского ополчения едва не перепутали моего дорогого однополчанина с французским офицером.

– Да вы что, Николай Григорьевич, – ответил я, – чтобы обрести такие ловкие повадки, надо, подобно татарам, родиться и вырасти на спине коня и всю жизнь питаться с острия кинжала. Обыватель, или же мужик, только что взятый в ополчение, напротив, сидит на коне как кот на корове, и в седло садится так, будто залезает на бабу…

Тем временем первые из французов, спасавшихся от незнакомцев, добежали до нас, ожидающих на околице деревни и, упав на колени, взмолились, чтобы мы спасли их от ужасных демонов, преследующих их по пятам. Мы с господами офицерами, удивленно переглянулись. Никакой нечистой силы поблизости не

наблюдалось, а те странные солдаты в невзрачных мундирах, которые сейчас приближались к нам верхами, на демонов совсем не походили.

А пленные французы, босые и в одном исподнем (или кто что на себя успел натянуть при внезапной побудке) принялись наперебой жаловаться на свою несчастную судьбу. Мол, шесть дней назад, в ходе битвы в окрестностях Москвы-реки, армию Наполеона наголову разгромили русские войска и пришедшие им на помощь небольшие, но смертоносные отряды демонов, наверное, вырвавшиеся из самого ада. Эти самые демоны, обмундированные так же, как и те конные егеря, что выгнали наших пленных из леса, своей яростию буквально растерзали польский и вестфальский корпуса Великой армии, а остальным французским частям нанесли ужасающие потери. Мол, узнать этих демонов можно сразу по таким вот мундирам, а еще по развевающимся над их отрядами красным знаменам. По словам этих, гм, беглецов, их компания – это последние, кому удалось вырваться из стремительного охвата заколдованных самоходных повозок, завершавших окружение и разгром Великой Армии. Остальные сдались и погибли – и император Бонапартий, и все-все-все…

– Во как, Николай Григорьевич, – по-французски сказал я штаб-ротмистру, – я то думал, что это французские фуражиры, а тут вот оно как… Реквизиции в пользу вражеской армии, конечно, плохи, но они не нарушают законов войны, а вот когда солдат начинает брать что-то для себя, то он превращается в грабителя и мародера. К тому же эти люди нарушили присягу и сбежали с поля боя…

– Нижних чинов, – так же по-французски сказал Бедряга, равнодушно пожав плечами, – повесить, а офицеров, если таковые в этой банде найдутся, расстрелять. Только и всего.

– Смилуйтесь, пощадите и войдите в положение, – наперебой возопили дезертиры и мародеры, – люди мы не местные, оказались тут случайно, а кушать хочется…

– Цыц! – рявкнул на них я, – помолчите, может, и поживете еще немного, а не то прикажу повесить вас немедленно. А то отдам мужикам, а они вас дубьем, дубьем, дубьем, ибо нехрен последнее у людей забирать и девок насильничать…

Тем временем преследовавшие мародеров солдаты в странных мундирах приблизились настолько, что можно было различить лица. Вот один из них привстает на стременах и громко, на вполне понятном русском языке, вопрошает:

– Доброе утро, господа, скажите, нет ли среди вас гусарского подполковника Дениса Давыдова? У нас к нему поручение…

Тут черт меня дернул (а может, и не черт, а совсем наоборот) … Короче, я также привстал в стременах, чтобы казаться повыше, и заорал в ответ:

– Здесь подполковник Денис Давыдов, а ты кто таков и какое у тебя поручение и от кого?

– Старший лейтенант, по-вашему, поручик, Сергей Антонов, – выкрикнул незнакомец, – отдельный разведывательный батальон армии Великой Артании. А поручение у меня к вам от самовластного князя Артанского Сергея Сергеевича Серегина и русского главнокомандующего генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Кутузова.

Я машинально отметил, что, несмотря на вполне русские имя и фамилию, говор у господина Антонова не вполне русский, а звание так и совсем не русское. Старшие лейтенанты в российской империи водятся лишь на флоте, и что им делать тут, в Смоленской губернии, в тысячах верст от ближайшего моря… И как раз в этот момент один из казаков, скучившихся чуть позади нас, привстав в стременах, удивленно присвистнул.

– Е-мое, так это же девки, робяты! – заорал он. – Хранцузы обычных девок забоялись!

Вот те номер, Давыдов. И ведь в самом деле – все остальные солдаты артанской армии, стоящие против нас, кроме того лейтенанта-поручика, являются девками немалой привлекательной силы… Но это не те домашние барышни, которых только вчера обмундировали в незнакомую им форму и посадили верхом на лошадей, а такие дикие штучки, которые и в самом деле родились и выросли в седле коня. И ружья, сейчас закинутые за спину, у них отнюдь не для красоты, как и закрепленные у седла пики с красными флюгерами и длинные палаши. И ведь все равно хороши красотки: строят глазки гусарам, а те уже услышали русскую речь и растаяли… Да мало ли где та Великая Артания, про которую говорил поручик Антонов…

Тронув бока коня шенкелями, я выехал вперед, командир артанцев сделал то же самое. Встретились мы ровно посреди между нашими людьми.

– Ну, здравствуй, подполковник Денис Давыдов, всю жизнь мечтал тебя увидеть, – сказал мой визави, протягивая запечатанный сургучом пакет из плотной бумаги, на котором почерком незнакомого мне писаря было начертано: «Подполковнику гусарского Ахтырского полка Денису Васильевичу Давыдову лично в руки»; и подпись главнокомандующего генерала от инфантерии Кутузова.

Быстро разорвав пакет, я достал записку, несомненно,

писаную Михайло Илларионовичем своей собственной рукой. И там говорилось, что с получением сего послания мой отряд должен действовать совместно с разведывательным батальоном артанской армии, под командованием капитана Коломийцева; и где силой, где хитростью, а где и уговорами приступить к очищению русской земли от войск неприятеля. Остальные сведения мне на словах объяснят господа Коломийцев и Антонов, потому что в противном случае эпистола получится с хороший толстый том пуда на два весом…

Не успел я прийти в себя от такого известия, как вдруг на Старой смоленской дороге (с востока, там, где Можайск) раздалось рычание, будто на свободу выпустили стаю голодных барсов, а потом еще и лязг, который бывает, когда железо трется о железо, жалуясь на свою тяжкую судьбу.

– А это, – сказал поручик Антонов, – основная часть нашего батальона во главе с капитаном Коломийцевым. Отныне, господин подполковник, сам черт вам не брат, а мальчик на побегушках…

14 (2) сентября 1812 год Р.Х., день седьмой, утро. Санкт-Петербург, Каменностровский дворец.

Император Всероссийский Александр Павлович.

Император Александр Павлович, которого великий поэт метко назвал плешивым щеголем и врагом труда, находился в ужасном смятении, в каком обычно оказывается человек, разом сиганувший из огня да в полымя. Еще вчера главной его грозой считался Наполеон Бонапарт с несметными полчищами, подступавший к Москве, в то время как русская армия отступала шаг за шагом, ведя упорные арьергардные бои. И хоть потери французов во много раз превосходили потери русских и перешедшая границу огромная многоязычная орда таяла на глазах, надежды на благополучный исход дела не было почти никакой. Ведь не одна Франция вторглась в Россию со своим Императором, вместе с ней в Россию вторглась и вся Европа. На стороне Наполеона были даже некогда союзные России Пруссия и Австрия, при этом австрийский император Франц Первый даже выдал за Корсиканца свою дочь Марию-Луизу.

С того момента, как стало известно, что французские войска все же перешли границу, Александр Павлович много раз думал о том, что, возможно, этой несчастной войны и не случилось бы, если бы два года назад он согласился с просьбой Наполеона выдать за него замуж свою младшую сестру, пятнадцатилетнюю* Анну Павловну. Он жалел, что не имел в себе мужества настоять на этом браке перед своей матерью Марией Федоровной (Марией-Доротеей Вюртенбергской), которая видела в Наполеоне

Бонапарте выскочку и исчадие революции. Да, его родительница была сурова и упряма, но все-таки главой семьи был именно он, император Александр, и в его воле было решить дело по-своему. Кто знает, пошел бы тогда Наполеон войной на брата своей жены или попытался бы решить накопившиеся вопросы иным образом. Но после того как заговорили пушки, было поздно сожалеть об упущенных возможностях.

Историческая справка: * *По донесению французского посла Коленкура, в пятнадцать лет Анна Павловна была высока ростом для своего возраста и более развита, чем обыкновенно бывает в этой стране, так как, по словам лиц, посещавших двор её матери, она вполне сформирована физически. Рост её, стан – всё указывает на это. У неё прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор её полон доброты. Нрав её тих и, как говорят, очень скромен. Доброте её дают предпочтение перед умом. Она уже умеет держать себя как подобает принцессе и обладает тактом и уверенностью, необходимыми при дворе.*

Месяц назад главнокомандование над русской армией было передано генералу Кутузову, и теперь императору Александру Павловичу оставалось только уповать на Милость Божью и молиться. Что он и делал до исступления, обычно в компании своего давнего друга князя Александра Николаевича Голицына и отставного политика и дипломата, действительного тайного советника Родиона Кошелева, которого православная церковь небезосновательно считала одним из главных российских масонов и источником пагубного влияния на царя*.

Историческая справка: * *архимандрит Фотий много лет спустя писал: «Сей вельможа хитрый, пустосвят, лицемер, придворный ласкатель, прибрав к себе в руки министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына, более всех в своё время сделал вреда и зла церкви православной и духовному сословию».*

Вот и вчера совместные молитвы трех сердечных друзей (император распорядился выделить квартиру Кошелеву тут же во дворце) затянулись чуть не за полночь. И тут сначала со стороны набережной реки Невки послышался стук копыт несущегося во весь опор коня, потом во дворе заметались фонари, послышались крики дворни; и вот по лестнице на третий этаж жилого флигеля, где и располагался кабинет царя Александра Палыча, забухали грубые кавалерийские ботфорты. И вскоре перед позабывшим молитвы царем предстал с ног до головы забрызганный осенней грязью гонец князя Михайлы Илларионовича Кутузова, пять с лишним ден гнавший коней от безвестного доселе сельца

Бородино в Московской губернии. Оказавшись лицом к лицу с монархом, гонец рухнул на одно колено, протянул запечатанный сургучом пакет с посланием Александру Павловичу и возгласил:

– Победа, государь! Москва спасена! Бонапартий полностью разбит, а его армия окружена и пленена вместе со всеми маршалами и самим императором!

Дрожащими руками и со слезами на глазах Александр Палыч принял из рук гонца пакет и громко сказал:

– Эй, слуги, примите и обиходьте гонца, сводите в баньку с дороги, накормите, напоите да спать уложите. И чтоб постелю ему стелили самые красивые дворовые девки. Славную весть привез нам сей воин, за что награда ему непременно воспоследует.

А то как же, ведь и в самом деле весть славная. Не было и гроша, да вдруг алтын; мечтали о том, чтобы разойтись с Бонапартом вничью без поражения, а гонец привозит известие о победе. Да какой победе! Вражья армия разбита и пленена, причем в плен попал и сам Корсиканец вместе со всей своей кровавой сворой из прославленных генералов и маршалов. Значит, не зря молились император и его сотоварищи, а значит, теперь требуется возблагодарить Господа, уже благодарственной молитвой, за оказанную им милость.

Вознеся жаркую благодарственную молитву, император сломал сургучную печать и погрузился в чтение многостраничного донесения, написанного четким почерком штабного писаря, в которого каллиграфия (вот бы нашим врачам такое) была насмерть вбита в ягодицы розгой школьного учителя. Но по мере чтения на чело императора все больше и больше опускалось выражение хмурой задумчивости. Гонец сказал правду, но далеко не всю. Или, может, с его точки зрения мелкопоместного дворянина, взятого в солдаты вольноопределяющимся (а были и такие), главным был как раз разгром Наполеона и пленение его войска, а уж кто и как это сделал, для него являлось второстепенным. А вот главнокомандующий русской армией князь Кутузов писал о событиях, произошедших 26 августа в окрестностях села Бородино, гораздо подробнее и подробности эти для императора Александра Павловича были как острый нож поперек чресел.

А как же иначе. Русская армия оказалась причастной к победе лишь косвенно – да, стояла она стойко и сражалась храбро, но особых успехов не стяжала. Главную роль сыграла неизвестно откуда взявшаяся ив самой середке России армия какой-то там Великой Артании, которая одним могучим фланговым ударом сокрушила боевые порядки французов и поставила их в такое

неловкое положение, что даже военный гений Бонапарта ничего не мог сделать. Невеликие числом, но чрезвычайно хорошо вооруженные и выученные артанские полки хозяйничали на поле боя как хотели, и все атаки французов, хоть в конном, хоть в пешем строю, отбивали с большими потерями для неприятеля. Где же находится эта Великая Артания, не знает никто, потому что такой страны нет ни на одной карте мира.

И самое главное – никому неизвестен и сам артанский самовластный князь Серегин, о котором Кутузов пишет, что он смог бросить в бой один кавалерийский и один полнокровный пехотный корпус и артиллерию, при этом оставив еще какие-то силы невыясненной численности в резерве. Такое не под силу ни одному самозванцу-мистификатору, ибо такие силы частному лицу собрать просто невозможно. Но и это еще далеко не все. Серегин этот, оказывается, тоже не просто так проходил мимо и решил вмешаться в сражение, которое его никак не касалось. Нет, он заявляет, что послан в этот мир Небесным Отцом (читай – Богом-Отцом) исправить многие ошибки, совершенные в том числе и им, императором всероссийским, и действует с его ведома и по поручению. И в доказательство всему этому предъявляет огненный меч архангела Михаила, или чертовски на него похожий. Когда этот меч обнажен над полем боя, у всех сражающихся за правое дело прибавляется сил, а у их противников от слабости подгибаются колени. И в плен Бонапартия вместе с его гвардией захватил именно князь Серегин, и не отдает, держит его при себе. Как только такое станет известно на Руси – бунт может грянуть пострашнее Пугачевского. Под знамена божьего посланца – победителя Наполеона, желающего исправить некие ошибки его, Александра Павловича, царствования – народ сбежится сразу и с радостью. Конечно, можно объявить этого Серегина самозванцем, да только поможет ли сей ход, если этот человек действительно творит чудеса и его армия в самом деле напрочь разгромила войско Бонапартия.

Дождавшись, пока слуги искупают гонца в бане, вычистят его мундир и наскоро накормят ужином, Александр Павлович вызвал солдата к себе и принялся строго его расспрашивать, но ничего нового для себя не узнал. Все сражение сей достойный муж простоял в резерве вдали от основных событий и не видел почти ничего из происходящего на поле битвы.

– Так ведь пойми же, батюшка-царь, – сказал он в конце в сердцах, – те наши воины, что бились в самой гуще у флешей Багратионовых и у сельца Семеновского, к концу битвы, кто жив остался и не был ранен, от усталости едва могли таскать ноги, и

потому к вашему императорскому величеству послали меня свежего да сильного, который мог вскочить на коня и скакать всю ночь и потом весь день… А что там было в самой гуще, я знать не знаю и ведать не ведаю. Знаю только, что мы победили и враг наш полностью разбит и уничтожен.

Да уж, и не возразишь. А может, Кутузов, это хитрейший из хитрейших, которого турки не зря называли Одноглазым Лисом, специально послал такого гонца, который ничего не видел и, следовательно, не сможет разгласить ничего экстраординарного; пакет же при нем так и остался невскрытым, потому что император сам ломал именную сургучную печать князя Кутузова. А это значит, что новой пугачевщины пока ждать не стоит. По крайней мере, до тех пор, пока сам Артанский князь не призовет Русь к топору, что маловероятно. Кутузов в своем послании особо упирал на то, что войско у этого Серегина, хоть и небольшое, но прекрасно вооруженное, обученное и дисциплинированное. А авантюристы, имеющие в руках такую силу, Русь к топору не зовут, нет. Зачем ему бунт, если он и в самом деле самовластный князь со своей армией? Тут не Пугачевым пахнет, а новым Лжедмитрием, претендентом на престол. Договорится с аристократией, предъявит колдовской меч в качестве данных свыше полномочий, один апоплексический удар табакеркой – и трон свободен. Тем более что если его армия внезапно, без чьего-либо ведома, очутилась в самой середке России недалеко от Москвы, кто же может поручиться за то, что она таким же образом не окажется в пределах Санкт-Петербурга, где сейчас совсем нет войск? Так можно уничтожить все семейство императора разом, со всеми его братьями и сестрами*. И при этом не стоит забывать, что это Серегин может и в самом деле оказаться Посланцем Божьим, посланным на грешную землю не для того, чтобы вразумлять и просвещать, а чтобы карать и миловать. Страшно ведь жить, когда не знаешь, чего ждать от жизни в следующий момент.

Примечание авторов: * *Если бы император Александр Павлович мог знать, каким издевательским смехом капитан Серегин ответил бы на предложение хоть немного «поцарствовать» в Российской Империи начала девятнадцатого века, был бы поспокойнее. Но, увы, такое знание было ему пока недоступно, а когда станет доступно – будет бесполезно.*

Утомившись допросом, расстроенный Александр Палыч отослал гонца прочь, да и его сердечные друзья, князь Голицын с Родионом Кошелевым, сильно встревоженные, тоже с позволения царя ушли почивать. Мол, время позднее, монарх не в духе, и вообще, утро вечера мудренее. Лег спать и сам император, но сон

не шел. Было душно и в то же время зябко. В кронах деревьев дворцового парка громко каркали вороны. Над Финским заливом метались отсветы молний, и где-то в отдалении глухо ворчал гром. В голову лезли самые мрачные мысли. То, что еще совсем недавно казалось бредом и мистификацией, сейчас грозило оказаться самой настоящей правдой. Молились о даровании победы? Вот вам победа и все, что к ней прилагается!

Ну, если вспыхнут сейчас на темной стене огненные письмена или же встанет на пороге опочивальни суровый чужеземный князь с огненным мечом – и что тогда? Куда бежать, кому жаловаться и кому молиться в таком случае, если уж само Небо разгневалось на несчастного русского царя?

Но никто не являлся к Александру Павловичу, грозя оружием, и пылающие письмена на стене тоже не загорались. И в конце концов он, измученный предшествующими молениями и прочими переживаниями, забылся коротким кошмарным сном, в котором он, маленький и жалкий, убегал от каких-то кошмарных тварей, похожих на сгустки мрака, которые грозили настигнуть его и разорвать на куски. Проснулся император разбитый, с головной болью и трясущимися руками и ногами. Какое там утро вечера мудренее – в таком состоянии, будто с похмелья, ему было даже хуже, чем тогда, когда он ложился спать.

Что написать в ответном послании, какой приказ дать Кутузову и стоит ли вообще оставлять его главнокомандующим, когда Наполеон уже разгромлен? Слишком уж он хитрый и себе на уме. Если Одноглазый Лис (не столько стратег и тактик, сколько мастер интриги) просчитает обстановку и решит, что держаться Серегина ему удобнее и безопаснее, то он сдаст Александра Павловича Божьему Посланцу в тот же момент со всеми потрохами. Назначить на его место Бенигсена? Пусть он и бесталанная посредственность, зато выполнит любое указание царя, например, приказ внезапно напасть на так называемую артанскую армию, пленить ее предводителя и в цепях привезти в Санкт-Петербург, как самозванца и шарлатана. Правда, при этом не стоит забывать и о том, что от такого приказа могут взбунтоваться армейские офицеры, ибо сие противно законам чести, да и Посланец может оказаться вполне настоящим, в результате чего последствия такого приказа могут выйти воистину ужасными.

Император Александр Павлович прекрасно помнил, как кончили свои дни его папенька Павел Петрович и дед Петр Федорович, и теперь сам опасался того же конца. Ведь все монархи в Российской империи, начиная с Петра Великого и заканчивая им самим, приходили к власти не по закону, а в

результате цареубийств и дворцовых переворотов. «Не стоит говорить ни «да» ни «нет», – вдруг подумал он, – ведь мне совсем ничего не известно. Быть может, следует приказать заложить кареты и, пока не зарядили осенние проливные дожди, самому поехать разобраться со всем на месте. Ведь если тот, кто называет себя артанским князем Серегиным, обычный шарлатан, то он мне ничем не опасен, а если он и в самом деле послан сюда с небес для того, чтобы карать и миловать, то от него не укроешься ни в Петербурге, ни даже на Камчатке. Так что ехать к армии надо непременно. Для начала можно объявить, что император лично собирается наградить героев, одолевших супостата, а там, на месте, дальше будет видно. В конце концов, если когда-то у него получилось договориться с Бонапартием, так, может, теперь получится заключить договор и с Артанским князем – чай, он будет не страшнее Корсиканского Чудовища…

Четыреста семидесятый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Сегодня уже неделя, как мы хулиганим в мире тысяча восемьсот двенадцатого года, и можно подводить первые итоги и смотреть, что у нас в сухом остатке. А в остатке пока только разгром Наполеона, пленение его армии и пополнение моего собственного войска новыми рекрутами, что хорошо, но совершенно недостаточно. Стоит нам уйти, оставив дела в таком положении, в каком они находятся сейчас – все моментально вернется на круги своя. Наполеона, если мы его отпустим, как-нибудь добьют, в Париже реставрируют Бурбонов, Александр Павлович закрутит свою прежнюю кадриль с прусаками, австрийцами и британцами; и история, немного побурлив, войдет в свои берега. А нам этого не надо, не для того все это, в конце концов, затевалось. И, как ни крути, главный винтик в этой мясорубке все же Александр Павлович, без его низкопоклонства перед протестантским Западом вся эта конструкция рассыпается на запчасти.

– Да нет же, Сергей Сергеевич, – отвечает мне мой начштаба Половцев, которого я в числе многих позвал на мозговой штурм, – не в одном Александре Павловиче тут дело. Наполеон Бонапарт тоже был деятель хоть куда, который сам не понимал, чего хочет. Затяжная война в Испании, такое же затяжное противоборство на море с Англией, Континентальная блокада, несколько войн подряд с различными европейскими коалициями, в результате которых ему удалось если не съесть, то хотя бы понадкусать всю Европу. Делить с ним что-то считалось занятием безнадежным,

ведь в любой момент Императору могла попасть под хвост новая вожжа, после чего он мог объявить войну своему вчерашнему союзнику.

– Ну, – сказал я, выступая в роли адвоката, – совсем уже немотивированных войн со стороны Бонапарта вроде бы не было. Антифранцузские коалиции возникали помимо его воли, и он давил их, пытаясь затаптывать тлеющие пожары. В одном месте затухло, в другом полыхнуло. И Англия нет-нет плещет керосинчиком на тлеющие угли.

– Вот именно, что пытался затаптывать, – сказал Половцев. – Даже в тех землях, где власть французов крепка, Наполеона всего лишь терпят, но это только пока он силен. Вы все помните, что началось в Главном потоке после того, как армия Наполеона подверглась разгрому на просторах России, а потом стала терпеть поражения и на европейский полях. Да и как же французы могли побеждать, если их прославленные ветераны полегли в безумном походе до Москвы и обратно, а пришедшие им на смену новые рекруты не обладали ни выучкой, ни куражом былых победителей Европы. А русская армия, напротив, выросшая численно за счет мобилизаций ополченцев, окрепшая в боях и научившаяся побеждать, раз за разом била прославленных наполеоновских генералов и маршалов; а то, что происходило после битвы при Лейпциге, иначе как агонией назвать уже нельзя…

– Известие о поражении и пленении Наполеона до Парижа, Берлина, Вены и иных столиц еще не дошло, – сказала моя супруга, – а вот когда дойдет, вот тогда настанет время выносить святых, а потом заносить обратно. Монархи, еще вчера верные своему господину, тут же взбеленятся и начнут куролесить кто во что горазд. Австрийская супружница Бонапарта, сунув младенца под мышку, рванет к папеньке в Вену. Итальянское и Неаполитанское королевства низложат своих монархов, нынешних Наполеоновских маршалов. В Испании с новой силой полыхнет герилья. А в Париже какой-нибудь наскоро сляпанный Регентский совет начнет зазывать на царствование беглых Бурбонов. Реставрация, Людовик восемнадцатый и прочее бла-бла-бла, как в нашем прошлом, только на два года раньше и без оккупации территории Франции иностранными войсками…

– А что будет, – спросил я, – если мы после всех этих танцев с бубнами возьмем и выпустим Наполеона вместе с его гвардией обратно в Европу, как голодного тигра в загон с баранами? При этом русская армия, сказавшая, что она свое дело сделала, будет сидеть на заборе, то есть на границе, и с увлечением улюлюкать, как во время футбольного матча…

– Вот тогда, Сергей Сергеевич, – с очаровательной улыбкой

ответила Елизавета Дмитриевна, – настанет время заносить святых обратно. Европа тут же примется, как говорит ваша Матильда, переобуваться в прыжке. Те, кто еще совсем недавно во все корки ругал Узурпатора, примутся восхвалять обожаемого Императора, изменники тут же поклянутся в верности, Бурбонов попросят отбыть туда, откуда они прибыли, монархи Европы принесут извинения своему сюзерену…

– Жаль, что только не в японском стиле*, – проворчал Половцев.

Примечание авторов: * *извинения перед императором по-японски – это совершение извиняющимся обряда сеппуку, он же харакири.*

– Действительно, жаль, – сказал я, – только вот европейцам вообще не свойственно признавать свои ошибки и преступления. Они и каяться-то начинают только тогда, когда кол приближается к заднице на толщину трусов. И Наполеон тут не исключение. Это сейчас он смирный и ласковый как телок, а стоит выпустить его в окружающую среду, так и не знаешь, чего от него ждать. Игорь Петрович вон правильно говорит – что неизвестно, какая еще блажь взбредет в его голову и в какую сторону он направит свою армию. Конечно, хорошо было бы натравить Бонапарта на Британию, а в дальнейшем направить его бурную энергию в западном и южном направлении: пусть бодается с Североамериканскими штатами, возвращает Флориду и Луизиану, давит повстанцев на Гаити, завоевывает Алжир и прочий Сенегал, а также пытается одолеть просторы Южной Америки; только вот Россия и ближе, и выглядит привлекательней, а память о нынешнем поражении может со временем избыться.

– Тем более, – сказал Половцев, – что для императора Александра Павловича нынешнее вторжение Наполеона было не просто военным нападением, а своего рода личным оскорблением, пощечиной, которую он получил перед лицом всего мира. И смыть такое оскорбление возможно только кровью обидчика, только так и никак иначе. Ведь мы в любом случае никоим образом не будем содействовать поражению русской армии, какие бы высокие цели при этом ни стояли, ибо сие равносильно предательству…

– Итак, – глубокомысленно сказал я, – мы снова пришли к тому же, с чего и начали. Во избежание негативных нюансов на Наполеона, прежде чем отпускать его в окружающую среду, требуется надеть строгий ошейник, чтобы шаг вправо, шаг влево от рекомендованной политики был приравнен к побегу, а прыжок на месте считался попыткой улететь.

– Женить его надо, – сказала моя ненаглядная, – на нормальной девушке, а не на этой австрийской фифе Марии-Луизе. Во-первых – она ненавидит Наполеона и спит с ним постольку, поскольку это велят государственные интересы. Во-вторых – уже ее саму ненавидит вся Франция. Одной гордой австриячке голову там уже отрубили, теперь та же участь может постигнуть и вторую. И хоть в Главном потоке ничего подобного не было, тут Наполеон сам может отправить свою супругу на эшафот за государственную измену.

– А вот этого не надо! – решительно произнесла Птица, которую все малознакомые люди почему-то воспринимают как мою сестру. – Рубить голову молодой и красивой женщине только за то, что она, повинуясь государственным интересам, вышла замуж за нелюбимого – это, по-моему, перебор. Сергей Сергеевич давайте примем участие в судьбе несчастной женщины и пристроим ее куда-нибудь подальше от разгневанного супруга. А то, насколько я понимаю, вы уже так настропалили этого корсиканского Отелло, что тот отрубит ей голову без всяких колебаний.

– Насколько я понимаю, – с некоторой язвительностью произнесла Елизавета Дмитриевна, – папенькин дворец в Шёнбрунне в ближайшее время будет не самым безопасным местом для беглой жены, ибо первым делом выпущенный на свободу Наполеон займется тем, что будет укреплять свою власть, окончательно уничтожая остатки австрийской и прусской государственности. При невмешательстве русской армии ни Австрия, ни Пруссия не просуществуют ни одного года. Впрочем, голышом на необитаемый остров вместе с любимым Мария-Луиза вряд ли согласится. Не то что известные всем Мария Мнишек с Василием Романовым.

– Смею напомнить, – меланхолически произнес я, – что Машку Мнишек и Ваську Романова никто, собственно, ни о чем и не спрашивал. Поставили перед фактом и отправили пинком под зад в объятия первобытнообщинного строя. Это – во-первых. Во-вторых, если верить исторической справке, которую подала мне Ольга Васильевна, Мария-Луиза, будучи герцогиней Пармской, проявила себя как крепкий хозяйственник и дальновидный политик, и добрая память об это особе сохранилась в Парме до начала двадцать первого века, а это дорогого стоит. Раскидываться такими талантами – большой грех.

– А что, Сергей Сергеевич, – спросил Половцев, – у вас уже, наверное, имеется на примете административно-хозяйственная единица, нуждающаяся в подкреплении опытным администратором?

– Пока нет, – ответил я, – но так ли уж это и важно? Прежде чем ставить эту Марию-Луизу на ответственную должность, надо ее немного пообтесать в нашем тридесятом царстве, а также дать пообщаться с мисс Зул, Лилией, Птицей и Коброй.

После этих слов Птица скептически хмыкнула, а у меня над ухом кто-то звонко хихикнул. Интересно… Раньше Лилия показывала только моментальные появления-исчезновения, а теперь пошли фокусы в стиле чеширского кота.

– Да, – подтвердил я, – по сравнению с мисс Зул любая принцесса бесхвостых-безрогих выглядит переодетой поломойкой, и эта Мария-Луиза, должно быть, не исключение. Прежде чем начинать с ней серьёзную работу, нужно слегка понизить ее самооценку. А что касается подходящей административной единицы, то она со временем найдется, имелся бы соответствующий человек, способный занять эту должность. Теперь что касается кандидатуры в новые жены Бонапарту. Думаю, что тут не стоит изобретать велосипед и назначить на эту должность Великую княгиню Анну Павловну, к которой Бонапарт уже сватался. При этом нас совсем не интересует, что по этому поводу думает ее мамаша вдовствующая императрица Мария Федоровна. Один раз с ее подачи Бонапарту отказали, и последствия были очень тяжелыми.

– Очень хорошо, Сергей Сергеевич, – сказала моя ненаглядная Елизавета Дмитриевна, – но теперь хотелось бы знать, что мы будем делать с Александром Павловичем. В противном случае, при прочих равных, все возвернется на круги своя.

– Александра Павловича мы будем убеждать оставить трон и отправиться в скит замаливать грехи. При этом, быть может, мы используем такое тяжелое оружие как мисс Зул, а также Дима Колдун с его заклинанием «мук совести». Александр Павлович, конечно, не такой ходок по бабам, как его племянник Александр Николаевич, но против чар мисс Зул, когда она применяет их намеренно, еще никто не мог устоять. Но здесь мы тоже еще будем посмотреть. Самоустранение Александра Павловича должно выглядеть максимально естественно и не иметь ни малейших признаков насилия. Поэтому проработку конкретных планов мы отложим до того момента, когда изучим этого персонажа получше. На этом, пожалуй, все, товарищи, заканчиваем совещание и расходимся. Работать надо.

Четыреста семьдесят первый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Мудрости.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Сегодня Михаил Илларионович Кутузов наконец нашел

время, чтобы посетить тридесятое царство с целью прохождения углубленного медицинского обследования. Ведь никому из нас не хотелось, чтобы всего через год не стало одного из самых талантливых российских стратегов (тактиком Кутузов был посредственным, а вот стратегом хоть куда). К тому же, если мы действительно сделаем императором юного Николая, кто будет наставлять его в тонкостях государственного управления, а также внутренней и внешней политики? Сперанский с Аракчеевым? Нет уж, увольте! Оба честные люди, и на этом список их достоинств исчерпывается. Один – либерал до мозга кости, уверенный, что счастье России состоит только в непрерывных послаблениях, а второй – такой же упертый консерватор, считающий, что идеально устроенное общество должно быть похоже на прусскую казарму. Насколько уж я заскорузлый сапог, но такие взгляды заставляют меня крутить пальцем у виска. Военные поселения, казачество наоборот – это когда солдаты, живущие в казарме, помимо шагистики и прочего еще вынуждены заниматься крестьянским трудом. И это притом, что регламентируется буквально каждый их шаг (а сочинять регламенты Николай Павлович любит). Кутузов же достаточно умен, чтобы находить путь между двумя этими крайностями.

Встречал Михайлу Илларионовича целый консилиум, главной в котором была, конечно же, Лилия. Два пулевых ранения в голову, после которых человек не просто остался жив, но и не утратил возможности связно соображать, сами по себе уже могут считаться чудесами, взглянуть на которые не отказались бы и сами боги. При этом Кутузов не совсем не возражал против того, чтобы его осматривали женщины-лекари, в том числи девица, которая на вид еще не вошла в брачный возраст. Надо сказать, что Михайло Илларионович уже пил у нас магическую воду, принимал ванны и получил значительное облегчение от своих многочисленных болячек, но понимал, что все это не более чем самолечение, а настоящее исцеление может проходить только под руководством опытного специалиста.

Лилия попросила Кутузова снять парик и сесть на низкий табурет, после чего принялась ходить вокруг, едва касаясь его головы пальцами. Она не давила, не мяла, как это бывает обычно, а вот именно что касалась головы Михайло Илларионовича с каким-то, знаете ли, благоговением. Сам Кутузов во время той операции находился в каком-то подобии гипнотического транса и сидел на своем табурете, выпрямив спину и закрыв глаза. Мне даже показалось, что он получает удовольствие от этой процедуры. При наложении на обыкновенный взгляд магического зрения было видно, как голову Кутузова подобно рыболовной

сети оплетают тонкие синеватые нити с ярко-фиолетовыми узелками в местах соединений… но вот был завязан последний узелок и, закончив свой круг почета, Лилия отошла в сторону.

– Любимчик ветреной Фортуны… – со вздохом вынесла она свой вердикт. – Без участия сей капризной дамы тут не обошлось. Что же касается лечения, то оно будет длительным и сложным, хотя я бы сказала, что ситуация не безнадежная. Регенерация до девяностопроцентной ремиссии, по моему мнению, вполне возможна. Галина Петровна, а теперь вы посмотрите, пожалуйста, на нашего пациента и выскажите свое мнение…

У капитана Максимовой имелись свои методы, ее главным диагностическим инструментом было до предела обостренное магическое зрение. Она также обошла пациента по кругу, чтобы осмотреть его голову во всех проекциях, при этом крупный изумруд, висящий на цепочке поверх ее халата, светился ровным немигающим светом. В своей прошлой жизни капитан Максимова не могла бы позволить себе такого украшения, но Артанский князь был более чем щедр к людям, которые принесли ему клятву верности. Тем более что это была не просто драгоценная побрякушка, а магический артефакт огромной силы, в буквальном смысле слова ставший частью души мага жизни. И вот, закончив осмотр, Галина Петровна тоже пришла к тому же заключению, что и Лилия.

– Совершенно с вами согласна, уважаемая, – произнесла она, отключая магическое зрение, – полное, или почти полное, выздоровление пациента вполне возможно… Что же касается остальных болячек уважаемого Михаила Илларионовича, то их следует лечить по стандартной схеме оздоровления с омоложением, и никакой серьезной проблемы я в этом не вижу.

– Смотрите, мои дорогие эскулапы, – с легкой насмешкой сказал я, – вместе с ранением случайно не вылечите своего от пациента от гениальности, которая, как подозревают некоторые историки, как раз и являлась следствием повреждения головного мозга.

– Дорогой папочка, – воскликнула Лилия, – ты только не волнуйся, все будет по высшему разряду. Вылечим твоего генерала, и будет он как новенький. И гениальность тоже никуда не денется. Ведь верно, девочки?

Девочки (в число которых входил молодой маг жизни Гакимаустариост и столь же молодой врач-терапевт лейтенант Аласания) дружно закивали. Мол, в самом деле – и вылечат, и омолодят, и приведут в тонус, чтобы с плеч упал тяжкий груз прожитых лет.

– Дорогой наш сударь, – наша хулиганка галантно обратилась

к Кутузову, – внешность импозантного солидного сорокалетнего мужчины и волчье здоровье двадцатипятилетнего вас устроят? Будь вы противоположного пола, мы бы установили планку в шестнадцать лет, но для мужчины, мне кажется, это перебор.

– Разумеется, устроят, уважаемая сударыня, – вежливо ответил Кутузов, ни на секунду не усомнившись в реальности предложенного, – только скажите, а супругу* мою подлечить можно? А то стара стала моя Екатерина Ильинична, болеет часто… И тут я из ваших рук – совсем молоденький. И смех и грех…

Примечание авторов: ** В отличие от иных некоторых Кутузов был женат счастливо и прожил со своей половиной душа в душу до самой смерти. Жена родила ему пятерых дочерей (единственный сын умер в младенчестве) и пережила мужа на одиннадцать лет, скончавшись в 1824 году.*

– Супругу вашу мы, конечно, вылечим, – ответила Лилия, – до возраста тех самых шестнадцати лет. С полным восстановлением всех функций организма, так что вы с ней снова можете попробовать сделать еще пятерых детишек, на этот раз мальчиков. Только сразу предупреждаю, уважаемый Михайло Илларионович – и вас, и вашу супругу – достигнутый уровень здоровья придется поддерживать каждодневными тренировками и жесткими ограничениями в еде. Каждодневный бег, плавание, кулачный бой и занятия фехтованием, а также конская скачка. И, разумеется, танцульки, как занятие полезное во всех смыслах – как в физическом плане, так и для подъема эмоционального состояния. Без этого с вашей склонностью к полноте ваше состояние очень быстро рискует вернуться к первоначальному состоянию.

– И что, – спросил Кутузов, – кулачный бой для дам тоже обязателен?

– Ну, – сказал я, – это уже детали, которые зависят исключительно от темперамента вашей супруги. Мы тут познакомим Екатерину Ильиничну с некоторыми дамами соответствующего круга, а она уже сама решит, что у них перенимать, а что нет. А вообще, если без фанатизма, только для общего физического развития и обеспечения собственной безопасности, то почему бы и нет. Злоумышленники обычно не ожидают никакого подвоха от знатной дамы, в обязанности которой входит падать в обморок при первых признаках опасности, но однажды, к их разочарованию, внешность дамы может оказаться обманчивой.

– Да уж, – сказал Кутузов, вставая с табурета, – вышивание крестиком и чтение душещипательных романов вряд ли имеют

среди ваших дам особую популярность…

– Ну, это, Михайло Илларионович, – сказал я, – для кого как. Так, например, воительницы из числа остроухих и амазонок больше всего в жизни ценят хорошее оружие. Не надо, чтобы меч, копье или ружье были красивыми и украшенными драгоценными камнями; главное, чтобы они были крепкими, надежными, удобными и смертоносными. Впрочем, хорошее оружие красиво само по себе.

– О да, Сергей Сергеевич, – сказал Кутузов, – это действительно так, я видел ваши ружья, и они производят впечатление не только своей смертоносной убийственностью, но и внешним совершенством.

– Ну, – сказал я, – насколько я знаю, над этим оружием в разные годы и в разных мирах работали два великих оружейника, а потом готовое изделие подвергалось долгой доводке их учениками, в результате чего получилось действительно совершенство. Впрочем, не все дамы в нашем обществе помешаны на оружии; так, например, Анна Сергеевна Струмилина – возможно, второй человек по значимости после меня – вообще принципиально не берет в руки ничего стреляющего или колюще-режущего, разве что за обедом, чтобы нарезать хлеб или колбасу, и вообще не приемлет насилия. Зато она у нас маг Разума и способна излечивать такие болезни человеческих душ, против которых бессильны любые эскулапы. Также в нашей компании есть несколько совершенно не приспособленных к войне нереид. С виду они, конечно, миленькие, а на самом деле это просто экзотическое мясо, которое в одном не столь уж далеком отсюда мире ловят сетями, приманивая на купающихся смазливых обнаженных юношей.

– Тьфу ты, какая гадость! – сплюнул Кутузов, – как вы такое терпите, Сергей Сергеевич?

– Тот мир, – ответил я, – лежит вне сферы наших интересов. Но там есть наш союзник, который обещал в ближайшее время совершить к этим людям военный поход и объяснить им, что так поступать нехорошо. Ну а когда тевтоны берутся кому-то что-то объяснять, то потом от побежденных не остается и камне на камне.

– Тевтоны? – переспросил Кутузов.

– Да, тевтоны, – ответил я. – Впрочем, Михаил Илларионович, это очень длинный рассказ. Давайте сейчас я оставлю вас в руках у наших эскулапов, чтобы они продолжили свое обследование и составили для вас программу лечения, а уже вечером мы встретимся на танцульках, где и поговорим не спеша на все интересующие вас темы. Тем более что там иногда можно

встретить очень интересных людей. Иногда к нам на огонек заглядывает знаменитый византийский полководец Велизарий или его друг Прокопий Кесарийский, также там бывают молодой Александр Невский со своим братцем Глебом, Михаил Скопин-Шуйский, Петр Басманов и государь Всея Руси Петр Второй, на самом деле Первый. А сейчас, – я бегло посмотрел на часы, – позвольте идти, потому что у меня еще есть дела.

Четыреста семьдесят первый день в мире Содома. Поздний вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Танцплощадка.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Как я и ожидал, Михайло Илларионович пришел на танцульки. Разумеется, он сделал это не для того, чтобы поколбаситься, оттопыриться и сговорить на ночь временную постельную партнершу из бывших мясных лилиток, как некоторые молодые русские офицеры из числа выздоравливающих. Пока нет. Может быть, потом, когда оздоровительные процедуры Лилии приведут к закономерному результату, помолодевший Кутузов и воспользуется такой возможностью. А сейчас это светское мероприятие интересовало Михайло Илларионовича исключительно с точки зрения завязывания полезных контактов. Мало ли кто забежит к нам на огонек. Неинтересных людей тут не бывает, и бесполезных тоже. Так, например, я представил главнокомандующего русской армией своей супруге. Или, если точнее, представил Кутузову свою Елизавету Дмитриевну, потому что он сам в моих представлениях не нуждается. Сели мы все втроем за столик, взяли по стакану магической воды и стали смотреть на то, как народ от всей души колбасится и топырится, тем более что поставленный мною полог безмолвия глушил музыку и прочий шум веселия до приемлемых величин.

Вот сегодня (на ловца и зверь бежит) к нам с дружественным визитом прибыл Петр Алексеевич Романов (тот самый, который Второй, и в то же время Первый, что есть Великая Тайна). Хотя, там у них, в 1730 году, уже тихонько начали поговаривать, что вселился-де в шкуру молодого императора, бездельника и грозы юных девок дух его великого деда, который всем боярам теперь покажет то место, где зимуют на Руси раки… Да и как не пойти такому слушку, ведь фактуру-то не спрячешь. Походка, жесты, поворот головы, отрывистый смех, да и амурный интерес к девице Марии Кантемир, которая настоящему Петру Второму была глубоко параллельна. Только вот Бахусу старый-новый император поклоняться совсем перестал, ибо сказались наложенные во время

лечения Лилины заклинания от алкоголизма. Поговаривают-то об этом поговаривают, но именно что с оглядкой и тихонько, ибо мясорубка Тайной Канцелярии вертится исправно, перемалывая попавших в ее жернова болтунов в мелкий фарш.

Таки и прибыл Петр Алексеевич принять у Лилии работу по омоложению своей возлюбленной, а потом вспомнить свое путешествие инкогнито по Европе и хорошенько повеселиться вместе с обновленной возлюбленной на ассамблее. А та и вправду стала свежа, будто шестнадцатилетняя. В акробатическом рок-н-ролле, запавшем на душу диким амазонкам, она, конечно, не сильна, но почему бы, сидя за столиком, не посмотреть на головокружительные прыжки и кульбиты, которые исполняет кто-то другой. Мария Кантемир при каждом таком кульбите ахает. При этом склонившийся к ее уху кавалер в это время нашептывает, что для того, чтобы вот так скакать дикими козами, девки амазонские с самого рождения упражняются с утра до ночи в беге, прыжках в длину и высоту, скачке верхом без седла и с оным, стрельбе из лука, а также в фехтовании на коротких мечах-акинаках. Куда уж до них русским боярышням, проводящим свои дни за пяльцами да поеданием вкусных медовых пряников, испеченных многоопытными в этом деле кондитерами.

Тут надо сказать, что Михайло Илларионович был слишком молод, чтобы воочию помнить Петра Великого, так что поначалу он не понял, что это за несколько развязный вьюнош весьма нежного возраста, в мундире поручика Преображенского полка столетней давности, оставив свою такую же юную даму, подсел за наш столик.

– Здрав будь, брат мой князь Сергий, – неожиданным баском произнес этот вьюнош, который и был тем самым императором Петром Алексеевичем «два в одном».

– И ты тоже будь здрав, брат мой царь Петр Алексеевич, – степенно произнес я и добавил, – Проблемы какие-нибудь объявились или просто поразвлечься захотелось?

– И то, и другое, – уклончиво ответил Петр. – Ассамблеи вон у тебя знатные, Марии зело нравятся, да и дело у меня к тебе есть наиважнейшее…

– Ах, даже так, – сказал я, – тогда, брат мой Петр Алексеевич, я внимательно тебя слушаю, но сначала позволь представить тебе русского генерала и великого полководца Светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова, который находится в моих владениях с целью поправки здоровья…

Мы с Кутузовым переглянулись. Разумеется, только так, и иначе (с официальной точки зрения) быть не может. Будущий прославленный генерал-фельдмаршал, победитель Наполеона, на

наших магических водах поправляет здоровье и набирается сил для новых битв… Петр Алексеевич бросил в сторону Кутузова внимательный взгляд. Я понимаю, что у него с талантливыми генералами немного недобор. Есть, конечно, Миних, который в одном лице и военный инженер, и полководец, но на нем одном далеко не уедешь. А воевать татар и турок, чтобы они были неладны, надо. С другой стороны, Петр Великий тем и отличался, что с легкостью приглашал людей со стороны, а если они оказывались негодны, выкидывал без всякой пощады и приглашал взамен новых. И в этом взгляде сейчас тоже светится неприкрытое «отдай его мне». Но у Кутузова и в своем времени работы невпроворот – лет на пятьдесят будет, не меньше.

– Нет, – покачал я головой, – Михайло Илларионович там, у себя, тоже человек нужный и важный, да он и сам не согласится. И вообще, русская армия не вчера родилась, давно пора свой генералитет производить на регулярной основе, а не собирать посредственностей и неудачников по всей Европе в надежде, что среди них, подобно жемчугу в навозной куче, вдруг блеснет великий военный талант.

В ответ Петр Алексеевич вздохнул и пожал плечами. Мол, некогда ему было этим заниматься, да и старт был очень низким. Самому, мол, пришлось всему учиться у заморских учителей, ибо свои кадры отстали от Европы на сотню-другую лет. Не до жиру тут было – хватай разных гонимых и не преуспевших на родине деятелей и пытайся построить с ними государство. В результате получилось что-то похожее на дворец из реек и искусно покрашенной фанеры – быстро, дешево, на глаз красиво и до крайности недолговечно… А теперь, во время второго царствования, все это потребуется капитально исправлять. Ну почему мы не узкоглазые японцы, не приемлющие в начальстве заморских длинноносых варваров? Вон, в схожей ситуации японский император Муцухито (японский Петр Первый) за аналогичное время умудрился полностью обеспечить свою страну собственными кадрами на всех уровнях управленческой пирамиды, используя европейцев только как учителей и военных инструкторов. Ну да ладно, ближе к делу; интересно, с каким важным вопросом для себя вопросом явился ко мне государь-император Петр Алексеевич?

– Понимаешь, князь Сергий, – доверительно склонившись, вполголоса сказал он, когда я задал этот вопрос, – совсем татары, проклятыя, заели, жить своими набегами не дают, аспиды! А их попробуй тронь – Порта Оттоманская стеной станет. А там армии янычарские тыщи да тыщи, нам столько не набрать, а главное, не прокормить. Это ж сколько припасов надо тащить за собой в

степь! И пусть один русский гвардеец стоит двух янычар, но наваливаются на него четверо или пятеро, и никакого шансу их победить у него нету. Вот если бы нашим солдатикам такие ружья, как твои, чтобы стреляли часто, далеко и метко, да твои диковинные скорострельные пушки, кои, как говаривал мне твой воевода Петр Басманов, гранатами и картечью врага косят будто косой – вот тогда бы мы с турком на равных и потягались…

– Постой, брат Петр, – сказал я, – унасекомить татар да прижать турок, чтобы знали русскую силу – это, конечно, дело хорошее. Но ты вот что учти. В твоих прошлых походах под Азов, да и когда Васька Голицын на Крым ходил, потери от болезней и недостатка провианта были в разы поболее, чем от вражьих пуль и ядер. Разве не так?

– Так, – хмуро согласился Петр, – болезни сии, как говаривают медикусы, происходят от дурной воды в степных колодцах, а провиант подвозить трудно, бо зело далеко, да татарские разъезды в пути шалят немилосердно.

– Ну, – сказал я, – насчет дурной воды не так уж эти медикусы и неправы. Но этот вопрос не совсем ко мне. Есть у нас начальник медслужбы, военврач капитан Максимова, обращайся к ней и мотай на ус все, что она скажет. Она знает, как это все должно делаться – не как у нас, усилиями госпожи Лилии, а по-настоящему, без всякого колдовства, которое тебе недоступно, да и не нужно. А еще лучше подбери человечка посмышленей, назначь его начальником военно-санитарной части и направь его к Галине Петровне на стажировку. Пусть заучит все, что она скажет, будто «Отче наш», и исполняет буква в букву, без отклонений на шаг влево, шаг вправо. Хоть будешь знать, с кого спрашивать за померших от поноса солдатиков.

– Хорошо, брат Сергий, – кивнул Петр, – быть посему, человека такого найду и на учебу отправлю, чай, не впервой. Но ты мне лучше скажи, как будет насчет новых пушек и ружей?

И тут я подумал, что секрет пули Минье* на первых порах вполне удовлетворит Петра Великого. Прирост дальности и меткости для штуцеров весьма значительный, скорострельность с новой пулей** будет мало чем отличаться от обычных фузей, к тому же эти самые фузеи несложно переделать в штуцеры путем простругивания в стволе нарезов… Гладкоствольные бронзовые четырехфунтовки тоже можно отдать, ничем особым это не грозит. Как и для времен Смуты, самой сложной частью в изготовлении будет клин-затвор, позволяющий заряжать орудие с казенной стороны. Стрельба классическими на то время круглыми ядрами и картечью, и ничего большего, потому что дарить нарезные вкладыши-лейнеры*** из высокосортной стали в

эти стволы я совсем не намереваюсь. Изобретать оперенные аналоги минометных мин, запускаемые из гладкого ствола, тоже, думаю, не стоит. Ибо каждая такая мина для местного производства будет стоить как десяток круглых гранат и иметь совсем другую баллистику. Но за этот подарок Петр Алексеевич мне еще кое-что должен…

Историческая справка:

** Пуля Минье – пуля для первых дульнозарядных винтовок (штуцеров), которая имеет коническую выемку в задней части. Особенностью данной пули является то, что при выстреле её хвостовая часть расширяется и обеспечивает надёжное зацепление пули с нарезкой ствола винтовки.*

*** обычные пули в ствол штуцера забивали при помощи стального шомпола и молотка.*

**** лейнеры для «самодельной» артиллерии артанской армии, способные выдержать несколько десятков тысяч выстрелов, делаются в мастерских «Неумолимого» и составляют главное достоинство этих орудий.*

– Хорошо, – сказал я, – давай поговорим о пушках и ружьях, но сперва должен сказать, что у меня тоже, брат мой Петр, есть встречная просьба…

– Слушаю тебя, князь Сергий… – чуть приподняв брови, вопросил Петр. Мол, какие просьбы могут быть у меня, человека настолько могущественного, что он может решать участь целых миров.

– Дело в том, – сказал я, – что мне нужно, чтобы ты побеседовал с одним человеком из мира Михаила Илларионовича. Кстати, это твой потомок, император Александр Первый, правнук твоей дочери Анны Петровны и ее мужа Фридриха Голштинского… Мне нужно, чтобы он тихо, без всякой колготни, убийств и кровавых сцен, отошел от дел и, уступив трон своему брату Николаю, удалился в частную жизнь… Сам-то он слабый, неуверенный в себе человек, легко поддающийся чужому влиянию, сел на трон после того, как заговорщики убили его отца, а потом сказали «довольно ребячиться, ступайте царствовать», и он пошел…

– Да уж, – сказал царь Петр, извлекая из кармана исполинскую трубку, которой, наверное, хватило бы для постановки полноценной дымовой завесы на поле боя, – задачку ты мне задал, брат Сергий; даже и не знаю, что тебе сказать…

– А ты скажи как есть, – ответил я, – потому что если твоего потомка вовремя не остановить, он на сорок лет поставит политику России в зависимость от австрийских и прусских интересов, что в итоге выльется в остановку развития на

длительный срок и грандиозное предательство со стороны так называемых союзников в итоге. В результате опять будет сильное отставание от Европы, позорно проигранная война и очередная судорожная попытка бегом догнать ускакавшую вперед европейскую карету. Кстати, законного потомства император Александр Первый не имеет, так что с династической точки зрения его смещение ничего не меняет. После него воцарится тот же самый человек, что и в нашем прошлом, но только на тринадцать лет раньше… Впрочем, у нас есть возможность ознакомить тебя со всеми делами твоего потомка – как с теми, что уже случились в том мире, так и с теми, которые только могут произойти… время на это еще есть.

– Нет, не надо, – мотнул головой царь Петр, выпустив из своей трубки вонючий клуб дыма, который сразу же отогнала в сторону магическая вентиляция, – я знаю, князь Сергий, что ты никогда не врешь, ибо того не позволяет твоя титла Защитника Земли Русской. Если ты говоришь, что через моего потомка для Государства Российского могут проистечь очень большие беды, значит, так оно и есть. Просто я в сомнении – могу ли я решиться судить моего праправнука за то, что им даже еще не содеяно…

– Ты, брат Петр, – сказал я, – как раз судить можешь, ибо именно ты вывел Россию из азиатского захолустья в первостатейные европейские державы, совершив подвиг, равный подвигам Владимира Крестителя, Святого Александра Невского и Иоанна Васильевича Грозного. Государство Российское это о большей части именно твое детище, которое ты построил своими руками, а остальные монархи только дополняли и улучшали. Без тебя, брат Петр, Россия была бы совсем другой, если бы вообще была.

– Возможно, ты и прав, брат Сергий, – сказал царь Петр, – но я тут подумал, что мне все же лучше ознакомиться с деяниями моего непутевого потомка, чтобы хотя бы знать, за что его ругать…

– Вполне разумно, – согласился я, – зайдешь завтра с утра в библиотеку, попросишь Ольгу Васильевну подобрать тебе что-нибудь по эпохе Александра Первого; если не разберешься в нашем шрифте, она тебе еще и прочтет… С выражением.

– Хорошо, брат Сергий, – кивнул царь Петр, – я схожу. А пока давай поговорим о твоих ружьях и пушках…

– Давай поговорим, – откликнулся я, – тем более что это будет интересно и Михаилу Илларионовичу. И сразу сходу вопрос – как думаешь, брат Петр, что в ружье самое главное?

– Ну, – сказал мой собеседник, – наверное, в ружье главное, чтобы било оно по врагу часто, далеко и метко…

– А вот тут ты ошибаешься, – покачал я головой, – те свойства, которые ты назвал, не главные, а просто важные. Главное для ружья то, чтобы к нему можно было в достаточном количестве заготовить боевые припасы, чтобы оно было надежным и не ломалось, и чтобы было понятно солдатам, которые держат его в руках. А иначе, каким бы совершенным и дорогим ни было бы оружие, рано или поздно оно станет не полезнее простой палки…

– Уел ты меня, князь Сергий, – кивнул Петр, – как есть уел. Так значит, своих лучших ружей и пушек ты нам не дашь?

– Не дам, – согласился я, – да и незачем твоим солдатам лучшее. Не сдюжат. Лично тебе, брат Петр, самозарядку супермосина с тысячей патронов подарить можно, показать, как стрелять, как чистить и смазывать и все такое. И это притом, что новые патроны ты сможешь взять только у меня и ни у кого более, и не дай Бог, сломается, починить его тоже смогут только мои люди. Если такое оружие дать в полки, то сначала все будет замечательно, а потом армия вдруг останется безоружной. Лучше я дам тебе другое оружие, почти такое же, как у твоих солдат сейчас, использующее доступные в твоем времени боеприпасы, такое же дальнобойное и точное как штуцера и такое же скорострельное как фузеи. Новизны чуть-чуть, затраты на перевооружении минимальные, но зато эффект поразительный…

И я принялся объяснять царю Петру и Кутузову, что такое есть пуля Минье, с чем ее едят и почему для начала восемнадцатого, да и девятнадцатого (для Кутузова) века, это решение лучше, чем аналог винтовки Бердана, которым были вооружены мои пехотные легионы, и тем более лучше, чем самозарядные супермосины…

– Однако, – закончил я свою речь, – тут надо понимать, что новое оружие должно нести с собой и новую тактику, близкую к тактике привычных вам егерей. Добиться этого сложнее всего, ибо пехотные офицеры привыкли воевать по старому, а привычка – это вторая натура…

– Я тебя понял, брат Сергий, – совершенно серьезно произнес царь Петр, вставая, – и обязательно подумаю над твоими словами.

– И что, Сергей Сергеевич, – тихонько спросил меня Кутузов, когда император Петр вернулся к своему столику, – этот мальчишка и в самом деле был император Петр Великий? На портреты свои он вроде не похож…

– Не верьте глазам своим, Михайло Илларионович, – ответил я, – я же говорил вам, что у нас тут чего только не бывает. На самом деле это очень длинная история. Тело у этого юноши от императора Петра Второго, а дух от его деда императора Петра

Первого. И сразу скажу я вам, я тут ни при чем, такое мне просто не под силу… Впрочем, об этом лучше не распространяться, воспринимайте эту двойственность как есть, и все тут…

– И что, Сергей Сергеевич, – с сомнением спросил у меня Кутузов, – вы думаете, что сразу, как только с государем-императором Александром Павловичем побеседует этот Петр, то ли Второй, то ли Первый, так тот сразу же отречется от престола и уйдет в монастырь? Если так, то думаю, что ваш взгляд на жизнь страдает некоторой наивностью…

– Вы зря так думаете, Михайло Илларионович, – сказал я, – вы нас еще плохо знаете. Кроме государя-императора Петра Алексеевича в деле будут еще и части усиления, и вы поверьте, при их поддержке он будет полностью неотразим… У Александра Павловича не будет ни единого шанса. А сейчас давайте закончим серьезные разговоры и будем смотреть, как веселится наша молодежь, выплескивая свою неуемную энергию. Скажите, вам не хочется сбросить груз лет и вот так вот буйно и безудержно вспомнить молодость? А ведь такая возможность у вас еще будет.

– Знаете, Сергей Сергеевич, – ответил Кутузов, глядя на до изнеможения выплясывающих на танцплощадке под разноцветными лучами прожекторов молодых офицеров, амазонок и бойцовых лилиток – во времена моей молодости таких диких развлечений не существовало, и слава Богу. На мой взгляд, это просто какой-то срам и бесовство. Особенно когда дама кидает в небо кавалера, а потом ловит на свою мускулистую грудь. Но так как бесовства у вас здесь не может быть по определению, то я не знаю, что сказать, и не буду осуждать и тех, кто предаются подобным диким вакхическим пляскам. В чужой монастырь, знаете ли, со своим уставом, не хожу.

Четыреста семьдесят второй день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Власти.

Император французов, Наполеон Бонапарт.

Наполеон Буонапарте проснулся с гудящей головой и слабостью во всем теле. При этом он обнаружил, что совершенно гол и лежит поперек огромной двуспальной кровати, свесив голову с ее края. Воспоминания минувшего вечера с трудом возвращались к нему, постепенно вырисовывая вполне отчетливую картину. Итак, он все-таки соблазнился сходить на местную вечеринку le danse… Впечатления были потрясающими. Во-первых – несмотря на то, что на вечеринке не было ни капли вина, собравшиеся на танцевальной площадке веселились от души, словно находились в подпитии. При этом Буонапарте видел, что на le danse присутствуют не только молодые люди (включая остроухих девиц-великанш, с легкостью разгромивших

его армию), но и уважаемые личности, включая самого Артанца, который как ни в чем не бывало сидел за столиком рядом со своей супругой и русским главнокомандующим генералом Кутузовым. При этом он вел тихий задушевный разговор с еще одним молодым человеком в старинном военном мундире. Говорили они о чем-то своем, чисто русском, и мешать им Наполеон не стал.

На мгновенье Буонапарте позавидовал тому, какая у Артанца молодая и красивая жена. Она держит себя воистину с королевским достоинством и уже успела родить мужу наследника. И почему ему самому, Наполеону, так не везет? В Жозефину он был влюблен до безумия, и всем она была хороша, но только вот старше его на шесть лет, при куче любовников и к тому же, как выяснилось, оказалась бесплодной. Вторая же жена, дочь австрийского императора, хоть и родила Наполеону наследника, боялась и ненавидела муженька всей душой. К тому же Артанец предоставил неоспоримые доказательства неверности его второй супруги. Помимо этого, император мог убедиться в ее пренебрежительном отношении к титулу императрицы Франции, а также в том, что наследнику престола, маленькому Наполеону Второму, она отнюдь не испытывает горячей материнской любви. Это было горько. Наполеону казалось, что жизнь его, вдруг показавшая всю свою доселе скрытую сторону, стремительно несется под откос. Он ощутил себя бесконечно одиноким, усталым, выжатым до последней капли.

Когда Бонапарт узнал о подоплеке некоторых событий ближайшего будущего, в первый момент у него возникало сильнейшее желание выкинуть эту предательницу, свою законную супружницу, из своей жизни, втоптать ее в землю, отрубить голову и навсегда забыть, а родную ей Вену предать огню и разрушению, после чего сделать так, чтобы этот город больше никогда никто не восстановил. Однако вспышка ярости была кратковременной, несколько минут спустя Наполеон о ней уже пожалел. Но тем не менее было очевидно одно – если Артанец вернет его на французский трон (а вроде бы все к тому и идет), то ему потребуется новая императрица – такая, которая, помимо всего прочего, могла бы стать доброй приемной матерью для маленького Шарля. Отдавать сына своей «бывшей» Бонапарт, конечно же, не собирался.

Наполеон пошел на эти самые le danse, разумеется, не для того, чтобы подобрать себе жену. Ему просто хотелось женщину. Постельную партнершу без всяких обязательств, с которой можно было бы сбросить накопившееся за последние месяцы напряжение. Наполеон знал, как хорошо помогает «это дело»

взбодриться и почувствовать себя живым и полным сил… Однако с этим возникла некоторая сложность. Мускулистую остроухую Бонапарт в свою постель не хотел, немускулистую тоже. Он уже немного был в курсе их происхождения и, несмотря на то, что Артанский князь признал их равными себе, Бонапарту казалось, что это все равно как лечь с животным – например, с козой (что, к примеру, с античных времен практиковали корсиканские пастухи при отсутствии женщин). В то же время амазонки, подходящие Бонапартию по всем параметрам, которых на площадке для le danse было не так уж и много, с легкой брезгливостью отворачивались от его оплывшей фигуры с оттопыренным животиком. Мол, идите отсюда, мужчина, вы беременный. Наполеон не привык к такому отношению; обычно это была его прерогатива – критиковать несовершенства фигуры у женщин. Столкнувшись же с критикой в свой адрес, он совсем сник и проклял свою затею с этими le danse. Кротких и покорных ему тут уж точно не сыскать… Впервые его отвергали. Впервые его критиковали (пусть даже не явно, не в глаза) и едва ли не высмеивали. Впервые он имел дело с такими женщинами, которые не благоговели перед ним, а вели себя так, будто во всем равны ему. Они, эти распутницы, вообще относились к мужчинам без особого пиетета, и этот факт поднял вдруг со дна души Наполеона все его застарелые комплексы… Он словно увидел себя со стороны – и ужаснулся. И вправду – он уже совсем не тот молодой жеребчик, что был лет десять тому назад… Ослепленный женским обожанием, он не замечал, как меняется его тело… «Проклятье! – сжимая кулаки, думал Наполеон, – проклятье! Никогда не думал, что буду столь унижен и посрамлен… Да еще кем – женщинами, распутницами! Да ведь в их глазах я, должно быть, невзрачный сморчок с отвисшим брюхом и одутловатым лицом… Так и есть – я неприятен им! Я! Никогда не думал, что доживу до такого дня…»

Не желая больше дразнить себя созерцанием стройных, высоких и дерзких красавиц, получая в ответ ледяное равнодушие с едва скрываемым презрением, он с тяжелым вздохом украдкой посмотрел на свой живот, машинально стараясь поджать его. Лечение у Лилии началось совсем недавно (та первым делом прикрутила у Бонапарта кран аппетита), и эта пикантная часть тела, хоть и уменьшилась в размерах, все еще дискредитировала Бонапарта своей дрябленькой выпуклостью. И ничего с этим нельзя было поделать, потому что плевать амазонкам, император он там или нет. Они девушки разборчивые, и точка. С кем попало не спят. Если ты император, тогда доведи свою фигуру до того же образца, что и у Артанского князя. Тоже ведь человек

немаленький, а мышцу качает регулярно.

И идти бы Бонапарту с le danse не солоно хлебавши, но тут на его пути попалась мадам Гера… точнее, это он вместе со своим столиком очутился на ее пути. И эта мадам, что примечательно, не обратила никакого внимания на животик императора. Зато она очень хорошо срисовала тяжелую властную ауру, висящую над головой у этого смертного… И замерла, не сводя с Наполеона пристального взгляда, размышляя следующим образом: «Вот это да! Пожалуй, эта аура мало чем уступала той, которую носил Зевсий, а кое в чем даже ее превосходит…» Ее бывший муж давным-давно закончил свою борьбу за абсолютную власть, а у этого смертного все еще было впереди. В тот момент Гера даже не задумывалась над тем, кто этот мужчина и что он тут делает. Все затмила его аура власти… Поскольку этого мужчину прежде никто не застолбил (а драки и скандалы на танцплощадке, мягко выражаясь, не приветствовались), теперь это была ее, и только ее добыча.

Что касается самого Наполеона, то он, уже утративший всякую надежду на успех, находился, мягко выражаясь, в обалдении, не смея поверить, что судьба, словно сжалившись, подкинула ему приятный сюрприз. На него в упор, с откровенным и многообещающим интересом смотрела красавица – высокая, стройная, полногрудая, с пышной гривой вьющихся крупными кольцами черных волос. О, она была прекрасна… Было в ней что-то дикое, необузданное, отчего у императора поползли по коже сладостные мурашки предвкушения… В свое время его Жозефина ввела во Франции так называемый неогреческий стиль в женской одежде. Так вот, на француженках конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века все эти хитоны и пеплосы смотрелись откровенно нелепо, как седла на коровах… но это никак не касалось подошедшей к нему незнакомки. Она носила свой древнегреческий наряд с врожденным изяществом королевы. Несколько выбивались из стиля лишь туфли на высоком каблуке-шпильке.

– Мадам… – вскочил на ноги Наполеон, у которого тут же пересохло в горле, – позвольте мне выразить свое восхищение вашей красотой!

– Месье, – кокетливо ответила ему Гера, взмахивая ресницами и поправляя непослушную прядь на изящным ушком, – право же, мне так неловко от ваших комплиментов, что даже стало жарко… Воды, воды, ледяной воды, пожалуйста…

Пока окрыленный Бонапарт неловко щелкал пальцами, делая заказ невидимому слуге, Гера присела за его столик. Она принялась обмахиваться невесть откуда взявшимся веером,

представляя на мужское обозрения свое соблазнительное декольте, в котором некоторые мужчины с удовольствием утонули бы с головой. В тот момент идея выйти за этого смертного замуж еще не приходила ей в голову. Ей просто хотелось как следует оттянуться, и этот мужчина с жесткой волевой аурой профессионального завоевателя подходил для этого как нельзя лучше. И было совершенно неважно при этом, как он выглядит. В глазах Геры он был великолепен – мелкие дефекты внешности с лихвой окупались мощным сиянием его ауры.

Невидимые слуги принесли им два высоких тонкостенных стакана с чуть пузырящейся магической водой, до предела заряженной энергетическими, транквилизирующими и возбуждающими заклинаниями. Гера специально так подстроила, ибо ей хотелось расслабиться и забыть все с этим мужчиной из смертных, который однажды уже сам вознес себя до уровня богоравного героя – с ним, именно с ним. Такое с ней было, пожалуй, впервые. Аура этого мужчины неодолимо влекла ее… В какой-то момент их руки сплелись и они выпили на брудершафт (что имело далеко идущие последствия). И после этого Наполеон почти ничего не помнил из происходящего…

Вроде они танцевали какой-то дикий танец, причем он скакал молодым козлом вместе со своей дамой. Потом он взвалил свою разгоряченную и смеющуюся партнершу на плечо и понес ее сначала к кабинкам для удовлетворения страсти, где они, торопливо раздевшись, соединились с таким энтузиазмом, что, казалось, их стоны и вопли слышала половина Запретного Города. Потом, прямо так как есть (то есть не одеваясь), Бонапарт, будто сатир, похищающий вакханку, протащил на плече свою обнаженную хохочущую даму (и откуда только силы взялись) от танцплощадки до Башни Власти, ворвался в свои апартаменты, приказал невидимым слугам никого не пускать, и почти до самого утра, пока не закончилась сила заклинаний, занимался с ней самыми различными сексуальными действиями. В конце концов они оба уснули, перепутавшись руками и ногами во взаимных жарких объятьях…

И вот теперь он, Наполеон, просыпается один и пытается понять – что же это было?

Тогда же и почти там же, бывшая богиня, а сейчас просто Гера.

Кто я сейчас? Ну конечно, уже не богиня. Так я сама захотела, но выбор мой был невеликим… Впрочем, свободы при этом достаточно было дано мне. Жизнь моя враз изменилась, о чем я ничуть не жалею. К войску могучему, к силе безмерной я ныне причастна, чем и горжусь, ведь пред нами все двери открыты… Очень по нраву мне жизнь эта в вечных скитаньях. Властью над временем наш наделен предводитель, все ему преданы, он командир справедливый… В блеске побед этот избранный смертный прекрасен. Он – богоравный герой, не коснется его пораженье… Следом за ним мы идем, осиянные славой. Сколько эпох и миров предстоит нам в дальнейшем увидеть! Сколько свершений нас ждет на пути, предначертанном свыше!

Что было раньше? Безделье, безмерная скука. Мир наш встряхнул тот герой, что пришел ниоткуда, все изменил, дерзкий замысел свой воплощая. Кем я была? Пусть богиней и главного бога женою – в распрях жила, ревновала, рыдала и злилась. Впрочем, мы все опустились в изгнанье настолько, что осознать это было мучительно больно…

Нынче супруг мой исчез – это больше чем помер. Больше я клушей домашнею быть ни при ком не желаю. Хватит, намучилась с Зевсием – ох уж изменник! Это замужество с ним было адом кромешным. Муж мой блистательный сволочью был похотливой… Как поначалу его я безумно любила! Как романтично и мило меня покорить он старался! Доброй была я, наивной и кроткой девицей. Ну а потом поняла я, что он из себя представляет… Только уже ничего изменить не могла я. И превратилась в такую я злобную стерву, что по сравненью со мною Мегера казалась овечкой! Сколько ужасных и страшных проклятий в мой адрес летело! Кто б мог подумать, что Гера, ревнуя, совсем озвереет? Сколько любовниц супруга на горести я обрекала! Сколько злодейств совершила, ревнуя, в порыве безумном… Только от этого не было мне облегченья. Месть и неистовство радости мне не давали. Портился нрав мой, а муж продолжал свои шашни. Он надо мною глумился, обидами полня мне сердце. Я же при нем оставалась, ведь брачные узы священны… Не было счастья мне, жизнь я свою проклинала.

Ну а с тех пор как супруг мой был скинут с престола, сослан куда-то, откуда уж нету возврата, стала я вольной как птица, свободной как ветер… Вот и решила вкусить я утех сладострастных. Что ж, ведь и вправду ничем я не хуже Венеры: статью я вышла, прекрасна лицом и фигурой, и обольстить своим телом, пожалуй, сумею любого. Так рассуждая и снявши с себя

все запреты, стала искать я интрижек, ждать игрищ любовных. И находила – ведь все это было так просто! В разнообразии я находила отраду. Хоть и царили средь нас очень легкие нравы, ревность, истерики, пакости не поощрялись.

Так, наконец, поняла я всю прелесть разврата… (Впрочем, такие слова здесь не употребляют, разве что только с иронией иль ради шутки). Сколько мужчин поменяла я, ставши свободной! И поначалу, пока это было в новинку, о постоянстве я даже и не помышляла. Только все чаще тоска на меня нападала. Холод и мрак с пустотою терзали мне сердце… Эти мужчины – лишь тени, пройдут и исчезнут… Слаб их огонь, ну а мне нужно жаркое пламя. Только вот в мире людей не сыскать мне, пожалуй, такого. Зевсий был бабник, но все же являлся главою Олимпа. Аура власти и силы – ну что может быть эротичней? Хоть я его ненавидела, все же желала… (Скажем, покуда он был относительно молод).

Глядя вокруг и по мере ума размышляя, я вдруг решила, что быть надо благоразумной – воле Единого следует мне покориться, мой необузданный норов давно уж пора успокоить. Мысль ту одобрили – дали мне новое имя, свершили обряды… Вскоре себя присмотрела я славного мужа. Был он достойным, и храбрым, и доблестью смог отличиться. Пусть не блистал красотой – да ведь это и вовсе неважно. Как я желала, чтоб брак наш был долгим и очень счастливым! Глядя на прочих, я верила – это возможно.

Только недолго семейною жизнью я с ним наслаждалась. Можно сказать – удовольствия было там мало. Нет, мой супруг благонравным был, любящим, честным… Только все время чего-то мне в нем не хватало. Я все мрачнела, хирела, грустила и молча страдала. И поняла я однажды, что брак наш – большая ошибка. Скука с привычкой губительны для отношений – истина эта мне ясно открылась однажды.

Муж мой не стал мне препоны чинить, сразу дал мне развод он. Да, обошлось без обид, мы – о счастье! – расстались друзьями. Трудно ему было, видимо, с «дикой Глафирой». Да уж, меня укротить – то была не из легких задача… В общем, он тоже свободно вздохнул, расставаясь со мною. Так миновал тот этап, и теперь я гадала: что меня ждет и найду ли я то, что мне нужно? Впрочем, тогда мне хотелось свободы и только свободы… Я порешила, что третий раз замуж не выйду. Брошу мечтанья и жить буду так, как живется.

Снова мужчины чредою сменяли друг друга… Бледные тени! Лишь ночь проведешь – и становится скучно. Только при этом томила меня непонятная жажда; прочь я старалась прогнать беспокойные смутные мысли…

И вот однажды, нежданно, «средь шумного бала» (как выражаются те, что пришли ниоткуда), зов ощутила я – сильный, отчетливый, властный… Впрочем, не зов. Это было сродни притяженью. Все всколыхнулось во мне, и, покинув своих кавалеров, стала искать я того, что был богу подобен. Много там было народу, но я б не смогла ошибиться – свет его ауры вел меня верной дорогой. Нет, не могло это мороком быть, наважденьем: всем существом восприняв его мощную сущность, я трепетала в волненье, и сердце мое колотилось… Жаром объята, увидеть его я спешила.

В тусклом сиянье огней наконец-то его я узрела. Темный его силуэт вдалеке я заметила сразу. Сумрачный облик его был окутан тоской и печалью. Над головою его ореолом незримым яркая, мощная аура власти сияла…

Я устремилась к нему, и неважно при этом мне было, как его имя и кто он такой, этот смертный. Как это странно – собой в тот момент не владея, шла я вперед, повинуясь его притяженью… С ним, только с ним я предамся утехам сегодня! Жар растекался внутри, ну а ноги несли меня сами… О, я сгорала в пожаре невиданной страсти! Тело мое трепетало в желании слиться. К счастью, никто из девиц рядом с ним не крутился.

Я появилась пред ним, как любовная дивная греза. Дальше было как будто во сне, упоительно-сладком, прекрасном… О безумие страсти, о яркий пожар вожделенья! Лишь чуть-чуть колдовства – и мой милый ничем уж не сдержан. Пляшут искры в бокалах, он шепчет мне тихо и жарко… Все мелькает в глазах; мы как будто возносимся к небу, а потом вместе падаем вниз, на согретую землю… Даже имя его не спрошу, без того мне давно уж понятно – он достоин меня, и не зря я его отыскала.

О, мы нынче безумию страсти сполна отдадимся… Ведь вся ночь впереди, и, сплетаясь, познаем блаженство. Я хочу, чтобы крепко держал ты меня в своих сильных объятьях… Будут звезды качаться, любовную песнь напевая… Будет ветер носить наши стоны по темным просторам…

Но наутро тебя я покину – заранее так я решила. Я хочу, чтобы тосковал и искал меня, молча страдая. Я не буду рабыней твоей, чтоб терпеть униженья. Я хочу быть манящей загадкой, мечтой, наважденьем… То, что с Зевсием было, теперь не должно повториться. Так что прощай, мой любимый герой богоравный, я улечу от тебя на простор, будто дикая гордая птица.

Четыреста семьдесят второй день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Бонапартий приплелся ко мне как побитая собака, причем как раз тогда, когда у меня шли занятия по тактике с господами генералами – как русскими, так и французскими. Вообще-то, должен признаться, у меня не было намерения численно увеличивать свою армию в этом мире, тем более за счет французских солдат. Еще чего. Меня и так уже стала напрягать разноплеменная многоязыкая армия, при дальнейшем расширении грозящая обратиться в неуправляемого монстра. Никогда и нигде я не должен больше пытаться воевать вместо местных.

Великая Артания потому и стала моим ленным владением, что антам было проще возложить верховные заботы на пришлого князя, который и оборонит, и рассудит, и помирит, и даст добрый совет. Больше нигде и никогда такой Артании больше не будет, да и в Китеж-граде вместо меня сейчас правят мои наместники. Я являюсь туда с войском, только если молодому государству будет грозить опасность со стороны какого-нибудь неодолимого врага. Уже имеющихся у меня сил с запасом хватит, чтобы втоптать в землю и похоронить тех же тюркотов, а ничего страшнее там еще не водится. Так что пусть пока все идет как идет.

Если предполагать, какие мне еще могут быть нарезаны задания в будущем, становится понятным, что в девятнадцатом веке критических точек осталось две: Крымская война и война с турками за освобождение болгар. Благодарные болгары нам потом за это неоднократно жидко гадили прямо на головы, потом снова клялись в вечной дружбе, потом снова гадили – и так, наверное, будет до бесконечности. Сколько братушку не корми, он все равно на Европу смотрит. Так что избави меня Боже от обязанности спасать этих людей от турецкого ига. Могу не вытерпеть и наломать столько дров, что потом лет сто печь топить хватит. Пусть лучше их спасает кто-нибудь другой тот, кому на это не жалко ни времени, ни ресурсов, и согласный на то, чтобы вместо благодарности у него сплясали прямо на голове

Если двигаться еще выше, то в двадцатом веке критическими точками являются русско-японская война вкупе с первой русской революцией, потом первая мировая война вкупе с февралем, октябрем и гражданской войной, потом Великая Отечественная - победоносная, но стоившая огромных жертв… Ну, а дальше я просто не знаю. Критических точек много – это и смерть Сталина, и Карибский кризис, и позднебрежневский застойный геморрой, который привел к Горбачевщине, и девяносто первый год, и так далее, но там я абсолютно не представляю себе, что я со своими талантами могу сделать для исправления ситуации. Не люблю такого и не хочу этой работы, но если будет приказ изменить к

лучшему судьбы тех миров, буду делать все что смогу и как смогу. Я человек военный и всегда выполняю приказы, чего бы мне это ни стоило.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что армия наполеоновских времен, даже после переобучения и перевооружения, в разборках такого высокого уровня – это чуть меньше, чем ни о чем. Разве что в крымскую войну они будут при деле; но там опять русско-французский конфликт, а значит, использовать хоть русских, хоть французских солдат Бородина в нем не следует. Здесь, в этом мире, мне нужна вечная дружба между русской и французской империями, и совершенно не хочется будить в солдатах и офицерах старые обиды. Да и зачем оно надо? Мои лилитки и уже имеющиеся пехотные легионы без всяких проблем и угрызений совести при помощи местной русской армии и флота раскатают англо-французскую армию вторжения в тончайший блин.

Так что лучшим решением в данном случае было бы сформировать и обучить местные части, а потом вернуть их по принадлежности русскому и французскому императорам. России воевать и воевать против турок и прочих отморозков, а французам еще предстоит окончательно зачистить Европу, сломать Англию и уничтожить претензии Североамериканских штатов на доминирование в Америке. Вообще-то, если брать в широком масштабе, то после нас, русских, у французов была самая гуманная колониальная политика. За ними в этом деле следовали испанцы, которые порабощали, но не уничтожали местное население; на последнем же месте стоят англосаксы, которые впрямую загеноцидили коренное население северной Америки. Если Наполеон наденет на них узду, то хуже этому миру точно не станет.

И вот он, этот самый Наполеон, заходит ко мне в кабинет и видит, как его прославленные маршалы сидят вперемешку с русскими генералами и, подобно примерным школьникам, что-то пишут в блокнотах. Я диктую материалы лекции, а энергооболочка дублирует мои слова на латыни, которой в этом веке в достаточной степени владеют все образованные французы; ну а русские понимают мои слова без перевода. Хотя некоторые из них, в силу воспитания, французским владеют даже лучше, чем родным, дубляж все равно идет на латыни. Ибо нечего практиковать низкопоклонство перед западом. Тема занятия – рассыпной пехотный строй и его отличие от линейной тактики. Ведь стоит только внедрить пулю Минье – и прогресс в оружейных технологиях понесется с невиданной скоростью. Увидев, что все заняты делом, император французов тихонько

садится в сторонке и мотает услышанное на отсутствующий ус. Пусть пехота не его стезя (он все же артиллерист), но все равно ему интересно. То, как огонь нарезных ружей выбивает артиллерийскую прислугу с дистанций, недоступных для картечного залпа, он уже видел. Остаются только известные уже несколько лет гранаты системы капитана Шрапнела, но и они не панацея, так как до переменной трубки человечество еще не додумалось. Противник тоже ведь не дурак, не будет стоять на четко отмеренной дистанции и терпеть, пока его расстреливают шрапнельными гранатами.

Но вот занятие закончилось, господа генералы и маршал дружно встали, попрощались и покинули мой кабинет. Мы с Бонапартием остались вдвоем. Я уже догадался, что у него ко мне какое-то неотложное дело, да только пока не мог догадаться, какое именно.

– Месье Сергий, – несколько помявшись, проговорил император французов, – я, конечно, извиняюсь за тот дебош, который учинил прошлой ночью…

Ну, дебош – это, конечно, слишком сильно сказано, хотя оторвался человек знатно. Мне уже доложили во всех подробностях, кто, что и когда. До этого, голышом, с голой же бабой на плечах, по городу у нас еще никто не бегал. Корсиканский, блин, похититель сабинянок. Но, с другой стороны, раз нет жалобы от второй участницы этого действа, так и извиняться не за что. Магическая звукоизоляция в местных домах работает безукоризненно, так что по городу можно по ночам хоть на танках ездить, и никто не проснется. Да и Гера была хороша. Инициатива в этом деле принадлежала исключительно ей, а Наполеон повелся на ее сексуальную провокацию, как подросток, впервые увидавший голую женщину. Поэтому я решил наплевать и забыть об этом… до лучших времен.

– …вы поймите, месье Сергий, что эта женщина просто свела меня с ума… – взволнованно говорил Бонапартий. – Даже Жозефина, как бы она ни была хороша в свои лучшие годы, не годится этой даме и в служанки. После встречи с ней я одновременно и окрылен, и разбит вдребезги расставанием; и это поражение, пожалуй, может быть пострашнее того, которое вы нанесли мне на поле боя. Помогите мне разыскать эту незнакомку и уговорить ее выйти за меня замуж, после того как я разведусь с австриячкой. Кому нужна жена, которая внешне блюдет приличия, а внутри себя истово ненавидит и боится своего супруга?

– Друг мой, Буонапарте, – сказал я в ответ, – вы даже не

представляете, как вам не повезло. Та, что стала избранницей вашего сердца, на самом деле является богиней Герой, бывшей супругой бывшего верховного бога Зевсия, за неумеренное интриганство засунутого мною в такую дыру, из которой нет выхода даже такому могущественному существу. Поскольку такая ссылка для внешнего мира равносильна смерти, Гера объявила себя свободной женщиной и в знак протеста против прошлых похождений своего бывшего благоверного тоже ударилась во все тяжкие. А протестовать там было против чего. Месье Зевсий явно исповедовал принцип, что всех баб не … но к этому надо стремиться. Вот и Гера за те полтора года, что она путешествует вместе с нами, постоянно меняла мужчин. В одном из предыдущих миров она попыталась было остепениться, покреститься и выйти замуж, но ничего из этого не вышло. Через месяц тихой домашней жизни ей все это надоело, в результате чего она развелась с тем мужем и снова ударилась в загул, сильнее прежнего. Подумайте, нужна ли вам такая жена и согласится ли она вообще выходить за вас замуж даже при всех моих уговорах?

– Я все понимаю, месье Сергий, – вздохнул Император французов, – но все равно нахожусь под сильнейшим впечатлением очарования этой женщины. Она поразила меня в самое сердце, как разряд молнии, и я буду вам благодарен даже в том случае, если вы хотя бы просто попытаетесь уговорить ее стать моей женой.

Ну что же, попытка не пытка. В первую очередь я вызвал к себе в кабинет лечащего врача Наполеона, нашу несравненную Лилию, чтобы она проверила, нет ли на ее пациенте каких-нибудь привязок, отвязок, приворотов, отворотов, и прочей магической лабуды, которая могла бы повлиять на его психику. Я в таких вещах разбираюсь плохо, не мой это профиль. Лилия материализовалась в кабинете тут же, даже до того, как я успел подумать о том, что она мне нужна.

На этот раз ей даже не нужно было раздевать пациента. Пристальный взгляд, просьба повернуться кругом – она отрицательное покачала головой.

– Нет, папочка, – заявила мне маленькая нахалка, – ничего похожего на враждебное магическое вмешательство в психику я не наблюдаю. Конечно, вчера пациент перебрал с транквилизирующими, возбуждающими и наркотизирующими заклинаниями, употребленными внутрь с магической водой, но ни одно из них не имело враждебной направленности и не закрепилось в его психике. Налицо ситуация, схожая с подростковой влюбленностью, когда передозировка гормонов

заставляет мужчину сходить с ума по естественным, так сказать, причинам. Кстати, госпожу Анну можете не беспокоить, такие вот доброкачественные вывихи психики она тоже не корректирует, ведь враждебное вмешательство не зафиксировано, а значит, и опасности для психики нет.

Выслушав это, я поднял очи горе. Император французов, будто подросток, влюбленный во взрослую тетку – это, пожалуй, то еще счастье. Конечно, остается шанс, что Геру все же удастся уговорить и все у них срастется, но верится в это мало. Конечно, я могу не уговаривать, а просто надавить на нее, ибо приговор, когда-то вынесенный Афиной, ставит Геру по отношению ко мне в подчиненное положение, но я не хочу использовать такую возможность. Это не тот случай, когда можно было бы использовать принуждение. Хотя поговорить с Герой стоит, потому что иначе Бонапарт может съехать с катушек. К тому же он очень сильно отличается от Петра Басманова. В тереме он ее явно запирать не собирается, да и жизнь французской императрицы начала девятнадцатого века намного насыщенней и интересней, чем жизнь русской боярыни за двести лет до того момента. Одним словом, я с ней для начала поговорю, а там будет видно. Может, все и срастется, ко всеобщему удовольствию…

Четыреста семьдесят третий день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Власти.

бывшая богиня, а сейчас просто Гера.

Чувствовала я себя весь день просто великолепно – так, словно меня наполнили настоящей амброзией, которая есть эликсир молодости и силы, а не той подкисшей бурдой, которую из экономии в последнее время начали подавать на Олимпе. Я не ощущала веса своего тела! Мне хотелось танцевать и смеяться. Весь мир заиграл для меня новыми красками и стал казаться интригующе-загадочным, как во времена далекой юности… И с чего бы это? Уж не связано ли такое приподнятое состояние с бурной ночью, которую я провела с незнакомцем? Ха-ха, глупый вопрос, хоть и задан он самой себе. Риторический, как выражаются смертные… Разумеется, всему причиной тот мужчина. Нет, не то, что мы с ним делали, а именно он. Со мной произошло удивительное – за много веков я впервые испытала такое непреодолимое влечение и такое потрясающее наслаждение… Причем дело тут не только в рефлексах моего тела. Что бы там ни думали эти смертные, я не вхожу в число банальных шлюх. Меняя мужчин, я, можно сказать, просто набиралась опыта. Мы, божественные сущности, можем обмениваться энергией как с подобными себе, так и с некоторыми

избранными смертными – но происходит это в крайне редких случаях. Энергия должна быть подходящей… Такой, которая пошла бы нам на пользу; мы способны чувствовать того, кто может дать нам ее. Не просто дать, но и взять взамен… Это всегда благотворно действует на обоих, кроме того, в некоторых случаях создает достаточно прочную связь.

Ну да, мощная аура силы и власти, что висела над головой моего избранника и которую я почувствовала издалека, как раз и была лично для меня признаком того, что он – тот, кто мне нужен, тот, кто подойдет мне как нельзя лучше для обмена энергией. В тот момент, когда я его узрела, я еще не вполне отдавала себе в этом отчет; полное понимание этого пришло уже гораздо позже – да вот только сегодня, ближе к вечеру, когда я хорошенько прочувствовала и обдумала произошедшее между нами. Вывод я сделала следующий: человек этот – уникален, и знакомство с ним стоит продолжить… Впрочем, какое знакомство? Мы же не даже знаем имен друг друга. Это было вполне в моем обычае – не спросить у очередного партнера его имени и не назвать ему своего. Зачем? Ведь меня и так все знают, а мне, как правило, партнеры были нужны на один раз. Как я уже говорила, обычно мои временные любовники знали, кто я такая. И это знание возбуждало и окрыляло их… Но, несмотря на это, никто из них доселе не смог произвести на меня сильного впечатления. Никто, кроме этого… как же его зовут? Как-то даже неловко, что я не могу назвать его… Воистину он достоин того, чтобы я называла его по имени.

Правду сказать, до сего дня я досадовала, что мне нельзя было поступать с любовниками подобно царице Клеопатре, убивая их после проведенной вместе ночи. Такого подхода к свободной любви не одобрил бы ни Серегин, ни его приближенные, ни наш милый дядюшка, которого смертные зовут Небесным Отцом. А их совместное неодобрение – штука очень неприятная даже для меня, бывшей богини Геры, все равно оставшейся бессмертной. Собственно, для летального исхода мне хватит одного Серегина, который как Бог Войны сейчас даст сто очков вперед и покойнику Аресу, и вполне здравствующей Афине. Кстати, Серегин еще не знает, а мне уже известно, что наша Афина благополучно (что ей, корове, сделается) разрешилась от бремени мальчиком. Теперь она ждет не дождется, пока ее сынок вырастет и унаследует всю полноту власти.

Ну ладно. Вернемся к моему последнему любовнику. Собственно, узнать его имя труда не составит. Уже сейчас мне очевидно, что он – великий военачальник. Уж не французский ли это император? В таком случае странно, что его в тот вечер все

отвергли. Впрочем, этим дурам амазонкам было не разглядеть ауру этого смертного, которая, конечно же, изрядно добавляет ему привлекательности в моих глазах… Да что там – именно блеск его величия, никому более не видимый, свел меня с ума! И вот теперь, проведя с ним ночь, я ощущаю свою связь с ним. Он продолжает притягивать меня! Да, покидая его на рассвете, я знала, что так будет. Но остаться я не могла. Нет, не потому, что я желала поступить согласно своим привычкам, а потому, что именно у меня должно было быть преимущество. Там, где начинается любовное притяжение, отношения переходят в разряд тонкой материи… Если он ощущает то же, что и я, он попытается найти меня! И что-то мне подсказывало, что непременно так и будет.

Прошло совсем немного времени – и я поняла, что не ошиблась. Правда, произошло это самым неожиданным образом. Обычно, когда я того не хочу, найти меня чрезвычайно сложно, но, видимо, в этот раз была применена какая-то могущественная магия, потому девчонка-подросток из амазонок, служащая у Серегина на посылках, безошибочно нашла меня и предала сложенный конвертиком листок бумаги, на котором рукой были написаны только два слова «надо поговорить». Ну что же – поговорить так поговорить. И, кстати, если не указано конкретное место, то значит, он ждет меня в своем кабинете в штабе. Но при этом я и предположить не могла, о чем пойдет наш с ним разговор. У меня не было ни малейших сомнений – надо идти. Серегин не из тех сущностей, что по пустякам будут тратить свое или мое время.

Он действительно ждал меня в кабинете. Когда я вошла, он в течение нескольких минут смотрел на меня с ироничным интересом, не произнося ни одного слова. В его взгляде явственно читалось: «Ну что, Гера, может, хватит дурью маяться?»

Я же невозмутимо смотрела ему в глаза, ведь никакой вины за мной не было. А запретить мне маяться дурью он не может – не его это прерогатива. И вообще, личная жизнь неприкосновенна.

Наконец он, вздохнув, заговорил:

– Ну что, Гера-Глафира…

Последовала пауза. Тон его был таким, словно ему нелегко начать со мной разговор. Да в чем же дело-то? Скорей бы уж узнать…

– Сразу скажу – мораль тебе читать я не собираюсь, – наконец продолжил он. – Можешь, конечно, и дальше сходить с ума, но учти, что это тебе на пользу не пойдет. А я, собственно, позвал тебя по другому поводу… – Он оглядел меня с ног до головы, чуть заметно улыбнувшись при этом. Затем, посерьезнев, сказал

совершенно другим, каким-то торжественным голосом: – Значит, так, Гера-Глафира Батьковна, тьфу ты, Кроновна… Тут к тебе сватается один уважаемый человек, говорит, что втюрился в тебя по самые уши и жить без тебя не может…

Он сделал многозначительную паузу, испытующе глядя на меня.

Да-да, я не ослышалась. Влюблен! Жить без меня не может! Сватается! Уж чего-чего, а вот этого я точно не ожидала. И потому я даже не знала, что сказать в ответ. При этом, наверное, мое лицо выглядело крайне удивленным и глупым, потому что Серегин довольно хмыкнул и ободряюще мне улыбнулся.

– Что, Гера-Глафира, удивлена? Я не шучу. Претендент на твою руку и сердце лично попросил меня поговорить с тобой, так как сам он на это не решается… Я не стал отказывать (хотя и мог бы), так как считаю, что союз ваш вполне возможен…

– Что же он такой нерешительный? – вырвалось у меня.

– Ну, Глафира Кроновна, мужчина всегда становится робок перед женщиной, в которую влюблен… Это нормально… – сказал Серегин. Он, видимо, хотел немного поинтриговать меня, не называя имени «жениха». В его глазах светилось лукавство. Но, по крайней мере, мне было очевидно одно – что он в какой-то степени заинтересован в том, чтобы мой предполагаемый брак с таинственным незнакомцем состоялся.

Но кто же просит моей руки? Сказать по правде, я очень желала в тот момент, чтобы это оказался ОН. Но так быстро решиться на женитьбу… Я, если честно, для начала рассчитывала лишь на то, что ОН будет меня искать… О том, чтобы связать себя узами брака, я даже не помышляла.

Серегин не торопился продолжить разговор. Очевидно, он ждал, как я поведу себя.

– Друг мой Сергий… – сказала я наконец, тщательно подбирая слова, – для меня все это весьма неожиданно, и, кроме того, я даже не знаю, о ком идет речь… Поэтому…

– Не переживай, любезная Гера-Глафира! – перебил он меня. – Поверь, это воистину достойный человек. Он великий полководец и правитель, и кроме того ты его прекрасно знаешь. Прошлой ночью вы с ним вдвоем устроили безобразный дебош, о котором сейчас говорит весь город. Что поделаешь, коллектив у нас почти исключительно женский, а вы, бабы, любите поговорить, кто, когда, кого и почем.

«Так это и вправду тот самый знаменитый император французов, которого Серегин победил несколько дней назад, а потом принялся лепить из него своего союзника! – изумленно подумала я. – Так вот с кем я провела ночь… Вот почему у него

такая мощная аура власти…»

Непривычное ощущение поднималось во мне – это было радостное волнение, ликование; и я не могла его подавить. Наполеон, великий император! Это он хочет жениться на мне! Не просто продолжить «отношения», а заключить со мной законный брак! Да-да, именно так, иначе он не обратился бы к Серегину – наш Артанский князь сводней не работает и в интрижках не участвует, а только в серьезных делах, которые и ему небезразличны. А почему он заинтересован в нашем союзе? Ведь сейчас Наполеон – его пленник. Неужели он намерен его выпустить с какой-то своей целью и явно не на смерть? Что ж, значит, у Серегина есть определенные планы на моего Бонапартия… А меня он счел достойной партией для того, чтобы составить тому пару… По крайней мере, моя кандидатура не вызвала у него отторжения.

Все это было так замечательно, что я даже боялась выразить свою радость. Но от нашего Серегина скрывать свои чувства бессмысленно. Он хоть и не читает мысли подобно Анне Сергеевне, но его интуиции может позавидовать любая сивилла. Одним словом, он усмехнулся и сказал:

– Да-да, ты правильно догадалась – это Наполеон Бонапарт! Правда, Глафира Кроновна, есть один маленький нюанс – наш друг пока еще связан узами брака… Но! – Он поднял палец кверху, увидев, что последнее сообщение меня разволновало, – для нас это не проблема. При перемещении его супруги в другой мир без права возвращения ее можно будет официально признать умершей – ну да не мне тебе это объяснять… Так что можешь считать, что он уже холост. Добавлю, что лично я считаю вас идеальной парой. Оба вы – люди зрелые, с опытом, так сказать… Искра между вами есть? Есть. В дальнейшем вы сможете благотворно влиять друг на друга. При благоприятном стечении обстоятельств ваша идиллия может продлиться довольно долго даже с твоей точки зрения. Но помните – власть вам будет дана только над половиной того мира. Вторая половина находится под моим покровительством. Малейшее мое неудовольствие – и можно будет заказывать гроб с музыкой. Твой будущий муж это знает, и тебе об этом тоже напомнить нелишне. Помнишь, как оно в тот раз оборотилось?

Закончив говорить, Серегин на некоторое время замолчал, пристально глядя на меня. Наверное, он давал мне возможность обдумать его слова. И тут я впервые поняла, что мне предстоит сделать важнейший шаг в моей жизни. И мне нужно было время, чтобы все обдумать. Сейчас же в голове был полный сумбур…

– Ну так что? – подал голос Серегин. – Каков твой ответ,

Глафира?

– Друг мой Сергий… – сказала я, – могу ли я дать ответ позже?

– Конечно! – сказал он. – Ступай и хорошенько подумай. Все-таки брак – это серьезное предприятие. Последний раз ты, очевидно, не очень хорошо подумала, когда выходила замуж… По себе надо спутника выбирать, голубушка… Скука – это, как сказал кто-то из мудрых, ржавчина для отношений. С Бонапартием же ты точно не заскучаешь, это уж как пить дать….

19 (7) сентября 1812 год Р.Х., день двенадцатый, 11:35. Французская империя, Париж, императорская резиденция Тюильри.

Мари́я-Луи́за Австри́йская, вторая супруга Наполеона I и императрица Франции

Всегда, когда я думала о своем муже, в душе у меня поднималась обида. Не могу сказать, что я ненавидела его, но я все время желала ему чего-то нехорошего… Я не могла в себе это побороть. В любой ситуации я сохраняла невозмутимый вид, но никто не знал, что у меня в душе… О, ведь я принцесса крови, истинная аристократка, и никогда не стала бы вести себя подобно этим неотесанным корсиканским деревенщинам – моим золовкам, которые совершенно не могут сдерживать свои порывы и прятать свои мысли. Я видела их насквозь, и они об этом догадывались, а потому и недолюбливали меня. Но мне, собственно, было безразлично их отношение. Я по мере возможностей выполняла свой долг. Ведь именно я – императрица, супруга императора Франции Наполеона Бонапарта, а они, его сестрицы, не более чем приживалки в императорском дворце, что бы они о себе ни воображали.

Собственно, мне не следовало бы жаловаться на свою долю. Насколько было мне известно, многим европейским принцессам везло значительно меньше, чем мне. Случалось, что кому-то из них в мужья попадался пьяница, кому-то – извращенец… ведь королевские браки по расчету учитывают все что угодно, кроме чувств и наклонностей будущих супругов. Наш, принцессин, долг состоит в том, чтобы жертвовать собой во имя интересов своей страны. Надо мной же, очевидно, светит счастливая звезда. Ведь в этом замужестве, в общем-то, все оказалось не столь ужасно, как могло бы быть. Но все-таки я смею думать, что заслуживаю лучшей доли… Ведь мое положение так зыбко. Сегодня я императрица Франции, а завтра как побитая собака буду вынуждена возвратиться к моему отцу, или вообще, подобно моей тетке Марии-Антуанетте, попаду на гильотину, и голова моя скатится в корзину с отрубями… Ведь мой супруг воюет сейчас в

далекой России и недавно до нас дошло известие, что на ближних подступах к Москве он потерпел ужасающее поражение от русской армии и попал в плен. Узнав об этом, я испытала страх пополам с облегчением.

Да, я с детства ненавидела Бонапарта. Сначала революционный генерал, а потом и кровавый диктатор, принявший на себя императорский титул, он внушал ужас окружающим, неизменно одерживая одну победу за другой. Я только и слышала вокруг: «Корсиканское Чудовище»… Он, как хотел, кромсал на куски Европу, перекраивая ее карту по своему усмотрению. Я воображала его ужасным злодеем с кривой ухмылкой и налитыми кровью глазами. Да, разговоры окружающих о нем носили оттенок ненависти и страха. Для них он был непобедимым завоевателем, разрушителем мира, вроде ужасного Атиллы, исчадием ада, несущим беды и разрушения… Разговоры эти давили на меня, заставляли испытывать беспокойство.

Беспокойство это с некоторых пор стало весьма навязчивым, и тогда мой детский разум нашел остроумный выход – я превратила в Наполеона одну их своих старых кукол. Я даже попросила портниху сшить на нее французский мундир. Лицо кукле я раскрасила красками, придав ему весьма злобные черты. Кукла получилась одновременно и жуткая, и смешная. Бывало, наслушавшись разговоров взрослых, я приходила в свою комнату, брала Наполеона и с наслаждением лупила его по заднице. Я воображала, что он кричит и просит пощады… А когда я бывала чем-то рассержена, то просто швыряла куклу об стену – мне тут же становилось легче. Словом, игрушечный Наполеон отлично выполнял свою роль – с его помощью я справлялась со страхом, напряжением и раздражением. Ведь на людях я должна была подавлять свои чувства и выглядеть, как это и подобает принцессе, спокойно и безмятежно.

И кто мог знать тогда, что именно мне уготовано стать женой Корсиканского Чудовища и императрицей Франции? Какая злая насмешка судьбы! Когда отец с Меттернихом сообщили мне о своей задумке, я испытала сильное потрясение. При этом я знала, что если не соглашусь на этот брак, отец не станет сильно настаивать. Но немного подумав, я согласилась… С моей стороны это, конечно же, была жертва. Я хотела спасти Австрию, которую Корсиканское чудовище грозилось втоптать в прах. В конце концов, не в этом ли заключается смысл жизни почти любой принцессы – обеспечивать мир между государствами путем вступления в брак? Ради своей страны я пошла на этот шаг, так как в противном случае Наполеон просто сверг бы с престола

моего отца, заменив его на одного из своих выскочек-маршалов (примеров тому было предостаточно), и древней династии Габсбургов пришел бы конец.

Словом, я покорилась обстоятельствам с чувством глубокого довольства собой. Уже гораздо позже я задумалась о том, почему решилась на этот шаг с такой легкостью. Наверное, я надеялась повлиять на будущего супруга, влюбить его в себя… Конечно же, я была в курсе его любовной истории с Жозефиной, и, надо сказать, она меня впечатлила. Но та женщина не смогла родить ему наследника – ах, ведь она была уже стара для этого… И потому он развелся с ней. Разумеется, до меня дошло и его обидное высказывание о том, что он «женится на утробе», но я постаралась не придавать этому большого значения. Ведь он же корсиканец – а значит, простолюдин и попросту дикарь! Стоит ли ждать от него такта?

Однако выполнять одну лишь роль «утробы» мне не хотелось. Древняя кровь королей будила во мне гордость и тщеславие. К счастью, Господь наградил меня недурной внешностью. И я мечтала о том, что сумею обольстить Корсиканское Чудовище, очарую его и сделаю так, чтобы он относился ко мне с уважением.

Но все оказалось не так просто. До сих пор с чувством стыда и досады вспоминаю нашу первую встречу… К тому времени заключение «брака по доверенности» уже состоялось, а это означало, что он заочно стал моим мужем. Ему так не терпелось увидеть меня, что он выехал из Брунау навстречу нашему кортежу, направляющемуся из Австрии. Вероятно, он все же ожидал, что ему подсунут дурнушку. Ведь он ни разу не видел меня, а к портретам относился с недоверием, считая, что художники льстят высокопоставленным особам.

С каким же чувством триумфа я увидела, как он оживился, как загорелись его глаза, когда он впервые узрел меня! Да, мне практически сразу удалось сразить его. Никогда я не забуду этот момент – он, чуть подавшись вперед, откровенно разглядывает меня; я же, испытывая смущение, то и дело опускаю взгляд. Кроме того, я с изумлением обнаружила, что он выглядит совсем не так, как я себе представляла. Он отнюдь не казался чудовищем. В нем было что-то, чего не могли передать портреты; к моему собственному удивлению, он показался мне весьма привлекательным. И потому те слова, что отец наказал мне сказать ему при встрече, прозвучали совершенно искренне: «Вы лучше, чем на портрете…» Он ухмыльнулся – это вышло у него как-то неприятно, несколько покровительственно, словно он нарочно хотел уязвить меня. Да, вероятно, так и было – он с первой же минуты, еще не произнеся ни слова, уже дал мне

понять, что я должна безропотно подчиняться его воле…

А уж то, что произошло дальше, было и вовсе унизительно для меня. Напрасно я надеялась, что он проявит уважение и соблюдет традиции. С ужасом я осознавала, что мой муж – грубый солдафон… Едва мы приехали В Брунау, он взял меня за руку и, с ног до головы окинув горящим взглядом, заявил, что раз я его жена, то он немедленно займется со мной главным делом… При этом его люди смущенно переглянулись, я же покраснела до кончиков ушей. Неслыханно! До чего он дерзок и бестактен! Когда кто-то попытался мягко вразумить его, он заносчиво ответил, что может позволить себе вести себя так, как сам сочтет нужным, и… и мы удалились в спальню.

Там, в покоях, он набросился на меня точно дикий лев. Нет, он не был слишком груб, но весь этот его чувственный порыв пугал меня, не давал опомниться. Я ожидала совсем, совсем другого… А он резкими движениями срывал с меня одежду. Овладевая моим телом, он шептал мне на ухо что-то непристойное… Я же дрожала, чувствуя себя безвольной полонянкой в жадных руках победителя, торопящегося воспользоваться моментом своего триумфа. И все это – с мучительным осознанием того, что там, за дверью, шепчутся и осуждающе качают головами его – а теперь уже наши – придворные.

Все, что он делал со мной, я терпела молча. Закричать или застонать – это значит потерять лицо. И только одна мысль билась в моей голове: «Неужели это теперь будет происходить только так – торопливо, без всякого оттенка чувств, точно у животных?» Мой муж фактически меня изнасиловал, когда взял меня – не спрашивая моего согласия и не пытаясь доставить мне удовольствие. Воистину Корсиканское Чудовище – дикарь и людоед… И сердце мое наполнялось тоской. При всем при этом я обнаружила, что супруг отнюдь не противен мне. И мне хотелось от него ласки, нежности, поцелуев, трепетных поглаживаний… Но ничего этого он мне не давал. Всякий раз, когда мы с ним оказывались в постели, мной овладевало мерзкое ощущение, что я для него – даже не человек, а просто красивая вещь; вещь, которую купили и теперь она обязана выполнять свое предназначение; вещь, которой просто пользуются, а когда она придет в негодность, ее просто выкинут на свалку.

Я много молилась, пытаясь примириться со своей судьбой, в то время как, по мнению других, мне следовало ощущать себя самой счастливой женщиной на свете. Но вместо этого я все больше приходила к выводу, что никогда мне не стать для мужа чем-то большим, нежели просто «утроба»… И горечь вползала в

мою душу, отравляя существование.

Вместе с тем чувственность моя просыпалась. Но супругу не было до этого дела. Наверное, он считал, что я абсолютно холодна и не испытываю желания. Ну да, ведь он привык иметь дело с опытными женщинами…

Поскольку я не смогла забеременеть сразу, он стал вести себя просто оскорбительно, доводя меня до слез. Он кричал на меня, топал ногами… Говорил ужасные вещи! Да, таким оказался мой муж… Чудовище – не зря его так назвали. В минуты его бешенства меня спасало одно – глядя на него, я воображала его маленьким, с тряпичным телом; я кладу его на колени и хлещу по заднице… Наверное, это мысленная картина вызывала легкую улыбку на моем лице, потому что он, багровея от ярости и потрясая кулаками над моей головой, шипел: «Зачем я только женился на вас! Вы даже забеременеть неспособны! Вы холодная, кичливая особа! И еще смеете смеяться мне в лицо…»

Однако я не испытывала перед ним страха. Все-таки в какой-то степени он зависел от меня – никогда он не причинил бы мне вреда. Кроме того, он был одержим постельными утехами со мной – казалось, моя неискушенность только возбуждает его… Как хорошо, что Господь наградил меня привлекательной внешностью!

Когда стало точно известно, что я забеременела, он совершенно изменился. Теперь он едва ли не на руках меня носил, выполняя любые капризы. А мне было горько оттого, что для него ценность представляет исключительно будущий наследник, но не я сама… Однако я старалась примириться с положением вещей.

Рождение сына стало для моего супруга главным событием его жизни. Он был так счастлив, что порой походил на безумного. Одновременно с тем он стал охладевать ко мне… Что ж, моя функция была исчерпана… У него стали появляться любовницы. А вскоре он двинулся войной на Россию… что и стало его роковой ошибкой. Ведь у этой станы, во много раз превосходящей все Европейские государства вместе взятые, есть начало, но нет никакого конца. Вторгнуться с армией в эту страну – все равно что бросить камень в омут без дна: сделать это сможет любой дурак, а вот вытащить обратно не сумеют и тысячи мудрецов. Поэтому я понимала, что ему не стоит этого делать, однако мой супруг был упрям. Он считал, что завоевание России необходимо для того, чтобы он обрел мировое господство, не для себя, а для нашего общего сына. Наш Шарль должен был стать императором не только Франции, но и всего мира.

Я понимала, что мне, как его супруге, надлежит переживать и

беспокоиться за успех этого безумного предприятия. Но ничего подобного я не испытывала. Наоборот – при известии о несчастье мне, после короткого приступа страха, стало легко и свободно. Вот так – мой непобедимый супруг потерпел военное поражение и попал в плен к русским… Как я ни старалась, не могла найти для него в своем сердце ни малейшего сочувствия. Хотя некоторые угрызения совести там присутствовали… Но, глядя трезво на наши с ним отношения, я неизменно убеждалась, что не смогла бы быть с ним счастливой… А мне так хотелось любви! Хотелось познать истинное наслаждение в близости с мужчиной…

И я решила немедленно собраться и уехать в Австрию, к отцу. Что мне теперь делать во Франции? Я так и не смогла стать здесь своей. Гордячка-австриячка – шипят мне вслед придворные. На родине я сразу почувствую себя уверенно и спокойно. И все пойдет своим чередом… Надеюсь, что очень скоро у меня завяжутся близкие отношения с графом Нейпергом, с которым мы познакомились во время моей свадьбы с Бонапартом. Ведь он такой красавчик, хоть и одноглазый, и к тому же герой, всю жизнь воевавший с Корсиканским Чудовищем.

Я не хотела бы больше встречаться с Бонапартом, даже если русские и отпустят его. У меня нет злости на него, и я от души желаю ему всего самого лучшего, даже несмотря на обиду (которая уже начинает понемногу проходить). Я сама буду воспитывать своего сына и еще, возможно, выйду замуж за достойного человека. Не знаю даже, кем мне суждено остаться в истории для французов – любимой женой великого императора или чванливой чужачкой. Да и не все ли мне равно, ведь впереди у меня новая жизнь… Надо немедленно отдать приказ начать сборы, ведь здесь, в Тюильри, я не желаю оставаться даже на одну лишнюю ночь.

час спустя. Французская империя, Париж, императорская резиденция Тюильри.

Предотъездная суета в покоях Марии-Луизы достигла апогея, когда внезапно в коридорах императорского дворца раздались тяжелые шаги и лязг оружия, которые могли принадлежать только большой группе вооруженных мужчин. Служанки и придворные дамы, случайно оказавшиеся на пути процессии, с писком, будто испуганные воробушки, разлетались во все стороны, бормоча что-то вроде: «О, Боже мой, это же сам император!». Это действительно был император Наполеон, собственной персоной. Похудевший и злой, он стремительно шагал по коридорам Тюильри, сжимая в руке шпагу, и гвардейские часовые при его появлении вытягивались во фрунт и, отдавая честь, восторженно рявкали: «Да здравствует его

императорское величество Наполеон Первый!».

Любим был своими людьми император Наполеон, любим, даже несмотря на то, что постоянные войны в Европе, в последнее время потерявшие всякий смысл, уже изрядно поднадоели народу, а непрерывные рекрутские наборы в буквальном смысле обескровили* Францию. И никого при этом не интересовало, как Наполеон одним махом смог преодолеть пространства отделяющие Париж от далекой бескрайней России, и что это за люди (двое мужчин и две женщины) бок о бок, в ногу идут рядом с Наполеоном. Самое главное было в том, что Император вернулся в Париж, и теперь все будет хорошо! И теперь он сам может поставить на место заносчивую австриячку, которую большинство ее новых подданных подозревали в измене, так же как и ее тетку, гильотинированную королеву Франции, жену Людовика Шестнадцатого Марию-Антуанетту.

Примечание авторов: * *демографы отмечают, что после наполеоновских войн средний рост французских мужчин уменьшился примерно на десять процентов. Франция была Наполеоном обескровлена и больше никогда не смогла подняться до прежних высот. И немалую роль в этом процессе сыграла Наполеоновская армия, бесследно сгинувшая на просторах России.*

А иначе к чему все эти торопливые сборы посреди ночи? Наверное, изменница пронюхала о возвращении супруга и собралась бежать, но Император успел раньше… некоторые при этом уже предвкушали гильотину, установленную на Гревской площади, и прелестную головку, скатывающуюся в корзину с отрубями… Сам Наполеон, пришедший в ярость от сцены предполагаемого бегства, может быть, в ослеплении гнева и дошел бы до крайностей, но его спутники были сильно против кровавого исхода этой эскапады. Никаких казней; и вообще – отбросов нет, а есть кадры.

Но вот Наполеон дошагал до оформленных в новогреческом стиле покоев жены и с треском распахнул тяжелые двустворчатые двери, обильно украшенные позолоченной резьбой. Мария-Луиза, вместе с личными камеристками и придворными дамами укладывавшая в сундучки драгоценности, при виде своего благоверного, пребывающего в состоянии безумной ярости, испуганно сжалась в комок. Она, конечно, слышала приближающийся шум, но не предполагала, что это за ней пришла сама судьба.

«О, Господи! – подумала она, – Бонапарт безумен, он же ничего не соображает. Теперь, когда у него уже есть наследник, ему не нужна уже даже моя утроба. Сейчас он проткнет меня насквозь своей шпагой и я не доживу даже до Гревской площади!»

А Бонапарт, распахнув двери, сделал внутрь три шага, чтобы впустить своих спутников, и остановился, сардонически скривив губы.

– Ну что, моя дорогая, – с оттенком ядовитой иронии произнес он, – не ждали и премного опечалены, что не успели удрать до моего появления? Могу вас разочаровать. Бегство бы вам ни в коем случае не помогло бы. Вот видите, по правую руку от меня стоит месье Сергий из семьи Сергиев, герой и полководец, князь далекой страны Великая Артания, а также Полномочный представитель Господа Нашего в подлунных мирах и его Бич, без жалости карающий непослушных чад. Сила его безмерна, и он с легкостью разгромил мою армию в битве у Москвы-реки, и с такой же легкостью его люди смогли бы обнаружить и пресечь ваше бегство, вернув вас в руки законного супруга. Но так как месье Сергий – посланец Божий, а не дьявольский, то он очень не любит убивать без особой нужды. Он считает, что все кровавые жертвы, приносимые на алтарях (без различия от того, к чьему имени взывали жрецы, вонзая ножи в беззащитные тела) идут на пользу только врагу рода человеческого и никому более. Поэтому, по праву моего победителя, он потребовал от меня сохранить вашу жизнь, и я согласился – при условии, что вы навсегда покинете не только Францию, но и сам наш мир, отправившись в вечную ссылку без права возвращения. Сделав это, я, подобно Понтию Пилату, умываю руки. И зачем я только женился на такой подлой и неверной твари, как вы?! Лучше бы было взять в жены какую-нибудь белошвейку, которая была бы счастлива от того, что на нее обратил внимании сам император, и которая молча рожала бы мне здоровых и крепких детей, воспринимая каждое мое слово как божественное откровение. Но увы мне, увы…

– Я буду твоей верной белошвейкой, мой милый Буонапартий… – проворковала высокая статная черноволосая красавица, на которой белоснежный древнегреческий хитон с золотой вышивкой выглядел воистину императорским нарядом, не то что на Марии-Луизе, на которой похожая одежда сидела будто седло на корове.

– Я верю, моя дорогая Гера, – сказал Наполеон, глядя на черноволосую красавицу влюбленными глазами, – что жить с тобой мы будем долго и счастливо. Настолько долго, сколько дней отпустит нам Господь.

– Долго?! – воскликнула Гера, – ты ошибаешься, мой дорогой! Со мной твое счастье будет вечным и таким же вечным будет твое правление. Ты как солнце будешь светить той половине этого мира, которую дядюшка руками дорогого Артанского князя отдал

нам в кормление. Верь ему, все у нас будет хорошо, ведь я однажды тоже потерпела от него поражение, но нисколько об этом не жалею, ибо жизнь моя после того только улучшилась.

Тем временем месье Сергий, весь подтянутый и мускулистый, будто тигр, принявший человеческий облик, окинул уже бывшую императрицу Франции внимательным взглядом и на чеканной латыни произнес:

– Госпожа Мария-Луиза, императрицы Франции из вас не вышло, но и герцогиней Пармской вам тоже не бывать. Собирайтесь, сударыня, вы идете с нами. Драгоценности вам при этом не понадобятся, личные вещи тоже. Нагой вы пришли в этот мир, нагой и уйдете из него. И поскольку ссылка эта по воле Небесного отца, творца всего сущего, будет, для всех знающих вас равносильна вашей смерти, то перед тем как вы покинете эту комнату, вы по все правилам должны будете исповедаться отцу Александру, чтобы он отпустил вам грехи ваши, вольные или невольные. Ну-с, сударыня, начинайте…

Сказав это, Артанский князь щелкнул пальцами – и Мария-Луиза почувствовала как вдруг разом на ней исчезла вся одежда, а уложенные в замысловатую прическу светлые волосы рассыпались по плечам, прикрывая начинающее полнеть тело. От неожиданности она вся сжалась в комок, прикрывая ладонями пышные груди и мохнатое женское естество.

– Да уж, – сказала вторая спутница Артанского князя, – это вам не Нарчат. Вот у той было тело, а у этой какой-то дряблый студень. И как только Боня ложился в постель с таким чудовищем?

– У твоей Нарчат, – сказал месье Сергий, – мозгов было лишь чуть побольше, чем в ляжке у кузнечика. Все ее мысли крутились только вокруг того, прямо сейчас ее изнасилуют, или подождут до вечера. Она, ничуть не задумываясь, бросила бы свой народ в мясорубку истребительной войны и остановила ее только твоя тяжелая рука, от души отшлепавшая вздорную девку по толстым ягодицам. Госпожа Мария-Луиза – птица совсем другого полета, и если доверить ей править каким-либо народом, то она жизнь свою положит за то, чтобы тот жил в счастье и безопасности.

Мария-Луиза посмотрела в суровые глаза священника, приблизившегося к ней с крестом наготове, и отрицательно покачала головой.

– Я не буду исповедоваться священнику-ортодоксу, – сказала она, – позовите моего духовника, и вообще, кто вы такие, чтобы вершить суд над дочерью австрийского императора?! Отпустите меня к отцу, и я обещаю, что больше никогда не доставлю вам проблем.

– Ни о каком возвращении к вашему отцу не может быть и речи, – сурово сказал Артанский князь. – Только ссылка, равная смерти, может спасти вашу никчемную жизнь. Что же касается исповеди православному священнику, то могу сказать, что, исповедуясь отцу Александру, вы все равно что исповедуетесь самому Небесному Отцу, которого вы называете Всевышним. Ибо этот священник и есть Его Голос, изрекающий людям высшую волю и окончательный приговор. А в вашем духовнике, не свершившем в жизни ни одного – ни мирского, ни духовного – подвига, святости нет и на гнутый сантим. И сразу скажу, что вашей исповеди здесь не услышит никто – ни я, ни ваш бывший муж, ни та, что сменит вас на его супружеском ложе. Но только сразу должен предупредить, что солгать отцу Александру не получится. То есть вы можете попробовать, но тогда, поцеловав его крест солгавшими устами, вы можете получить какую-нибудь неожиданность. Ожог как от раскаленного докрасна железа, или лицо, обметанное гнойными оспинами. Были уже, знаете ли, прецеденты. Ну что, сударыня, решайтесь, каково будет ваше самое верное положительное решение?

Дрожащая от ужаса Мария-Луиза чуть заметно кивнула, и приблизившийся к ней священник накрыл ее и себя пологом молчания, так что никто больше не услышал от Марии-Луизы ни одного слова, хотя ее губы исправно шевелились, произнося слова исповеди и каясь в том, в чем каяться стоило. Потом она поцеловала протянутый крест, но ничего страшного при этом не случилось.

Когда все закончилось, Наполеон обвел взглядом остолбеневших от ужаса и неожиданности придворных.

– Слушайте сами и передайте всем остальным… – хрипло сказал он. – Сейчас я снова ухожу, но вскорости обещаю окончательно вернуться, чтобы остаться навсегда. Те, кто содействовал измене – могут бежать и прятаться, но обещаю, что достану их железной рукой из самой глубокой норы, чтобы предать своему суду. Те, кто был честен и до конца отстаивал мои интересы и интересы нашей милой Франции, будут щедро вознаграждены. Это единственное, что я могу обещать со своей стороны, остальное находится в руках Божьих…

После этих слов Императора в пространстве позади него образовалась как бы дверь, в которую по очереди ушли: Мария-Луиза, которая после исповеди стала послушная как овечка, непростой священник падре Александр, обе спутницы Артанского князя, Император и наконец сам Бич Божий, с легким хлопком закрывший за собой дверь между мирами…

Четыреста семьдесят шестой день в мире Содома. Утро.

Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Власти.

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов.

Бедная, бедная Мария-Луиза! Ее так внезапно вырвали из привычного окружения – и теперь она, нагая и растерянная, стоит на площади Фонтана, озираясь по сторонам на четыре наших башни. Серегин, как всегда, в своем репертуаре: взял человека – нагим, будто он только что родился, – и бросил к моим ногам. Теперь я могу делать с этой Марией-Луизой что хочу, но только не до смерти, потому что она нужна ему для каких-то пока еще неведомых нам целей. Но я не хочу делать с этой Марии-Луизой ничего такого особенно нехорошего… Поэтому я накидываю на нее свой плащ, беру девушку под локоток и говорю на латыни (втором универсальном языке межнационального общения):

– Пойдемте-ка со мной, дорогая! Поскольку я тут являюсь защитником всех сирых, обиженных и оскорбленных, то беру вас под защиту. И хоть вы далеко не ребенок, но никто не посмеет причинить вам зла. Это я вам обещаю.

Мария-Луиза, продолжая озираться, запахнула полы плаща, вцепившись в них так, что побелели костяшки пальцев.

– Милочка… – задыхаясь, сказала она, напряженно на меня глядя своими огромными светло-голубыми глазами, – я вас умоляю, верните меня обратно к моему отцу – этим вы сделаете мне величайшее благодеяние! Смилуйтесь, ведь у меня там остались любящий отец и маленький сын… – Она несколько раз выразительно моргнула и губы ее дрогнули. -Я вас обязательно вознагражу… так, как может вознаграждать только дочь монарха Австрийской империи, величайшего и сильнейшего государства в мире… – Последние слова она почти прошептала, после чего замолчала, опустив глаза. Грудь ее вздымалась; впрочем, к ее чести, она старалась не показывать своего волнения.

– И не просите о таком, – решительно ответила я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал не холодно, а всего лишь строго, – ибо это невозможно. Когда дело касается интересов службы – наш Серегин неумолим. Для того, чтобы стабилизировать родную вам историческую последовательность, вы должны исчезнуть из нее, а ваш супруг должен жениться на другой женщине… – При этих моих словах она подняла голову и с беспокойством вглядывалась в мои глаза; видно было, что на ее языке вертится какой-то вопрос. Однако я, не дожидаясь его, продолжила: – Поэтому для мира, где остались ваш отец, сын и прочая родня, вы окончательно умерли, и ваше воскрешение признано нецелесообразным. – Тут я окинула ее взглядом с головы до пят и сказала уже с другим, более проникновенным выражением: –

Считайте, что сейчас вы родились заново… и ваша нагота – всего лишь подтверждение тому. Идемте же со мной, в башню Мудрости, там я укрою вас от нескромных глаз и подберу какую-нибудь одежду на первое время.

И я, одарив ее полуулыбкой, развернулась и направилась к выходу.

– Вы сказали, в башню Мудрости? – переспросила Мария-Луиза, семеня за мной. – Какое интересное название…

Было такое ощущение, что разговором она просто пытается унять волнение и растерянность. Но я охотно поддержала беседу.

– А здесь все башни носят подобные интересные названия, – пояснила я, обводя площадь рукою по кругу, – башня Мудрости – это наша башня, вот она, смотрите; в ней живу я и мои гаврики. Вон та – башня Силы, там живет Серегин и там же располагается военный штаб. А вон та башня – Башня Терпения, в ней обитают монашествующие и священствующие, несущие утешение всем, кто его жаждет. Последняя же из башен – Башня Власти. Для большинства людей власть – это не послушный слуга, а требовательная и жестокая госпожа. С каждым, кто свяжется с властью, не имея на то особых талантов, постоянно случаются разные неприятные неожиданности, и особенно сильно это проявляется внутри одноименной башни. Если у человека, заночевавшего под ее кровом, за ночь не случилось никаких неприятностей, это значит, что он прирожденный властитель. Желающих жить в таких условиях находится мало, и башня обычно пустует… Сейчас она тоже стоит незанятая, поэтому там оставил свои вещи ваш бывший супруг.

– Мудрость, Терпение, Сила, Власть – это все присуще людям… – задумчиво произнесла Мария-Луиза. – Да, кстати – а как же любовь? Почему для нее не построено хотя бы маленького домика?

– Бывшие обитатели этого места не представляли себе, что такое любовь, – ответила я, не оборачиваясь на свою собеседницу. – Во главе всего ставили власть и силу, господство которых мудрый должен переносить с терпением и покорностью…

Желая дать ей обозреть панораму, а также для того, чтобы дать ей возможность прочувствовать мои слова, я чуть приостановилась, и только тогда взглянула на супругу Бонапарта.

– Ах, какой ужас, милочка! – всплеснула руками Мария-Луиза, отчего полы ее плаща разлетелись в стороны как крылья птицы, открывая тело – белое, точно сделанное из мрамора, уже начавшее слегка оплывать. – Как же можно жить без любви, или хотя бы без надежды на любовь? Я бы так не смогла…

Спохватившись, она поспешно запахнула плащ, слегка при этом покраснев.

– Ну, как вам сказать… – пожала я плечами в ответ на ее слова, – люди, о которых идет речь, жить без любви мужчины к женщине и женщины к мужчине смогли, но это кончилось для них плохо – они проиграли свою главную войну и все умерли. Их победители были ничуть не лучше, и с ними с тем же итогом пришлось разбираться уже нашему Серегину и его тевтонским союзникам. Нельзя нарушать заповеди Божьи и одновременно жить долго и быть при этом счастливыми.

– Нельзя… – вздохнув, эхом повторила Мария-Луиза. На лице ее появилось задумчиво-печальное выражение; пока она молча шла вслед за мной в башню Мудрости, ее губы слегка шевелились, словно она в мыслях сосредоточенно беседовала с самой собой.

Когда мы вошли внутрь, я приказала своей новой подопечной скинуть плащ, после чего придирчиво осмотрела ее тело со всех сторон. Ну да, диагноз такой же, как был у Елисавет Петровны – то есть совсем не айс! Беда с этими принцессами, которые никак не могут побороть свою страсть к сладкому, жирному и мучному.

– Что, сестрица Анна, – раздался за моей спиной звонкий голосок, – очередной котенок, подброшенный тебе Серегиным на перевоспитание?

Услышав эти слова (кстати, произнесенные на чистейшем русском языке), Мария-Луиза ойкнула и снова попыталась прикрыть ладошками свои пышные груди и мохнатое женское естество, я обернулась. Тьфу ты! Точно! Одетая в свой любимый древнегреческий хитончик белого цвета Лилия, маленькая богиня-шалунья, в очередной раз явилась без предупреждения, и, как водится в таких случаях, до икоты перепугала мою гостью.

– Лилия, – строго сказала я, притворно хмуря брови, – разве тебя не учили, что, входя в дом, сначала требуется постучать?

– Да, разумеется, сестрица! – отмахнулась от меня маленькая хулиганка; в этот момент внимательно рассматривающая испуганную Марию-Луизу, – я исправлюсь. Только вот скажи, откуда у этой девушки с неплохой вроде бы фактурой такие отвратительные жировые накопления? Она что, не знает, что слишком много есть, особенно мучного и сладкого, очень вредно для здоровья?

– Видишь ли, Лилия, – сказала я, – Мария-Луиза у нас принцесса, а значит, существо настолько нежное, что не может контролировать собственные желания и побуждения. Бывший муж шпынял ее за то, что она толстая и пытался ограничивать девушку в еде, в то время как сам выглядел будто хряк в процессе

откорма. Когда он уехал на войну и перестал донимать свою жену нудными нотациями, она, что называется, сорвалась…

– А, понимаю, это та самая Мария-Луиза, бывшая жена этого душки Бонапартия! – воскликнула Лилия. – Теперь все ясно, тут требуется позвать мисс Зул!

Хлоп! – и Лилия исчезла. Не успела я успокоить свою подопечную, которая из-за Лилиных появлений и исчезновений пришла в состояние тихого ужаса, как снова прозвучало: «хлоп!» – и Лилия появилась вновь, почти на том же месте, но уже вместе с нашей рогатой-хвостатой, от вида которой Мария-Луиза чуть было не шлепнулась в обморок. А то как же: мадам Зул у нас особа знаменательная, кого угодно заставит каяться и бояться. Впрочем, одета мадам Зул была сегодня довольно просто: в джинсах, клетчатой рубашке и сапогах на высоком каблуке – в таком образе она не производила впечатление особо опасной пакостницы. Но, наверное, Марии-Луизе не был важен общий миролюбивый вид деммки. Гораздо более сильное впечатление на нее произвели ярко-красная кожа, рога, хвост и гордое выражение лица нашей чертовки с возбужденно раздувающимися ноздрями – а оно, это лицо, красноречиво говорило, что хозяйка его не понимает, как еще терпит всех прочих, присутствующих в этом помещении. Деммские аристократки они вообще такие, а миссис Зул по местным меркам тянет не меньше чем на прирожденную графиню, если не на герцогиню. Только вот на наших вся эта демонстрация превосходства совершенно не действует, вот и приходится бедняжке Зул отрываться на разных посторонних лицах.

И бедная принцесса, скрючившись в нелепой позе, дрожала крупной дрожью; зачем-то она поджала одну ногу – и теперь походила на раскормленную, разучившуюся летать, цаплю, вокруг которой кружит свирепый хищник, прицеливаясь, как бы половчей откусить от нее кусочек.

Но рогатая красотка не обращала на это никакого внимания. Ни в ее обычае было фиксировать эмоциональное состояние людей, которым посчастливилось с ней столкнуться. Она прекрасно знала, какое производит на них впечатление, но намеренно никого не пугала. Мадам Зул не спеша обходила бонапартовскую женушку по кругу, то и дело встряхивая хвостом. В ее исполнении этот жест почему-то сразу распознавался всеми нами как беззлобная усмешка. Но Мария-Луиза еще не привыкла к нашей мисс Зул… Не привыкла – и потому стояла ни жива ни мертва, вздрагивая и жмурясь всякий раз, когда хвост чертовки приходил в движение. Как ей при этом удавалось сохранять равновесие, стоя на одной ноге – просто уму непостижимо…

Вообще все это выглядело, должно быть, довольно комично со стороны, но я уже давно привыкла относиться серьезно к подобным ситуациям. Ведь именно я – в ответе за психическое состояние своих подопечных! Именно мне доверяют всех тех, кто нуждается в корректировке своего психического статуса, то есть, выражаясь иными словами – нуждается в дружеской поддержке, добром совете и душевном участии… Марию-Луизу я не дала бы в обиду никому; впрочем, ни мисс Зул, ни маленькая богиня не собирались ее обижать. Уж в этих двоих я была уверена на все сто.

– Итак… – наконец медленно произнесла рогатая мисс, остановившись прямо напротив принцессы и уперев руки в боки; ноги ее в высоких сапогах были расставлены, и всем своим видом она напоминала ковбоя, размышляющего, с чего бы начать укрощение строптивой кобылы (хотя Мария-Луиза ни в коей мере не напоминала таковую). – Итак… – повторила она, – как мне представляется, Серегин подбросил нам очередную сверхзадачу – взять фарш и провернуть его обратно в поросенка. Не так ли? Хм… – Она, свесив голову набок, внимательно оглядела стоящую перед ней женщину. При этом в помещении стояла тишина, и только Лилия мерно, будто метроном, постукивала носком туфли о пол. – Ну что же приступим… – изрекла наконец Зул и сделала шаг к Марии-Луизе.

Тогда же и там же. Мари́я-Луи́за Австри́йская, бывшая вторая супруга Наполеона I и экс-императрица Франции

Ну уж такого я точно не ожидала! Я уже во все поверила и со всем смирилась – и что мой муж (теперь уже бывший) с этого момента будет неукоснительно выполнять волю этого жестокого Артанца, разгромившего его армию на поле боя, и что я больше никогда не увижу никого из близких мне людей… После того как мой муж отверг меня, отправив в изгнание, я думала, что уже пережила все самое страшное, уготованное для меня Богом и судьбой, тем более, что контина (княгиня) Анна, приняла в моей судьбе самое деятельное участие. Насколько Артанец, одетый в странную форму, со старинным мечом на поясе, был суров и непреступен (при взгляде на него у меня по коже пробегал мороз), настолько контина Анна была добра и милосердна. Странная пара, в которой одному Всевышним дана сила для того, чтобы карать и низвергать заблудших, а другая наделена добротой и милосердием для того, чтобы прощать и поддерживать падших и искренне раскаивающихся. Разве ж думала я хоть когда-нибудь, что однажды вплотную столкнусь с людьми, которые самим Богом наделены столь широкими полномочиями.

Даже внезапное появление какой-то странной девочки в беленьком древнегреческом хитончике, которую контина Анна называла Лилией, мне почти удалось пережить без особых душевных потрясений… Ведь я уже знала, что попала в такое место, где возможно все или почти все. Но для меня стало полной неожиданностью, что я вдруг окажусь лицом к лицу с… Я даже не знаю, как назвать ЭТО СУЩЕСТВО… (ну, по крайней мере, понятно, что она женского пола…) в общем, эта рогатая и хвостатая ужасная демоница не могла мне привидеться даже в страшном сне. Причем привела ее как раз та самая девочка в древнегреческом хитончике. «Привела» – это, конечно, по сути не совсем верно. Эти двое обладают магическим свойством просто внезапно исчезать и так же неожиданно появляться – да-да, прямо из ниоткуда, из воздуха… Ведьмы или даже скорее могущественные колдуньи? Не иначе. Но существа, наделенные подобными талантами, судя по всему, здесь в почете… И даже любезная контина Анна, которой за весьма короткое время удалось весьма меня к себе расположить, держится с ними по-дружески, как равная с равными, из чего можно сделать вывод, что они даже не служат моей попечительнице, а по положению своему равны, или почти равны ей…

Я всегда считала, что у меня крепкие нервы и что я не склонна к обморокам и разного рода нервическим припадкам. Но тут я пожалела, что у меня нет возможности убежать из этой ошеломляющей реальности в спасительное беспамятство. Испытывая ужас и беспомощность, я просто обреченно ждала, когда же меня постигнет уготованная участь. Не зря здесь появились эти две ведьмы-чернокнижницы – они хотят сделать со мной что-то ужасное! Неужели они собираются подвергнуть меня мучительной смерти или даже тому, что еще хуже? Что ж, выходит, все, что говорила мне до этого контина Анна, а также неумолимый Артанец – это обман, хитрость и адская западня?! Боже, но зачем? Я ведь я поверила… Почти уже успокоилась, и даже побеседовала с этой Анной… Разве ж могла я знать, что ждет меня впереди?!

Эта рогатая и хвостатая женщина, порождение кошмара, являла своим видом какой-то ужасающий гротеск. Она была по-адски великолепна в своей нелепости, которую придавал ей этот странный, несколько шутовской наряд, подле подходящей мужчине чем знатной демонице. А то, что она знатна, я вижу с первого взгляда. Такие манеры нельзя перенять от учителя в зрелом возрасте, их надо впитать с молоком матери, или как там выкармливают новорожденных демонят. Ярко-алая кожа, черные как вороново крыло волосы и темные, сложенные в надменную

улыбку губы этой демоницы напоминали мне о пламени Преисподней… Рога, что так величественно торчали из ее головы и длинный изящный хвост, кончик которого нервно постукивал по голенищу сапога, вызывали оторопь, неизменно наводя на мысль о ее близком родстве с Дьяволом… И я была обязана непрерывно смотреть на нее. Потому что ее колдовство сделало так, что мое сознание не отключалось даже от самых сильных переживаний. Вместо этого в моей душе происходил какой-то сумбур. Мной завладел страх – тот древний страх перед Тьмой… Тьмой, ярким воплощением которой и была эта ужасная женщина. Ее образ завладел всем моим существом – так, что я даже перестала обращать внимание на остальных присутствующих в этой комнате. Тихо шепча молитвы, я уже готовилась принять мучительную смерть… Несомненно, она, эта сестра Нечистого, уготовила мне что-то весьма изощренное. Она так плотоядно осматривает мое тело… так, будто оно вызывает у нее аппетит, и она прикидывает, как бы вкусней меня приготовить… Она даже высказывает вслух свои соображения на этот счет. И хоть речь ее мне непонятна, я не сомневаюсь, что мои догадки верны…

Боже, помилуй меня! Святая Дева Мария, отведи погибель! Не хочу я умереть во цвете лет, даже не успев еще толком насладиться этой жизнью!

И в тот момент, когда мое отчаяние уже достигло апогея, я вдруг отчетливо услышала голос Анны – негромкий, он тем не менее прозвучал отчетливо и уверенно:

– Мария-Луиза! Не бойся. Мисс Зул не причинит тебе вреда. Зул, отойди от нее! Не видишь – она – смертельно напугана!

И после этого Анна быстро приблизилась ко мне и положила руки на мою голову. И тотчас блаженное расслабление снизошло на меня. Я снова доверяла ей. Я снова была полна надежды… Контина Анна отошла на несколько шагов и с улыбкой кивнула мне, давая понять, что теперь все хорошо. Я ощутила, как мой страх сжался в маленький комочек – и исчез без следа. Каким волшебным образом ей удалось этого добиться? Впрочем, что об этом размышлять… Я все равно не смогу так быстро найти ответы на свои вопросы. Однако одно, кажется, проясняется для меня: здесь, в этом странном мире, среди этих странных людей, царит самое настоящее волшебство. Но это не злая магия Тьмы – в этом я ошиблась. Это доброе, светлое колдовство, я читала о нем в сказках, будучи ребенком… И даже страшная женщина уже не кажется мне исчадием ада. У нее просто странная внешность – и только. Ведь бывают же уродливые, отталкивающие люди, которые на самом деде добряки и милашки?

Таким образом рассуждала я, с новым интересом озираясь вокруг. Я вдруг обнаружила, что стою в очень нелепой, и к тому же неудобной позе, и опустила ногу на пол. Какое же облегчение! Примечательно, что теперь даже стыдливость уже не так сильно владела мной. Я опустила руки, выпрямила спину, выставив вперед груди – и теперь стояла с упором на одну ногу; вторая была расслаблена в колене. Именно так изображали женщин скульпторы и художники античной эпохи. Конечно же, я смела предполагать, что мое тело смотрится ничуть не хуже, чем у Венеры, Данаи или какой-нибудь там Грации.

Однако красная женщина, кажется, смотрит на мое тело с неодобрением или как мне кажется с брезгливостью. Более того – она обменивалась замечаниями, то с континой Анной, то с той самой девочкой Лилией, и та ей с умным видом отвечает… Да что же происходит? Меня раздирало жгучее любопытство, которое было разрешено самым неожиданным образом.

– Значит так, госпожа Мария-Луиза, – вдруг на чистейшей литературной латыни заявила мне девочка Лилия, – после предварительного осмотра могу сказать вам, что вы тяжко больны и для исправления положения требуется немедленно провести курс лечения. А здоровье вам понадобится, ибо Артанский князь Серегин подобрал вам очень нелегкую должность. Он сам лично просил меня, чтобы я привела вас в порядок. Поэтому давайте не будем терять времени зря и приступим прямо сейчас. Раздеваться вам не надо, ибо вы и так наги, будто в день своего рождения, поэтому встаньте ровно, ноги расставьте на ширину плеч, руки опустите по швам…

От таких слов я просто оторопела, ведь я и не подозревала, что я чем-то больна, тем более тяжело, потому что не чувствую за собой каких-то особых недомоганий. К тому же, а как эта девочка собирается меня лечить? Ведь она не врач и в силу своей молодости никак не может им быть. А если меня будут лечить с помощью колдовства, то не погублю ли я тем самым свою бессмертную душу?

– Не бойся, – сказала мне контина Анна, – внешность маленькой девочки для Лилии это только иллюзия. На самом деле ей больше тысячи лет и она очень хороший врач, куда там пресловутому Асклепию. Просто Лилии хочется выглядеть так, чтобы окружающие думали, что она юная и несерьезная особа. Ее старший братец Эрот, которого латиняне зовут Купидоном и вовсе решил не выходить из младенческого возраста, потому что так ему прикольно и безопасно. Так что поверьте, несмотря на свою внешность, Лилия знает, что делает, поэтому расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие от процесса лечения. А

лечить Лилия умеет…

Голос контины, успокаивал меня, развеивал страхи и ужасные предположения, и все же присутствие краснокожей демоницы действовало на меня угнетающе. Чтобы развеять последние сомнения, я решилась задать моей покровительнице прямой вопрос.

– Скажите, милочка, – спросила я, кивком головы, указывая на предмет моих сомнений, – если ваша девочка Лилия лечит, то что здесь делает эта странная женщина. Неужели она тоже врач?

– Лилия, – ответила мне контина Анна, – должна исправить ваше здоровье, чтобы вы жили долго, не испытывая никаких болей, а мадам Зул займется вашей красотой, чтобы вы были счастливы. Фактура у вас есть, теперь осталось, как говорил Фидий, отсечь от нее все лишнее… Вы уж потерпите, это недолго и не особенно больно. Зато результат неизменно бывает лучше всяких похвал…

Этот ответ меня и озадачил и смутил. Раз ради меня прикладываются такие усилия, значит это все не просто так и у Артанца на мой счет имеются определенные планы. Неужели, он захотел сделать меня своей любовницей, или подарить кому-то из починенных или союзников. В противном случае, зачем бы ему заботиться о моей красоте.

– Совсем нет, – контина Анна постаралась развеять мои сомнения, – ничьей любовницей вы не станете. Просто в одном из миров, время в котором соответствует шестому веку христианской эры, у него есть владение, похожее на чемодан без ручки. И заниматься им ему некогда и бросить просто так жалко, потому что это место имеет стратегическую важность. Поскольку у вас имеется определенные таланты правительницы, то он решил передать это владение в лен вам и вашим потомкам, а раз так, то вас следует привести в состояние, наилучшее для исполнения ваших будущих обязанностей. Вы должны быть здоровы, красивы и жизнерадостны, для того, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее и уделять максимум внимания вашим будущим подданным…

– Сказать, что это заявление ошарашило меня не хуже удара палки по голове, это значит не сказать совсем ничего. Неужели суровый или даже жестокий на вид Артанец способен на такую щедрость, как подарить бедной изгнаннице свое собственное владение, которым она (то есть я) сможет распоряжаться по своему усмотрению?

– Да, – ответила на мой вопрос контина Анна, – это действительно так. Вы же не совершили ничего предосудительно, просто высшие интересы потребовали того, чтобы вы навсегда

исчезли из того мира. Серегин просто компенсирует вам удобства, вызванные такой внезапной переменой места жительства, а еще хочет, чтобы вы развивали свои таланты, а не закапывали их в землю. И еще. Поскольку став континой, вы будет находиться в его подчинении, то вы, душечка, должны получить все самое наилучшее. Вот по поводу подчиненных и разного рода зависимых от него лиц, у нашего Серегина в буквальном смысле имеется пунктик, что все его люди, должны получать все самое наилучшее. Стаканчик амброзии, прямо со стола владыки Олимпа не желаете ли? Если Лилия пропишет вам ее как медицинское средство от старости, то ваш стаканчик вам обеспечен, как и любой другой разумный каприз.

– Но где же, где, – вскричала я, – находится это столь замечательное владение, о котором вы мне так долго рассказываете, и что за люди там живут?

– Владение, – ответила контина Анна, – называется Таврика, или Крым*. Народ там живет разный. Образованный класс знатные и богатые, говорят на латыни, простонародье – на вариации древнегреческого и на готском, а также использует еще с дюжину наречий, от некоторых из которых осталось только несколько слов. Одним словом, душечка Мария-Луиза – не бойтесь, все делается только для вашего блага. Давайте расслабляйтесь и пусть Лилия с мадам Зул приступают к своей работе. Сначала страшно, потом пройдет.

Часть 36

22 (10) сентября 1812 год Р.Х., день пятнадцатый, 10:05. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Минуло две недели с того дня, когда на бородинском поле отгремело самое ожесточенное сражение в истории – из числа тех, что начались и закончились в один день. Погибшие к этому моменту уже нашли свое последнее пристанище на общем кладбище, имеющем русскую и французскую части. Солдаты отдельно, в братских могилах; офицеры и генералы – отдельно, под именными табличками. Это кладбище, со свежими, еще не успевшими осесть могилами, является памятником человеческой глупости и тщеславию правителей, сгубивших жизни десятков тысяч русских и французских солдат. Когда не срабатывает дипломатия, начинают грохотать пушки, льется кровь, а в выигрыше неизменно оказываются только банкиры лондонского Сити.

Поход Наполеона в Россию на самом деле был войной за британские интересы. Британские правящие круги отчетливо понимали, что флотом из сильнейших в мире парусных линкоров не завоевать не только Каракумов, но и Парижа с Петербургом. Поэтому для соблюдения извечных британских интересов следовало стравить и обескровить двух сильнейших противников на континенте. Пусть русские убивают французов, а французы русских. В любом случае победитель выйдет из этой войны ослабленным, с расстроенными финансами и поредевшей армией, – и вот тогда на него можно будет натравить следующего оппонента или поставить в невыгодные условия кабальным союзным договором*.

Примечание авторов: * *Британия – единственная из стран-противниц Наполеона, не подписавшая документов Венского конгресса и тем самым оставившая свои руки развязанными в отношении того, кому и против кого она будет оказывать помощь в случае вооруженных конфликтов и внутренних неурядиц в Европе.*

Виновниками того, что Россия, впервые со времен убогого умом императора Петра Третьего, оказалась вынуждена воевать за чужие интересы, были сам Наполеон с его дурацкой идеей континентальной блокады, и пробританская придворная камарилья, окружавшая императора Александра Первого. Первого виновника никому не нужной войны Артанский князь Серегин

нейтрализовал во время Бородинской битвы, а пышный императорский кортеж второго как раз сейчас подъезжает к ставке Кутузова. Сейчас, в конце сентября (по новому стилю) в окрестностях Москвы еще стоит пусть и прохладная, но сухая погода, а окрасившиеся золотом и багрянцем леса навевают мысли о знаменитой русской золотой осени. Но пройдет еще совсем немного времени – и небосклон над среднерусской возвышенностью затянут непроглядные серые тучи, после чего из них пойдет дождь, варьирующийся от мелкой мороси, до состояния «разверзлись хляби небесные».

Это унылое и мокрое осеннее время Александр Павлович планировал провести в хлебосольной купеческо-аристократической Москве, чтобы потом, по первому морозу со снежком, на санях вернуться в Санкт-Петербург… Впрочем, дальнейшие планы русского императора к описываемым событиям отношения почти не имеют, ибо человек только предполагает, а Господь располагает. Ведь никому не ведомо, как сложится судьба этого человека в дальнейшем. Да он и сам не знает, чем закончится его поездка, и по этой причине непрерывно находится в состоянии душевного мандража. Пока император ехал в карете от Петербурга к Бородину, навстречу ему летели слухи об Артанском князе, один другого чудесатее. Народная молва наделяла Артанского князя тем набором признаков, которыми обладали герои народных русских сказок и былин: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Иван Царевич и прочие персонажи, выступавшие в бой за землю русскую против иноземного супостата.

Несомненно, русский по крови, но в тоже время удачливый кондотьер, обладатель мощнейшей частной армии, Артанский князь в этих слухах выглядел человеком взвешенным, трезвым и разумным, не принимающим решений с кондачка. И в то же время народ подметил, что, обычно уступчивый и милосердный, он в своих самых важных решениях чаще всего бывает неумолим. Император Александр в глубине души понимал, что виноват в войне именно он сам и больше никто, и поэтому страшился неизбежной встречи с Божьим Посланцем, принесшим в мир огненный меч архистратига Михаила. Кто знает, как может обернуться встреча сурового воителя, облеченного полномочиями самим Всевышним, и грешного человека, по странному недоразумению называющимся Помазанником Божьим.

Но, к величайшему облегчению Александра Павловича, Кутузов встречал его совершенно один. В первую минуту император даже не узнал своего главнокомандующего, который, казалось, сбросил с плеч лет двадцать и избавился от половины

своих болячек. Потом, присмотревшись, император понял, что Кутузов все тот же, да только в качестве высшей инстанции он признает теперь исключительно Божью волю в пересказе Артанского князя, и больше ничего. О том, как над полем битвы был обнажен огненный меч архангела Михаила, и о том, как трепетало во время атаки на ветру священное алое знамя, распространяющее вокруг себя волны багрового сияния, полного священной ярости, император был уже наслышан предостаточно. На этом фоне совершенно обыденными выглядели и суперснаряды к суперпушкам, и необычно часто стреляющие ружья, нанесшие французам такой уничтожающий урон. При этом одно было ясно – новой пугачевщины из-за появления Артанского князя не будет. Не того типа оказался этот народный герой, чтобы звать Русь к топору.

Но как ни оглядывался вышедший из кареты император, вокруг не было ничего необычного, только рядом с Кутузовым стоял не его обычный адъютант, а молодой генерал-артиллерист, известный своей отчаянной храбростью и невероятной силой. Александр Павлович напряг память и вспомнил имя храбреца и рубаки – Василий Костенецкий. Именно о нем главнокомандующий русской армией писал как о первом русском офицере, лицом к лицу встретившемся с войсками Артанского князя.

– Здравия желаю, ваше императорское величество! – с непроницаемым видом произнес Кутузов.

– И вам тоже здравствовать, Михайло Илларионович, – ответил Император Всероссийский. – Поскольку ваши письменные рапорта, посланные на мой адрес, оказались верхом недоговоренностей, вызывающих у меня жгучее любопытство, жду от вас максимально подробного и точного личного доклада о том, что случилось на этом поле в день сражения с войсками Наполеона Бонапарта, а также о том, кто таков есть Артанский князь Серегин и чего он от нас хочет…

– Прошу вас, ваше величество, пройдемте, – вместо ответа произнес Кутузов и указал на дверь дома, в котором помещался его штаб.

Император хотел было возразить, что у него нет секретов от подчиненных, но почувствовал в словах Кутузова толику угрозы и откровенно струсил. И было от чего. Его отец умер от «апоплексического удара табакеркой», его дед был задушен (проткнут вилкой) по приказу любовника его бабки, его прапрадед спасался от убийц в одном исподнем. В том случае если этот старый хитрый лис Севера уже ему неверен, то и сейчас тоже может произойти что-то подобное. Много ли императору

надо. Тюкнут по голове чем-нибудь тяжелым, а потом скажут, будто сам оступился, входя в дом, после чего треснулся затылком об порог и отдал Богу душу…

Но тюкать по голове Александра Павловича, когда тот на ватных подгибающихся ногах входил в дом, никто не собирался, и порог император перешагнул вполне благополучно, правда, тут же застыл в проеме соляным истуканом. А все потому, что там, внутри его ждали двое. Уже знакомый ему Наполеон Бонапарт – сильно осунувшийся, похудевший, но по-прежнему узнаваемый, – а также еще один мужчина, среднего роста и средних лет, с необычайно развитой атлетической фигурой, которую ладно облегал иностранный военный мундир. Несомненно, это и был Артанский князь Серегин, ибо именно так его и описывали все свидетели и очевидцы…

– Ваше Величество, – назидательно произнес Артанец, – не стоит разговаривать о серьезных вещах там, где ваши слова могут быть услышаны посторонними. Греха потом не оберешься подчищать хвосты, убирая ненужных свидетелей…

– Свидетелей чего? – испуганно произнес Александр Первый, который отнюдь не был носителем великой храбрости или великого ума.

– Разумеется, – сказал Серегин, – свидетелей нашего с вами разговора. Ведь беседовать мы будем отнюдь не о достоинствах столичных дам, и не о погоде, а вещах, касающихся судеб этого мира, Российской Империи и Европы. Не дай Бог о том, что здесь будет говориться, узнают в Лондоне или Вене. А у вас в свите шпион на шпионе сидит и шпионом погоняет. И это если не считать тех, кто выбалтывает государственные тайны просто по доброте душевной.

– Да, это действительно так, – подтвердил Наполеон, – мы всего лишь хотели с вами поговорить. А вы что подумали, месье Александер?

Император Всероссийский смутился. Он-то не подумал ничего хорошего, почувствовав только острое сожаление от того, что все-таки решился приехать к армии. Впрочем, того что сделано, теперь было уже не изменить. Поэтому Александр Павлович постарался сделать максимально хорошую мину при плохой игре. Одно дело то, что он сейчас умирает от ужаса и совсем другое, что об этом узнают Наполеон Бонапарт и Артанский князь. Стыда ж не оберешься…

– Хорошо, господа, – вскинул голову император, – говорите, я вас слушаю.

– Михайло Илларионович, – сказал Артанский князь, – изложите его Императорскому Величеству текущую диспозицию,

а мы с Наполеоном, если что, вас поддержим.

Кутузов негромко заговорил, и по мере того как он «излагал диспозицию», императору Александру становилось все дурнее и дурнее… А то как же. Сам Всевышний требует, чтобы он отстранился от власти, передал престол своему младшему брату Николаю, воспитателем которого должен стать Кутузов, и навсегда покинул Россию, став при этом вечным изгнанником. И это только по Его доброте и благости, потому что иначе решением вопроса может быть только смерть.

– Да как же такое может быть, господа?! – вскричал расстроенный император, – разве ж я ежеденно не думал о благе России, не желал ей добра и не молился каждую ночь за ее благополучие? Почему Господь так несправедлив ко мне, ведь, как истинный христианин, я почитаю его со всем возможным рвением и пылом?

– Увы и ах, Ваше императорское величество, – ответил Артанский князь, – намерение не есть действие, а почитание не есть исполнение заветов – хоть ветхих, хоть новых. Вы же только хотели доброго, но никак этому доброму не способствовали. Говорят же, что благими намерениями выстлана дорога в ад? Так вот эти слова как раз про вас. Бывает, что ради того, чтобы сделать добро своей стране, государь принуждает ее к тому железом и кровью. Тогда современники стонут под железным ярмом, называя его тираном, зато потомки, вкусившие плодов его дел, благодарят такого правителя своей доброй памятью. На дереве же ваших благих намерений растут только кислые плоды, набивающие оскомину, и дождетесь вы от потомков не благодарности, а только легкого недоумения. Зачем, мол, был этот государь и ради чего правил Русью почти всю первую четверть девятнадцатого века. Единственным светлым пятном на вашей репутации была бы победа над присутствующим здесь Наполеоном Бонапартом, но творцом этой победы были бы опять не вы, а светлейший князь Кутузов, фельдмаршал Барклай де Толли, а также прочие генералы, офицеры и солдаты русской армии, бившиеся за отчизну не жалея живота. Ваша работа после великой победы над Бонапартом заключалась в создании такой системы общеевропейской безопасности, при которой Россия в своей внешней политике попадала бы в зависимость от Австрии, Пруссии и даже Британии. Итогом вашего правления должны были стать сорок лет застоя и эпический разгром в войне с англо-франко-сардинской коалицией, которую к тому же против России морально поддержат Швеция, Австрия и Пруссия. Это отнюдь не то наследство, за которое вам могли бы быть благодарны потомки. Запомните – Господь видит все: и прошлое, и настоящее,

и все варианты возможного будущего. При этом тот вариант будущего, который связан с вашим дальнейшим правлением, ему очень не нравится, и он желает поменять вас на вашего юного брата, который под руководством опытного наставника сможет начать все с чистого лица, ибо самые главные ошибки вашего царствования еще не совершены.

– Да кто же вы такой, черт возьми, господин Серегин, что можете говорить от Божьего имени как его полномочный представитель? – вскричал сбитый с толку император.

– Не поминайте имени нечистого всуе, Ваше Величество, – сурово произнес Артанский князь. – Я человек из далекого для вас будущего, из двадцать первого века, капитан сил специального назначения Российской Федерации, который волею случая, проистекшего из противостояния божественных и дьявольских сил, был брошен в путешествие по многим мирам. Между мною и Небесным Отцом заключено особое соглашение. Он помогает мне вернуться обратно в свое время и свой мир, а я, проходя через разные миры, выполняю его специальные поручения; и горе тому, кто встанет на моем пути. Иногда мне приходится отражать вражеские вторжения на славянские и русские земли, и это получается у меня лучше всего. Враги называют меня Бичом Божьим, а те, кого я спас от доли, что хуже самой смерти, зовут меня Защитником и Заступником. А иногда мне приходится распутывать интриги, успокаивать смуты и неустройства, пресекать государственные перевороты, а иногда нужно свергать одних государей и возводить на трон других. Все ради того, чтобы после произведенных мною изменений Россия становилась сильнее, богаче, многолюднее и краше, а ее враги скрежетали зубами от бессильной злобы. Но я всего лишь исполнитель воли Творца Всего Сущего, Его Полномочным Представителем является отец Александр, который сейчас стоит за вашей спиной. Обернитесь и подойдите к нему, чтобы он мог принять от вас исповедь и очистить вашу душу от царящих в ней смущения, сомнений и разного рода заблуждений.

Император Александр Павлович обернулся – и точно, прямо за его спиной с крестом в правой руке стоял суровый человек, одетый в полусвященнический-полувоенный наряд.

– Подойди ко мне, сын мой, – сказал отец Александр погромыхивающим голосом, – и покайся в грехах твоих вольных и невольных, в пустых умствованиях, пособничестве отцеубийству, блуде, грехе тщеславия, лени и чревоугодии…

Будто завороженный, император Александр сделал к священнику два шага, и их обоих накрыло пологом безмолвия. Губы священника и императора исправно шевелились, но наружу

не прорывалось ни малейшего звука.

– Знаешь, брат мой Сергий, – сказал после некоторого размышления Бонапарт, за все это время не проронивший ни слова, – сейчас мне стало интересно – кого из нас двоих ты победил на поле боя Москврецкой битвы: меня или русского императора? Ведь меня ты оставил на троне и даже дал несколько ценных советов по усилению армии и флота, а его ты отправляешь в бессрочное изгнание, и неизвестно, сможет ли он где-то преклонить свою голову…

В ответ на эту тираду Артанский князь Серегин пожал плечами и сказал:

– Знаешь что, коллега Бонапарт, в чем-то ты и прав. Я победил вас обоих, чтобы сделать жизнь во всем вашем мире лучше. И ваши собственные судьбы при этом не исключение. Ты не закончишь свою жизнь пленником англичан на далеком острове Святой Елены, а продолжишь дело создания просвещенной общеевропейской монархии, способной уничтожить морскую монополию англичан. В свою очередь Александр Павлович не умрет, утомлённый бременем правления, в полнейшей апатии и пессимизме, в возрасте сорока семи лет, а проживет гораздо дольше – в путешествиях и странствиях, к которым он испытывал страсть на протяжении всей жизни. Сейчас он посредством отца Александра общается непосредственно с Небесным Отцом, и, думаю, должен быть счастлив. Как говорится, каждому свое. При этом не забывай, что поражение в битве у Москвы-реки спасло не менее пятидесяти тысяч французских солдат, которые должны были бесславно погибнуть во время отступления из России. Во время сражения я бываю безжалостным, но не люблю ненужных смертей тогда, когда уже закончили греметь пушки. Насколько ты знаешь, мои медицинские службы пропустили через себя не только моих собственных бойцов и раненых русских солдат, но и солдат и офицеров твоей армии, нуждавшихся в экстренном лечении.

– Главный хирург моей армии, – сказал Бонапарт, – мэтр Доминик Ларрей, одновременно удивляется вашему милосердию и восхищается искусством ваших медиков, которые в кратчайшие сроки ставят на ноги самых безнадежных раненых. Он говорил, что надеется усвоить хотя бы часть их мудростей, ибо в нашем мире, несмотря на старания хирургов, значительная часть раненых после их лечения отправляется не обратно в строй, а оказывается на кладбище.

– Я сделал это, – сказал Артанский князь, – потому что считал уместным, и ничуть о том не жалею, потому что ваши солдаты пришли в Россию не по собственной воле, а по твоему личному

приказу, а следовательно, лично ни в чем не виновны. К тому же с тобой мы на тот момент уже разобрались, и дальнейшее ослабление французской империи мне было уже невыгодно. Возможно, в другой ситуации я бы ради них не ударил и палец о палец, но сейчас мне было выгодно быть милосердным. Тех из них, которые принесли мне присягу на верность, я верну назад в твое войско с приказом выполнять все твои приказы ровно до тех пор, пока ты выполняешь наше соглашение. Ничего личного, просто обычная перестраховка от вероломства.

– Я тебя понял, брат мой Сергий, – сказал Бонапарт, – и думаю, что ты напрасно беспокоишься о том, что я нарушу наше соглашение, ибо это мне совершенно невыгодно…

– Добрым словом и пистолетом, коллега Бонапарт, – ответил Серегин, – можно сделать гораздо больше, чем просто добрым словом или только пистолетом. Такова жизнь; и даже мы, облеченные властью и силой, ничего не способны изменить в ее коренных установлениях…

В этот момент полог безмолвия рассеялся. Император Александр, исповедовавшийся, покаявшийся и поцеловавший крест, повернулся к Серегину и Наполеону с видом величайшего облегчения в своей жизни. С этого момента на него перестала давить тяжесть прошлых грехов, главным из которых он считал невольное пособничество убийству своего отца, а также то, что виновные в совершении этого злодеяния не только не подверглись наказанию, а, напротив, были возвышены и составили ближайший круг его окружения. Слова организатора заговора, петербургского губернатора графа Палена* – «Довольно дурачиться, ступайте царствовать» – до сих пор эхом звучат в его ушах. Тогда он испугался и сделал все, что ему сказали, ибо нет никого беззащитнее монарха, которому ближние отказали в преданности и любви. Теперь же этот страх оставил его совершенно, ибо он получил достаточные гарантии того, что в случае выполнения соглашения с Артанским князем он продолжит пребывать в полной безопасности – и в физическом, и в духовном плане.

Примечание авторов: * *Наутро после убийства Павла Первого, 12 марта 1801 года, граф Пален первым сообщил Военной коллегии о кончине императора и пригласил всех принять присягу в 8 часов утра на верность императору Александру. Однако он приобрёл непримиримого врага в лице императрицы Марии Фёдоровны, которая настояла на прекращении его карьеры. Уволен в отставку «за болезнями от всех дел» 1 апреля 1801 года с приказанием немедленно выехать в своё курляндское поместье Гросс-Экау.*

В курляндских имениях граф Пален прожил четверть века, пережив даже императора Александра. Своим гостям он откровенно рассказывал подробности подготовки и осуществления «тираноубийства». Скончался 13 февраля 1826 года в Митаве без раскаяния в цареубийстве, заявляя, что совершил «величайший подвиг».

– Отречение от престола состоится завтра утром, перед строем войск, – сказал он Серегину, – к тому времени необходимо доставить сюда моего младшего брата, чтобы армия видела, кому я передаю Россию. Меня заверили, что вы вполне в состоянии провести эту операцию, и я вас прошу только об одном… Мой младший брат – пылкий восторженный юноша, и вы должны постараться, чтобы вольно или невольно не нанести ему какого-нибудь душевного вреда…

Четыреста семьдесят восьмой день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Терпения.

Мэтр Доминик Жан Ларрей. Главный хирург Великой Армии Наполеона Бонапарта.

Это не плен, а просто какое-то благословение Господне. Каждый день я узнаю для себя что-то новое о медицине, и это новое одновременно приносит мне и радость, и огорчение. Радость я испытываю оттого, что начинаю лучше понимать человеческое тело (что позволит мне приносить людям гораздо больше пользы), а огорчаюсь по той причине, что прежде даже не представлял, каким безграмотным невежей являюсь. Скольких бед, смертей и ненужных ампутаций мне удалось бы избежать, если бы тогда я знал то, что знаю сейчас. Некоторые скажут, что во многих знаниях многие печали, однако я могу ответить, что лично меня печаль одолевает, когда я не знаю чего-нибудь касательно своей профессии. Мое незнание – это чьи-то боль, увечья или смерть. Правда, не все полученные здесь знания я могу применить на практике в полном объеме. Разумеется, я тщательно записываю все, что мне говорят, но многие вещи мне просто непонятны, так как лежат вне сферы моей компетенции, а некоторые настолько неожиданны и невероятны, что требуют дополнительного осмысления.

Еще сто лет назад Антони Ван Левенгук изобрел микроскоп, но до сих пор никто не догадался, что маленькие забавные существа, которых можно разглядеть с помощью этого прибора, попадая в открытую рану, становятся главными врагами человеческого организма. Разве ж мог кто-нибудь из нас, хирургов, хотя бы помыслить о том, что, вторгаясь в человеческое тело своим ланцетом, мы сами приносим туда причину болезни? Правда, еще большую опасность представляют попавшие в тело

вражеские пули и осколки ядер, заносящие в раны, помимо обычной грязи и порохового нагара, обрывки ткани и кожи, прежде составлявшие мундир раненого солдата. Очистка раны от этих включений должна представлять первейшую обязанность хирурга, и только в случае неудачи этой операции, когда невозможно гарантировать отсутствие заражения маленькими существами (дословно микробами), следует прибегать к ампутации.

Кроме того, хирург должен гарантировать, что маленькие существа не попадут в рану с его инструментов или грязных рук. Для этого инструменты следует кипятить перед каждым употреблением, или хотя бы протирать их спиртом, а руки необходимо мыть с мылом. Также полезно обрабатывать помещения, где проводятся хирургические операции, хлорной водой. Все эти правила неукоснительно должны соблюдаться также и при родовспоможении, чтобы снизить процент смертности среди рожениц и новорожденных младенцев. Родильная горячка, ежегодно уносящая жизни тысяч молодых женщин и их малышей, даже еще не начавших жить, является одной из причин, сдерживающих рост населения Империи. Вторым таким бичом являются кишечные болезни, которые, как считалось раньше, проистекают от дурного воздуха. Теперь я знаю, что дело совсем не в воздухе, а в дурной воде, в которой живут очень агрессивные вредоносные маленькие существа, вызывающие дизентерию и холеру. Такую воду тоже требуется очищать – или кипячением, или добавками к ней хлорной воды, или же настаиванием на серебре.

Мадам Максимова, главный доктор Артанской армии, была так любезна, что на хорошей латыни прочитала мне несколько лекций, которые я со всем возможным рвением законспектировал. Информация, полученная мною здесь, совершенно бесценна и позволит в будущем спасти множество человеческих жизней. К несчастью, далеко не все из того, я узнал, можно будет использовать в полном объеме, потому что для изготовления большей части лекарств, необходимых для полноценного лечения, требуются многие годы труда талантливых химиков и фармацевтов. Но его Величество император Наполеон обещал, что сразу по возвращении во Францию он окажет мне всю возможную поддержку в организации медицинских исследований и возможном производстве необходимых лекарств. Его Величество понимает, что чем обильнее и здоровее будет население его державы, тем сильнее окажется возглавляемое им государство.

Но это были сведения, так сказать, об обычной медицине, более развитой, чем наша, с обильными и мощными

лекарственными средствами, но в то же время более-менее понятной для наших докторов. Однако, кроме обычной, артанцы практикуют разнообразные формы необычной медицины, в основе которой лежат магия и колдовство. Нет, мадмуазель Лилия, местный главный доктор-маг, не варит отвратительных декохтов из дохлых мышей, жаб и пауков, и не добавляет в состав своих снадобий кровь христианских младенцев. По крайней мере, я не замечал, чтобы она занималась столь омерзительным делом. Честно сказать, она вообще не использует никаких настоев, отваров и прочей аптекарской дребедени. Ее стиль прост и заключается в комбинации проявлений магических манифестаций и воздействии путем надавливания на ключевые точки организма. Результат этих действий бывает неизменно удивительным. Люди, которых современная мне наука уже приговорила к смерти, вдруг оживают и встают со смертного ложа.

В случае если сил Лилии случае оказывается недостаточно, к больному зовут юного отрока по имени Дим, который тут у них считается сильнейшим из волшебников, и тот применяет на больном какое-то заклинание регенерации. Говорят, что сила этого мальчика такова, что он только не может оживлять мертвых подобно Христу, зато любое другое медицинское действие находится в пределах его возможностей. Правда, пользоваться своим даром всуе отрок Дим совсем не любит. Он говорит, что у него для этого недостаточно знаний, и поэтому магическое лечение (как и другое прочее) в случае неправильного применения грозит обернуться в свою противоположность. Наверное, он прав в том, что большая сила подразумевает такую же большую ответственность и что главной заповедью тех, кто оказывает помощь болящим и страждущим, должен быть принцип «не навреди». Я, по крайней мере, надеюсь, что он выучится именно на врача, а не на тупого армейского солдафона, который с трудом отличает «право» от «лево».

Мне повезло находиться рядом, когда мальчик Дим пользовал одного тяжелораненого генерала, и я чувствовал, как в тот момент у меня зашевелились на голове волосы… Когда я рассказал о своих ощущениях, мой юный коллега сказал, что меня требуется проверить на чувствительность к магии. Но, к моему сожалению, эта проверка почти ничего не принесла. Способности к магии у меня оказались весьма скромными, не стоящими даже того, чтобы о них просто упоминали. Даже если я пройду полный курс магической Сорбонны, все равно буду не в состоянии при помощи магии вылечить даже обычную муху. Зато я без всякого обучения вижу диагноз и способы исправления проблемы при помощи скальпеля. Впрочем, мальчик Дим сказал,

что и это немало, и что я должен возблагодарить Всевышнего за те дары, которыми он меня наделил…

Думаю, что мой юный друг прав и мне грех роптать на судьбу, ведь благодаря всему произошедшему моя помощь людям сможет увеличиться многократно. Я многому научился и многое понял. Войны, что гремели в Европе последние двадцать лет, постепенно теряли свой смысл, а кровопролитие и человекоубийство становились все более сумбурными и ожесточенными, а их результат был все более мизерным. Последней же ошибкой нашего императора стал нынешний поход в Россию, в котором мы уцелели только потому, что Артанский князь Серегин не одержим жаждой жестоких убийств, и после боя не кидается скорее истреблять побежденных.

22 (10) сентября 1812 год Р.Х., день седьмой, без пяти полночь. Санкт-Петербург, Зимний дворец.

Последние дни над Петербургом денно и нощно летели по низкому небу серые осенние тучи, а в вершинах деревьев каркали нахохлившиеся от холода вороны; с Финского залива завывал холодный злой ветер. Промозглая сырая петербургская осень вступала в свои права, обещая дальнейшие ненастья, наводнения и скорый приход неприветливой зимы. Такая же неспокойная погода царила и в душах членов семьи Романовых. Известие о разгроме армии Наполеона войском неизвестной никому Великой Артании уже достигло Петербурга и обернулось ворохом разнообразных слухов. В основном преобладали самые пессимистические (с точки зрения Романовых) варианты оценки ситуации. Больше всего происходящее тревожило вдовствующую императрицу Марию Федоровну (в девичестве Софию Марию Доротею Августу Луизу Вюртембергскую), вдову Павла Первого и мамашу правящего императора Александра Павловича и его юного брата Николая Павловича, который станет императором в будущем.

В ее представлении появление Артанского войска и внезапный разгром Наполеона поколебали сами основы существования государственного порядка в России. Ведь ни разу еще не было такого (если не считать легенд и былин), чтобы невесть откуда появившийся герой (а народная молва воспевает Артанского князя именно как героя), нежданно-негаданно брал на себя государственную прерогативу, сокрушал неприятеля и тем самым решал судьбу государства. В то же время такое сплошь и рядом встречалось именно в Средневековой Европе. Удачливый кондотьер, бросивший на весы войны свое небольшое, но прекрасно вооруженное войско, в итоге мог оказаться владельцем симпатичного такого домена, за который прежде долго и

безуспешно сражались две противоборствующие стороны.

Так в утверждение Артанского князя Серегина о том, что он не ищет тут для себя удела, вдовствующая императрица восприняла с глубочайшим недоверием. Да и князь ли он вообще? Давно миновали времена, когда для того, чтобы именоваться князем, было необходимо владеть княжеством. Тем более что о таком княжестве, как Великая Артания, в Европе или где-то еще никто никогда даже и не слышал. При этом вопрос о том, как иностранная частная армия могла незаметно для всех оказаться в самой середине России, оставался для Марии Федоровны вынесенным за скобки. Как-как прошла по следам наполеоновской армии, где уже не было порядка, а потом обогнала ее и ввязалась в битву под селом Бородино на стороне русской армии. К тому же, кая наглость – взять в плен злобного Корсиканца, узурпировавшего трон французских х королей и не отдавать его законным властям, заявляя, что он личный пленник Артанского князя. Это – ужасное потрясение основ и поругание престижа Российской империи.

Поэтому Мария Федоровна считала, что напрасно ее старший сын лично выехал к армии. А все потому, что он тряпка, нюня и либерал, испорченный воспитанием императрицы Екатерины Великой, лично подобравшей ему плохих учителей*. Вместо того надо было отправить Кутузову приказ немедленно напасть на войско этой самой Великой Артании, перебить его, а Артанца-самозванца в цепях отправить в Санкт-Петербург. О том, что случилась бы после этой авантюры, краснолицая, дородная вдовствующая императрица даже не задумывалась. Господень посланец – какая ерунда! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! А если бы армия отказалась выполнять этот вероломный приказ, достойный любого из Европейских государей, то следовало бы сместить этого наглеца Кутузова, заместив его Бенигсеном, а всех бунтарей, ослушавшихся своего государя под предлогом сохранения чести, прогнать через шпицрутены – и в Сибирь.

Историческая справка: * *Старших сыновей наследника Павла Петровича Императрица Екатерина Великая повелевала немедленно отнимать от матери и брала их под свое воспитание. Воспитатель – швейцарец-якобинец Фредерик Сезар Лагарп – ознакомил его с принципами гуманности Руссо, военный учитель Николай Салтыков – с традициями русской аристократии, отец передал ему своё пристрастие к военному параду и научил его совмещать душевную любовь к человечеству с практической заботой о ближнем. Екатерина II считала своего сына Павла неспособным занять престол и планировала возвести*

на трон Александра, минуя его отца…

Совсем иные чувства испытывал юный Великий князь Николай Павлович, которому совсем недавно стукнуло нежных шестнадцать лет. Как мать ни стремилась отвратить своих сыновей от военных забав, к которым он был склонен с самого раннего детства – страсть к технической стороне военного дела, привитая в России императором Павлом Первым, пустила в царской семье глубокие и крепкие корни. Так, например, император Александр Павлович, несмотря на свои либеральные взгляды, был горячим приверженцем вахтпарада и всех его тонкостей (как и великий князь Константин Павлович), и младшие братья не уступали в этой страсти старшим. Николай Павлович с раннего детства имел особое пристрастие к военным игрушкам и рассказам старших о военных действиях. Лучшей для него наградой было разрешение отправиться на парад или развод караулов, где он с особым тщанием наблюдал за происходящим на плацу, останавливаясь даже на мельчайших подробностях. Когда началась Отечественная война, великий князь всеми силами рвался к армии, но встретил решительный отказ своей матери.

Когда в Санкт-Петербург из армии вернулся его брат Константин Павлович*, выпертый за неуживчивость еще Барклаем де Толли, юный великий князь Николай ни на минуту не отставал от старшего брата, требуя как можно больше рассказов о войне. Константину Павловичу, в свою очередь, многажды писали из армии его бывшие подчиненные, генералы и офицеры, непосредственно участвовавшие в Бородинской битве. Писали разное, но, что характерно, об Артанском князе не было сказано ни одного дурного слова. Дескать, рыцарь и герой, лично возглавивший фланговую атаку своей тяжелой кавалерии в самый опасный момент сражения, когда Бонапартий уже одолевал, и русские воины держались из последних сил. Не один только Кутузов в тот момент, когда тьма поражения уже сгустилась над русским войском, слышал в своем сознании коронную фразу Серегина: «Священное Алое Знамя распустить… Артиллерии – один пристрелочный выстрел на начальных установках. Пики к бою, рысью в атаку марш-марш!»; и не только Кутузова обдала бодрящая волна заклинания Поддержки, позволившая смертельно уставшим и израненным людям с новыми силами накинуться на неприятеля.

Историческая справка: ** до 10-го августа 1812 года Великий князь Константин Павлович командовал 5-м (гвардейским) армейским корпусом, входившим в состав 1-й армии под командование Барклая де Толли, и лично участвовал в боях. Был*

сторонником активной наступательной стратегии войны с Наполеоном. Фактически возглавил неформальную генеральскую оппозицию стратегии М.Б. Барклая-де-Толли. Из-за открытого публичного конфликта с командующим был вынужден оставить Действующую Армию и отправиться в Санкт-Петербург.

Естественно, то, что писалось старшему брату, весьма популярному в армейской среде, тут же становилось известно младшему, и никакие нотации и нытье матери не могли отвратить его от мыслей о заморском князе, в трудный момент пришедшем на выручку Российской империи. В измышления матери о том, что Серегин желает узурпировать трон Российской империи, Николай Павлович не верил совершенно. Чай, он не малограмотный яицкий дурачок Емелька Пугачев, прикинувшийся покойным императором Петром Федоровичем. Должен же понимать, что не в Европах мы живем, где у кого больше штыков, тот и король. В России такой противный чести афронт не поддержат ни армия, ни гвардия, ни высшая российская аристократия.

Вдосталь наелись уже восемнадцатого века, когда после кончины императора Петра Великого началась чехарда с заговорами, дворцовыми переворотами и контрпереворотами, не прекращающаяся, считай, и по сию пору. Что ни смена монарха, то барабанный бой; и новый царь или царица въезжают в Зимний дворец на гвардейских штыках. Один лишь Император Павел Петрович, как положено, унаследовал трон своей матери, но своими резкими импульсивными действиями ввел в смущение высшую российскую аристократию, в результате чего был свергнут и убит, не процарствовав и пяти лет. Кстати, Великий князь Константин, помимо всего прочего, узнав о насильственной смерти отца, сказал, что его старший брат пусть как хочет, а он на окровавленный трон убиенного родителя не сядет ни при каких обстоятельствах. И что, – размышлял он, – вы думаете, чужак, не имеющий ни малейшей династической связи с Романовыми, будь он хоть тридцать три раза герой, сумеет не только взять трон силой, но и удержаться на нём, несмотря на сопротивление всех и вся? Это в поле его армия сильна, а в Петербурге пойдут совсем другие игры…

Правда, в тот момент, когда в тихом и сонном полуночном Зимнем дворце началась нездоровая суета, это мнение Великого князя Николая на какое-то время подверглось колебанию. Именно так и происходила большая часть дворцовых переворотов – когда растерянных и сонных властителей Империи заставали в полуночное время врасплох, после чего российская история совершала очередной кульбит. Поэтому, едва заслышав шум,

юный Великий Князь немедленно вскочил с постели и приказал лакею помочь ему одеться, дабы встретить судьбу в достойном виде. Таковое действие казалось ему наилучшим в критический момент; если судьба уготовала ему гибель, то встретить свою участь он желал лицом к лицу, в спокойном состоянии духа, ибо почитал чувство страха за один из наихудших бичей человечества.

Но ничего страшного не произошло. Первым в опочивальню к Николаю вошел его старший брат император Александр Павлович; он окинул почти одетого Великого князя внимательным взглядом и одобрительно кивнул. Следом за ним вошли еще трое: невысокий мускулистый мужчина средних лет, с мечом на поясе и повадками иностранного генерала (несомненно, сам Артанский князь), священник в полувоенной одежде, чья борода наполовину уже была покрыта инеем седины, и вьюнош, на три-четыре года младше самого Николая. Император Александр был взволнован, его лысина блестела от пота, но в то же время по его виду нельзя было предположить, что сейчас произойдет что-то ужасное и непоправимое. При этом Николай даже не задал себе вопроса, как брат Александр и его артанский визави, которые сейчас должны были находиться почти в тысяче верст от Петербурга, могли вдруг оказаться в Зимнем дворце. В обществе поговаривали, что у Артанского князя имеется нечто вроде сапог-скороходов, что позволяет ему почти одновременно находиться в весьма далеких друг от друга местах.

– Брат мой Николай… – сказал император, промокнув вспотевшую лысину большим платком, – сейчас я должен сообщить вам известие, которое перевернет всю вашу жизнь. Волею Отца и Сына и Святого Духа, доведенной до меня через присутствующего здесь отца Александра, я должен оставить вам престол Российской империи и удалиться от дел. Моя участь – провести остаток жизни в странствиях, к которым так склонна моя душа, а ваша – принять трон, возмужать под руководством опытных наставников и царствовать во благо российского народа весь тот срок, который Господь отмерил вам для вашей жизни. А я устал и ухожу, ибо все начинания, которые я делал во благо российского государства, почему-то оборачиваются не добром, а прямой его противоположностью. Господь за грехи мои великие не дал мне даже наследника мужеска полу, а обе моих законных дочери умерли во младенчестве. И пусть лучше я уйду сам в тот момент, когда все содеянное мной еще возможно исправить, а победа над Бонапартом вознесла Россию на самый пик ее славы…

Николай, готовый услышать что угодно, но только не это, застыл на месте, будто пораженный громом. Будучи

предпоследним из братьев, он никогда не думал, что ему придется когда-нибудь взойти на трон своего отца (которого помнил очень смутно) и сейчас даже и не знал, что ответить старшему брату. Последний раз Господь напрямую выражал свою волю светским государям, когда начертал во время пира на беленой стене перед вавилонским царем Валтасаром «Мене, текел, фарес, упарсин», после чего в ту же ночь вавилонский царь был убит, а Вавилония прекратила свое существование, перейдя под власть персов. И вот две с лишним тысячи лет спустя та история повторяется, и его брат, внявший первому же предупреждению, покидает трон, уступая его своему младшему брату – то есть ему, Николаю.

– Но как же такое возможно, брат?! – непроизвольно вырвалось у юного Великого князя, – как вы могли так прогневать нашего Господа, что он повелел вам оставить престол ваших предков и удалиться восвояси?

– Это долгая история, – ответил Александр Павлович, – но я и в самом деле должен удалиться прочь. Ты можешь мне поверить или нет, но так будет лучше для всех. Запомни – одних только добрых намерений для управления государством недостаточно. Для этого еще нужно многое: острый ум, твердая воля, железная рука и хорошее образование, которое позволит тебе отличать коренное от поверхностного, а сокровенную истину от внешней мишуры. В противном случае ты рискуешь погрязнуть в разного рода ненужных делах, которые будут создавать вокруг себя впечатление бурной деятельности, не приводя при этом к положительному результату. В этом тебе помогут опытные наставники: в первую очередь, один из умнейших людей нашего времени светлейший князь Михайло Илларионович Кутузов. А сейчас будь добр пойти с нами. О своем решении оставить трон тебе и удалиться в путешествие я должен буду объявить перед рядами армии, и в этот момент ты должен стоять со мною рядом.

Услышав эти слова, немного было успокоившийся Великий князь Николай снова впал в великое смущение. С одной стороны, ему, разумеется, хотелось отправиться к армии, а если позволит случай, то и побывать в этой самой Великой Артании. Но, с другой стороны, маменька явно не одобрит такого путешествия, а уж слова, которые она скажет по этому поводу, будут самым суровым образом вымараны из летописей, ибо императрицам, даже вдовствующим, следует выражаться со всей возможной благопристойностью, а не как носильщику, уронившему себе на ногу тяжелый сундук.

А вот, кстати, и вдовствующая императрица собственной персоной появилась на пороге, привлеченная неурочным шумом;

она уже было приготовилась поднять шум призывая на помощь охрану, слуг, фрейлин и вообще всех, кто услышит ее крики, да так и застыла на месте, будто соляной столп, с открытым, словно беличье гнездо, ртом на покрасневшем от гнева квадратном лице. Это Дима Колдун погрузил мамашу двух императоров во временный стасис, чтобы та не оглашала окрестности самыми безобразными звуками скандала, какие только может издать женская глотка.

– А вот и маман, – прокомментировал это явление Александр Павлович, – она, конечно, хорошая женщина, но не без недостатков. Из сыновней деликатности мы с Константином совсем не вмешивались в то, как она воспитывала тебя и Михаила, но теперь мы видим, что это было ошибкой. Хотя сейчас об этом уже поздно говорить; надо думать, как исправить ситуацию, а не лить слезы по вырванным в драке волосам. Обратно их все равно не приставишь. Кстати, можешь не беспокоиться – присутствующий здесь Артанский князь заверил меня, что заклинание остановки времени не грозит нашей матери ничем, кроме состояния глубокого недоумения от того, что мы с тобой взяли и внезапно исчезли, будто провалившись под землю. Не знаю, быть может, попросить Сергея Сергеевича прихватить ее с собой и немного подлечить не только по части нервов…

– Брат, – сказал Николай, как только пришел в себя от новой порции новостей, – будь добр, представь мне своих спутников, а то они меня знают, а я их нет.

– Это Сергей Сергеевич, Артанский князь, – сказал император, – воин, полководец и государь, первый заместитель архангела Михаила в наших грешных мирах, иначе еще именующийся как бич божий. На самом деле у него множество владений, и Великая Артания – только одно из них, даже не самое ценное.

– Ну почему же… – сказал Серегин. – Это место ценно тем, что тамошние люди сами провозгласили меня своим великим князем, для чего добровольно отринули все племенные вольности и свободы, соединившись под моей рукой ради жизни в полной безопасности. Там мое войско в первый раз побывало в настоящем сражении, там мы учились воевать и впервые сокрушили жестокого врага, пришедшего на славянские земли только ради грабежа и насилия.

– А где это – Великая Артания? – с естественным любопытством спросил Великий князь Николай. – Мне никогда не рассказывали о таком месте.

– Великая Артания, – назидательно ответил Серегин, – это, в первую очередь, не «где», а «когда». Великая Артания – это

пятьсот шестьдесят второй год от рождества Христова, бывший древнеславянский (по нынешним временам) племенной союз антов, соединившийся в государство ради отпора злобным соседям, прущим из степи на веси мирных землепашцев. Великая Артания – это ржание коней и стук копыт на бескрайних степных просторах, свист стрел и тот немузыкальный звук, с которым мечи сталкиваются в горячей сшибке. Это государство родилось в ужасе, ненависти и крови, разрушительного набега, когда решалось, кому из двух народов – антам или аварам – жить на этой земле, а кому уходить на страницы истории. Старшая дружина антов призвала меня с войском в защитники, признав своим Великим князем, и не прогадала. Враг был разбит и полностью уничтожен, а племенной союз превратился в быстро растущее государство, к которому с охотой присоединяются все новые и новые славянские и неславянские племена, ибо на востоке маячит новая гроза, имя которой – тюркоты…

– А разве так можно? – недоуменно спросил Николай Павлович, – чтобы простонародье само призывало к себе князей? Нет ли в этом какого бунта и не приведет ли этот факт к брожению умов?

– Во-первых – не простонародье, – ответил Артанский князь Серегин, – а старшая дружина, которую позже стали именовать боярством. Во-вторых – тогда только так и делалось: по такому же праву тремястами годами позже в Новгороде сел княжить призванный купно с дружиной ютландский ярл Рюрик. В-третьих – Польша, умом застрявшая в славянском младенчестве, до самого своего конца призывала себе королей со стороны. Но только то, что тысячу лет назад было актом мужества и величия, у нынешних пшеков превратилось в несмешную трагикомедию выбора – под какого иностранного принца или короля им лечь.

– Да, это так, – с мрачным видом подтвердил Александр Павлович, – если бы Сергей Сергеевич захотел остаться и править в своей Великой Артании, то он смог бы стать основателем династии, как Рюрик. Но он не хочет, а потому готовит себе в преемники одного молодого человека, к которому по наступлению возмужания и перейдет вся полнота власти. Также он не захотел править в московском царстве времен Смуты. А когда Земской собор все-таки избрал его на царскую должность, он быстренько назначил себе наследника-заместителя и отбыл по делам службы, повелев, чтобы, если он не явится в ближайшие три года, вся полнота власти перешла к тому человеку, весьма достойному представителю старшей на тот момент ветви Рюриковичей…

– Вам, наверное, трудно понять, – сказал священник, – что

есть такие люди, которым власть не нужна сама по себе, но это действительно так. Именно среди таких людей Господь подбирает себе помощников и исполнителей для особо ответственных дел, ибо в противном случае результат будет печальным. В народе про такие дела говорят – «пустили козла в огород». Сергей Сергеевич не таков, и власть нужна ему только как инструмент для выполнения заданий Творца по перемене истории в лучшую сторону.

– Это, – пояснил император Александр Павлович, кивая в сторону священника, – отец Александр, голос, глаза и уши Отца и Сына и Святого духа. Если услышал в словах громыхание, как во время грозы, то знай – с тобой беседуют прямо с горних вершин, а твои слова попадают прямо к Богу в уши. Но такое, говорят, бывает нечасто, обычно Господь занят другими делами, и на отца Александра обращает внимание, если вокруг того происходит нечто экстраординарное.

– Очень хорошо, брат, – сказал Николай Павлович, – только скажи мне, что это за недоросль стоит позади Артанского князя с таким видом, как будто он как минимум принц крови?

– А это, – ответил император Александр, – отрок Дмитрий, который, несмотря на свою молодость, является сильнейшим волшебником в окружении Сергея Сергеевича. Именно благодаря ему маман стоит сейчас себе спокойно в уголке и совсем не мешает нам устраивать свои дела.

– Да, это именно так, – подтвердил Артанский князь, – этот юноша – один из сильнейших волшебников нашей команды. Но он принципиально не создает каких-либо смертоносных или калечащих заклинаний, и каждый раз старается не навредить людям.

– Так что решайся, брат, и пойдем, – сказал Александр Павлович, – только исповедовавшись отцу Александру и получив от него пасторское наставление, я понял, как затягивала меня эта суета, в которой второстепенное стоит над основным, а внешняя мишура подавляет внутреннюю суть.

– Хорошо, брат, – сказал Николай, – если ты говоришь, что так надо, то я готов. Но как же наша мать – она что, так и будет стоять тут соляным столбом, на радость злоязыким слугам и придворным?

– Хорошо, – пожал плечами Серегин, – мы можем взять вашу мать с собой, а потом, в целости и сохранности, вернуть ее обратно…

– Погоди, Сергей Сергеевич, – сказал отец Александр, – ты бы мог попросить Лилию, чтобы она вернула Софии Марии Доротее Августе Луизе молодость и красоту шестнадцатилетней девушки,

а заодно подкорректировала ее склонность к преждевременной полноте? Как вы думаете, ваше величество и ваше высочество – от такой процедуры характер вашей матери улучшится или останется таким же желчным и въедливым?

Братья сначала обалдело переглянулись, потом почти синхронно кивнули.

– Да, – сказал Александр Павлович, – вторая молодость и красота – это будет воистину царский подарок.

– Тогда хорошо, – сказал Серегин, делая знак двум дюжим лилиткам. Те аккуратно подхватили стасис-статую вдовствующей императрицы и повлекли ее прямо в открывшийся межмировой проход. Следом порог миров перешагнули Александр Павлович и Николай Павлович, вслед за ними на ту сторону прошли отец Александр, Дима-колдун, и самым последним в тридесятое царство шагнул артанский князь Серегин, окончательно запирая за собой проход.

Четыреста семьдесят девятый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Мудрости.

Антон Витальевич, по прозвищу «Танцор».

Если сравнивать меня теперешнего и того, кем я был раньше – то это два совершенно разных человека. Мне даже неприятно вспоминать себя прежнего – того «танцора», над которым рад был глумиться детский оздоровительный лагерь «Звездный путь». Теперь, когда меня зовут Танцором, в это прозвище больше не вкладывают никакого негативного оттенка. Просто это как бы второе имя, позывной, который мне дан, чтобы я был таким же, как они, и ничем не выделялся. Тот «танцор» – неуклюжий, смешной, нелепый и, самое главное, никчемный, – теперь остался далеко в прошлом. И когда любимая просит рассказать об этом периоде моей жизни, я стараюсь уйти от темы, ведь плести про себя небылицы мне не позволяет отсутствие воображения… Я понимаю, что это все комплексы, но ничего с этим пока поделать не могу. Я будто бы вижу себя тогдашнего со стороны – и осознаю со всей ясностью, насколько я был инфантилен, обидчив, горделив. И все это отражалось на моей внешности. Окружающие без труда угадывали во мне неудачника.

С тех пор все основательно изменилось. Могу сказать, что нынче я вполне успешен и счастлив. Сбылись мои главные мечты: у меня есть любимая девушка и любимая работа. Нереида Илла без ума от меня. Да разве ж мог я когда-либо мечтать, что такая красавица будет моей? Илла очень талантлива и имеет поразительную пластику. С моей помощью из нее вышла прекрасная танцовщица… Я не устаю любоваться на нее. И всегда вспоминаю тот наш первый танец в голубом свете луны… Именно

тогда меня пронзила любовь к ней. Я понял, что мы созданы друг для друга. Это было совершенно новое чувство, ошеломившее меня. Ее нежное, легкое тело трепетало в моих руках, и все ее движения выражали влечение; и так это было восхитительно, что, казалось, мы оба парим над землей… И близость с ней тоже была божественной, наполненной романтикой и нежностью.

И с того момента у меня появилось особое вдохновение к своей работе. Я ощущал в себе столько энергии, что, казалось, она вот-вот перельется через край. Но я всегда находил ей применение. И сейчас происходит все то же самое… Я делаю то, что прежде было мне недоступно, то, за что раньше никогда бы не взялся: ставлю спектакли, организовываю концерты, руковожу, можно сказать, целым культмассовым сектором! Я даже не знаю, сколько у нас сейчас в армии человек: двадцать, тридцать или пятьдесят тысяч, – но в любом случае они все являются моими зрителями и моими ценителями. Я переполнен идеями и творческими планами. Я ясно вижу, что все вокруг уважают меня и ценят то, что я делаю. И даже Ника, от которой я раньше видел одно лишь неприкрытое презрение – и та теперь по-дружески кивает мне при встрече, а то и заговорщически подмигивает… Словом, все у меня вполне хорошо.

Свой первый сексуальный опыт я вспоминаю с улыбкой и легкой стыдливостью. Да, если бы не то пикантное приключение с Венерой, едва ли я был теперь так уверен в себе. Это все влияние богини любви… Иногда я задумывался: интересно, а как у Андрюхи, у моего «дублера", обстоят нынче дела на личном фронте? Мы с ним виделись потом всего-то пару раз, да и то мельком. Он ведь состоит при штурмоносце… Вот чего мне действительно не хватало при всем моем благополучии – это дружеского общения. Кругом меня были преимущественно дамы. Мужчины же постоянно занимались «мужскими" делами (и большая часть дам тоже). Нежных созданий – таких как Илла – среди женского пола тут абсолютное меньшинство. В большинстве суровые двухметровые остроухие девицы, которые даже спят в обнимку с оружием. Но им также нравятся мои представления, и они сопровождают их бурными аплодисментами.

Но вот однажды, совершенно неожиданно, на улице я столкнулся с прапорщиком Пихоцким. Вечером того же дня мы сидели в моей комнате и пили благородный коньячок из запасов французской армии (раньше я употреблял исключительно пиво, но с некоторых пор оно почему-то перестало мне нравиться).

Андрюха был немногословен. Слушая меня с неподдельным интересом, он, вздыхая, говорил, что ему там, на штурмоносце,

собственно, не до того, чтобы заводить отношения. Что он весь в работе. При этом я видел, что он по-хорошему завидует мне. Что ж, подумал я, возможно, его судьба еще ждет его впереди…

А через пару дней после встречи с Пихоцким ко мне пришла Ася и привела с собой странную женщину, на женщину похожую очень мало. Я, увлеченный своей работой, не особо вникал в то, что происходит вокруг, иначе бы я, конечно же, был в курсе, кто такая эта Асина знакомая и откуда она взялась. Спрашивать же ее об этом в лоб было как-то невежливо. Ася, правда, тут же представила мне ее.

– Антон Витальевич, это Надежда Андреевна… – сказала девочка, внимательно, вприщур, глядя на меня, словно желая уловить мою реакцию. Однако это имя не вызвало у меня никаких ассоциаций, и Ася расслабилась.

– Не могли бы вы научить ее танцам? – спросила она.

– Конечно, – кивнул я и окинул эту самую Надежду профессиональным взглядом хореографа. Да уж, тут было над чем работать. Вид этой женщины вызывал у меня странные мысли. Трудно было определить ее возраст. Кроме того, присутствовало ощущение, что она долго и упорно пыталась превратиться в мужчину; и вот теперь пожелала снова стать женщиной, да только забыла, как это… Была она коротко стриженой, угловатой, какой-то огрубевшей, и природная женственность, несмотря на то, что с ней уже наверняка поработали наши «девочки», угадывалась в ее облике с большим трудом. На ней были джинсы и голубая блузка – и хорошо, что не платье. В этой своей одежде она походила на мальчика-подростка, в то время как юбка наверняка придала бы ей нелепости. Ведь платье еще нужно уметь носить… Я всегда обращал внимание, что женщины, не вылезающие из джинсов, в большинстве случаев смотрятся в платье не самым лучшим образом.

Я ожидал, что Надежда совсем не умеет танцевать – вид у нее был такой, будто она даже не знает о такой разновидности искусства. Однако, когда я начал с ней заниматься, оказалось, что мои предположения были ошибочны. По крайней мере, вальсировала она довольно умело, хоть и без души. Становилось очевидно, что к танцам она не испытывает особого пристрастия. Тогда ради чего Ася привела ее ко мне?

Почему-то я долго не решался заговорить с Надеждой. Было в ней что-то такое, что меня беспокоило, напоминало о тех временах, когда я был рохлей и недотепой, когда я был не сам собой и моя сущность была заперта. Возможно, она сейчас она находилась примерно в таком же состоянии – когда перемены в

личности необходимы, но все еще продолжаешь цепляться за старый свой образ.

Мне все же пришлось начать с ней разговор. К тому времени Ася уже тактично покинула нас. Вообще это был тот момент, когда рядом никого не было – мы были одни на обсаженной раскидистыми кустами поляне.

– Кто учил вас танцевать, Надежда? – спросил я, убедившись, что ей знакомы еще несколько классических танцев.

– Мне нанимали учителя, когда я была юной барышней… – как-то неохотно ответила она, словно немного стыдилась этого факта. Голос ее имел довольно низкий тембр, но, в общем-то, был приятен.

У меня создалось ощущение, что она не горит желанием поддерживать светскую беседу. Она вообще была какая-то колючая, настороженная. Это отчетливо проскальзывало в ее взгляде. Во мне стал разгораться интерес – кто же она такая? А что если она – известная персона? К стыду своему, я был не особо сведущ в истории и знал не очень много исторических личностей. Впрочем, кое-что из школьного курса запомнилось. Так… Надежда, значит… Наполеон Бонапарт, Кутузов и так далее… Стоп! А не та ли это известная девица, которая участвовала в войне под видом мужчины, еще фильм есть такой?! Наверняка так оно и есть… Как же ее фамилия? Забыл. А спрашивать неудобно.

Но, по крайней мере, для меня многое стало проясняться. Каким-то образом эта девица, скрывающая свою женскую сущность, попала к нам, и тут обнаружилось, что она не мужчина… Естественно, Аня и Лилия тут же взяли на ней шефство, чтобы привести ее сознание в соответствие с ее полом… Ведь крыша и вправду может съехать, если долгое время скрывать от окружающих свою половую принадлежность… Ну и ну! Похоже, это был ее осознанный выбор – стать мужчиной. Там в фильме была какая-то романтическая история, но в реальности все могло быть и по-другому… Как бы там ни было, теперь она должна вернуться в состояние, обусловленное для нее природой, переборов мужские привычки… Что ж, самое главное, чтобы она сама этого хотела. Думаю, Аня помогла ей проникнуться таким желанием – уж это она умеет.

– Надежда, послушайте… Вам необходимо расслабится и прислушаться к себе, к своим внутренним ощущениям… – мягко сказал я. – Танец – это язык души. Вы танцуете весьма неплохо, но Вы не раскрываете в движении свою сущность. Танцуя, вы словно повторяете заученный когда-то урок, в то время как вам следует слиться с музыкой, стать с ней единым целым…

– Это необходимо? – неожиданно перебила она меня,

взглянув снизу вверх с выражением легкой настороженности.

– Что именно? – уточнил я.

– Раскрывать свою сущность…

– О да, Надежда, – серьезно кивнул я. – Человек, находящийся в противоречии со своей природой, не способен овладеть искусством танца в полной мере. Танец – это то, что приводит в гармонию тело и внутренний мир. Танец – это жизненный пульс человека… При помощи танца мы преодолеваем свои внутренние проблемы. Тут дело не только в мастерстве. Важно делать это при участии своей души…

Я увлекся собственным монологом, но это было нелишне. Надежда внимательно слушала меня. Я видел, что она соглашается со мной.

– Давайте так, Надежда… – сказал я, беря пульт управления от музыкального центра, – сейчас я поставлю музыку, наверняка вам незнакомую, и покажу несколько движений. А вы постараетесь повторить за мной, но только при этом вам следует помнить мои слова о том, что танец должен выражать вашу сущность. На этом этапе не так важна точность воспроизводимых вами движений, как участие вашей души. Только тогда возникнет необходимая гармония. Вы меня поняли? Попробуем?

Она глубоко вздохнула – и решительно кивнула.

Я поставил румбу. Зазвучала страстная, зажигательная мелодия. Глаза Надежды расширились; она изумленно вслушивалась в звуки музыки, при этом наблюдая за моими движениями. Вот оно! В ее глазах загорелся огонек. Это означало, что внутренне она уже танцует… Ее губы слегка подрагивают – ага, повторяет ритм: та-та-та… Я прекрасно знал, что звуки энергичной и страстной румбы не оставляют равнодушным практически никого.

Я приблизился к ней, приглашая присоединиться к танцу. Она широко улыбнулась – вот он, тот момент, когда отлетают все сомнения, – и стала танцевать со мной, сначала робко и нерешительно, но потом раскрываясь все больше и больше.

– Душой танцуем, Надежда, душой… – не забывал я ей напоминать. – Не стесняйтесь. Воспринимаем музыку самым сердцем, окунаемся в нее…

Она кивала – и у нее получалось все лучше и лучше. Щеки ее раскраснелись, приглаженные волосы растрепались – они оказались волнистыми и при движении их концы мило подпрыгивали… Все это чудесно преобразило ее, сделав необычайно привлекательной; еще несколько минут назад я и подумать не мог, что она может быть такой хорошенькой… Она словно бы помолодела, губы ее сделались ярче, в глазах горело

вдохновение, и было понятно, что танец доставляет ей удовольствие.

– Очень хорошо, Надежда, прекрасно… – подбадривал я ее, – а теперь вот так… Резче бедром… а теперь на меня… мельче шаг… отлично!

Это женщина-мальчик оказалась способной ученицей. Незаметно пролетели два часа…

Когда я наконец закончил урок, и Надежда (фамилии которой я, к стыду своему, так и не вспомнил), ушла, сердечно меня поблагодарив и договорившись об очередном (теперь уже групповом) занятии, я увидел своего приятеля Пихоцкого. Оказалось, что он, почти не скрываясь, стоял последние полчаса под кустом, наблюдая за нашими занятиями. Вид у него был какой-то приподнятый; он внимательно смотрел вслед удаляющейся Надежде, а когда она скрылась из виду, с нарочитой небрежностью осведомился:

– И кто эта куколка?

Четыреста семьдесят девятый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Власти.

Великий князь Николай Павлович.

Шагнув за порог вслед за старшим братом Александром, я оказался в чудесном сказочном мире, где вечнозеленые деревья на многие сотни сажен устремляют свои вершины к небесам, где пахнет миррой и ладаном, где неистовое раскаленное добела солнце жестоко палит с ярко-синего неба. Сами обитатели этого места немного иронично называют его тридесятым царством: мол, место это настолько далекое, что дальше и быть не может. Я специально узнавал – может. Есть мир, называемый тут просто «подвалами», в котором обитают изгнанные из разных других мест эллинские боги. Это их вотчина, и там они хозяева. Господь в своем неизмеримом милосердии, когда изгонял их из прочих миров, определил им то место для жительства, с запрещением появляться на территории тех миров, в которых люди уже уверовали в Отца и Сына и Святого Духа. И это правильно, подумал я, нечего этим богам шарахаться где попало и смущать честных людей. Пусть сидят у себя в «подвалах» и не кажут оттуда носу, если уж Господь в своем милосердии не уничтожил их под корень.

Но многим из эллинских богов скучно сидеть в своих «подвалах», и они по особому соизволению Всевышнего присоединились к армии Артанского князя, чтобы, странствуя по мирам, наводить порядки и устранять разные неустройства. По крайней мере, так тут все говорят. Так мне рассказали об одном капитане из армии Артанского князя, который обженился на

богине Артемиде и теперь каждую ночь по любви валяет ее по брачному ложу. Счастливчик и наглец. Это надо было додуматься – подъехать с предложением махнуться* к целой богине, да еще такой суровой как Артемида! Еще рассказывали о боге Гефесте, который нет-нет посещает эти края – то ли по делам, то ли с намерением отведать стаканчик крепкой. Так как внешне эллинские боги почти не отличаются от обычных людей, то я все время пытался догадаться, кто из встречных мне мужчин или женщин может оказаться богом или богиней. Но внешне среди встречных мне людей никто особо не выделялся, а те, что выделялись, явно были совсем не эллинскими богами.

Историческая справка: ** термины «махать» и «махаться» в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века (и да простит меня богиня Цензура) служили эвфемизмом, обозначающим половые сношения, а слово «махатель» означало мужчину, являющегося в этих сношениях активной стороной.*

Мое внимание сразу привлекли высокие, статные девы, на две головы выше самого рослого мужчины. Также от обычных людей их отличали острые, как у лисичек, уши и чуть раскосые миндалевидные глаза. Это бойцовые остроухие – неутомимые в бою и храбрые до безумия воительницы, составляющие основной костяк армии Серегина. Сила их неимоверна, отвага их безмерна, и именно они решили дело под селом Бородино, нанеся таранный удар во фланг армии Бонапартия. Сначала я было подумал, что это какие-то исчадия ада, жестокие и беспощадные, которые были захвачены Артанским князем во время предыдущих сражений и путем ужасных заклинаний принуждены нынче служить ему верой и правдой. Но оказалось, что все совсем не так. Отец Александр, который путешествует с Артанским князем с первого дня их похода, рассказал мне, что это чистые невинные души, тянущиеся к свету христианского учения как цветы к солнцу. История о том, как колдуны-содомиты при помощи мерзкой магии порабощали этих несчастных, а Артанский князь принес им освобождение и взял к себе на службу, взволновала меня до глубины души.

Не знаю, смог бы я сказать кому-нибудь (возможно, за исключением моей будущей супруги): «Вы – это я, я – это вы, и я убью любого, кто скажет, что мы неравны друг другу…» Наши аристократия и дворянство и то не имеют такой сильной связи со своим монархом. Такие крепкие узы способна разорвать только смерть. Принося эту клятву, Артанский князь как бы взял всех своих воительниц в жены, но вот только махается он исключительно со своей настоящей женой княжной Волконской, которая уже родила ему сына-наследника и подумывает о следующем. Все же остальные, влюбленные в него как кошки, могут только смотреть издалека и облизываться, ибо предмет их страсти хранит верность своему главному супружескому ложу. Впрочем, это взаимно. Артанский князь совсем не против, если его воительницы в свободное от службы время самостоятельно находят себе предметы страсти и махаются с ними насколько хватит сил. Тут, в Тридесятом царстве, для этого имеется даже специальное заведение, именуемое танцульками, где дамы, которых в этой местности в разы больше, могут подыскать себе подходящих кавалеров.

Но махаться с воительницами – неважно, острые у них уши или закругленные, – это все равно что взять себе в любовницы поручика преображенского полка. Смотреть на них издали, конечно, очень интересно, особенно, когда они маршируют по улицам – с голыми руками и ногами, в своих коротеньких штанишках и куртках-безрукавках, но подходить поближе, а тем

более ложиться с ними в постель я бы не стал. Для этого существуют очень миленькие (такие же, остроухие, но нормального размера) девицы, которые махаться любят и умеют, а из-за того, что их всегда больше, чем желающих, то никогда и никому не отказывают. Я уже спрашивал брата Александра, можно ли мне сходить на эти танцульки и посмотреть на прелестниц. Ответил он мне очень даже положительно, в том смысле, что сходить можно, но только смотреть не обязательно. Если мне понравится какая-нибудь красотка, то смогу сговорить ее в комнатку на часок-другой для «дегустации».

Но это будет позже, после того, как брат перед войском провозгласит меня своим преемником, а пока я гуляю по этому месту в сопровождении двух юных девиц-амазонок, которые рассказывают мне, что тут к чему и почему. Эти девицы на самом деле не для махания, а для того, чтобы ввести меня в курс дела… Они такие же воительницы, как и остроухие, только амазонки происходят из мира тех самых «подвалов» и ведут свой род от богини Кибелы, которую еще зовут Великой Матерью. Так это или нет, я вам не скажу, потому что сам еще там не был; да только для того, чтобы помахаться с этими лихими девками, надо вместе с ними участвовать в жестокой битве, спиной к спине сражаясь с беспощадным врагом. Я бы, конечно, рад, но битвы в ближайшее время не предвидится, да и я сам отнюдь не одержим поиском для себя тут временной подружки. Если просто хочется с кем-нибудь махнуться, то есть способы гораздо проще, чем рваться ради этого на битву. Тем более что эти девицы опять же являются поручиками женского полу, только не преображенскими, а конногвардейскими.

Вместе с этими девицами-амазонками Ликой и Аэллой я обошел весь местный город. В первую очередь я побывал у фонтана, из которого бьет источник Живой Воды, видел высовывающегося оттуда голого мужика, который (вот ловелас) зазывал к себе в фонтан проходящих мимо девок и баб. Это так называемый Дух Фонтана, существо вполне реальное, но не материальное. Телом ему служит та самая Живая Вода, и больше всего на свете он любит делать бабам ребятишек. Если вы увидели ребятенка, который от рассвета и до заката не вылезает из речки или озера, сидит в воде безвылазно до посинения, плавает как рыба и никак не хочет идти в дом – так знайте, это они самые и есть, сын или дочка Духа Фонтана. Ну да, дух-то бессмертный; скучно, поди из года в год, и из века в век, безвылазно сидеть в фонтане, потому что он не существует без его воды, вот он и заманивает к себе для махания разных наивных девиц.

Кроме всего прочего, Живая Вода, как это следует из названия, излечивает любые раны и болезни, а в случае помощи особого лекаря способна побороть даже старость, но это мне сейчас неинтересно. Может быть, лет так-через сорок или пятьдесят я и задумаюсь о том, что надо сбросить с плеч прожитые года, а сейчас их у меня просто нет…

Побывали мы и в специальных купальнях (сейчас почти пустых), где болящих и раненых погружают в Живую Воду для скорейшего исцеления. В одной из таких купален, вход в которую лицам мужеска пола строго запрещен, как раз сейчас начинают лечить от старости мою вечно недовольную всем и вся маман. Пока местные лекари будут лечить ее от старости, я впервые в жизни могу чувствовать себя совершенно свободным, ибо Лика и Аэлла совсем мною не командуют, а только рассказывают о том, где тут имеются разные интересные места, которые стоило бы посмотреть иностранному принцу.

Поэтому после купален мы с девицами направились туда, куда маман бы меня категорически не пустила (запретный плод сладок) – то есть в то место, где остроухие воительницы тренируются в воинском ремесле, маршируют и проводят вахтпарады (развод караулов). Последнее, скажу я вам, меня сильно разочаровало. Такое сильное войско – и никакого парадного шика и блеска. Все серо, скучно, уныло и до предела функционально. А как же красота военного дела, его парадная составляющая, блеск амуниции, оттянутые носки лакированных сапог и чеканная поступь гвардейских марширующих коробок, где солдаты, будто оловянные солдатики похожи один на всех и все на одного? Ведь даже солдат в гвардейские полки у нас подбирают по типу физиономии; блондинов в один полк, брюнетов в другой, курносых шатенов в третий… Как говорил мой учитель генерал-лейтенант Ламздорф: «единообразно – значит, не безобразно.»

Когда я высказал эти свои претензии Аэлле, она только фыркнула, будто дикая кошка, и повела меня туда, где полуголые остроухие воительницы под руководством бывших германских наемников доппельзольднеров тренируются в пешем бое на длинных мечах. Вот это – зрелище, достойное истинных богов, когда рота, в сто двадцать воительниц, синхронно разом взмахивает длиннющими, почти в рост человека, двуручными мечами, отрабатывая приемы атаки и нападения. Единственный вопрос, который возник у меня в ходе наблюдения за этим зрелищем, был о том, что неужели где-то еще в наше просвещенное время используется рукопашный бой на двуручных мечах? В ответ мне сказали, что сражаться воительницам,

возможно, придется не только в нашем, но и во многих других временах. И во многих из них такая рота превратится в ужасную машину смерти, с одинаковой эффективностью истребляющую и пеших и конных.

Для подтверждения этих слов меня отвели на соседний участок, где располагалось стрельбище. Там такая же рота воительниц, одетая в бесформенные пятнистые балахоны, тренировалась в стрельбе из странного вида ружей, стреляющих по несколько раз подряд и при выстреле не образующих дыма. Приемы и ухватки этой тактики, когда все делается лежа или ползком, мне совершенно незнакомы. После моего недоуменного вопроса Лика и Аэлла любезно мне пояснили, что так сражаются в далеком будущем, когда войска на поле боя способны организовать такой сильный ружейно-картечный огонь, что любой солдат, стоящий на ногах, будет немедленно убит. Поэтому там, в армиях будущего, откуда на самом деле и происходит Артанский князь, совсем не уважают фрунт и шагистику. Если в бою не надо держать линию и равнение шеренг, не требуется палить плутонгами, меняя линии между собой; тогда и благородное искусство вахтпарада тоже будет предано забвению…

И вот в этот момент ужасающего откровения нас настигло известие, что меня разыскивает мой брат Александр. Пришло время отправляться в наш мир и представать перед армией для объявления о передаче власти.

23 (11) сентября 1812 год Р.Х., день шестнадцатый, утро. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Утро одиннадцатого сентября по юлианскому и двадцать третьего сентября по григорианскому календарю выдалось холодным, с первым инеем на пожухлой траве, с прозрачным бледно-голубым небом, по которому медленно плывут высокие редкие облака. Погода не в пример тому жаркому во всех смыслах утру, когда на Бородинском поле в ожесточенной схватке сошлись русские и французские войска. Сейчас те же полки, что стояли тогда на поле битвы, поредевшие, но непобежденные, снова выстроены, но на этот раз уже для императорского смотра. Легкий утренний ветерок играет полотнищами знамен, простреленных в битве пулями и изорванных осколками ядер. Наиболее сильные потери понесли полки, стоявшие на левом фланге, у Багратионовых флешей и вдоль Семеновского оврага. Где-то от целого полка остался батальон, а где-то – только рота. Остальные герои легли в мать сыру землю, покрыв себя в этом

сражении неувядаемой славой.

Император Александр Павлович со свитой, его младшие братья Константин (этого насилу нашли) и Николай, вместе с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Кутузовым и Артанским князем, обходят строй чудо-богатырей. Император мрачен. С одной стороны, он уже смирился с тем, что ему необходимо уходить в отставку и даже хочет поскорее разделаться с этим неприятным делом; с другой стороны, ему безумно жаль расставаться с юношескими иллюзиями, с детства привитыми ему воспитателем Фредериком Лагарпом – швейцарцем, исповедовавшим якобинские взгляды. А ведь стоило бы уже понять, что что-то тут не так. Прекраснодушный порыв Великой Французской Революции – свобода, равенство, братство – обернулся «законом о подозрительных» и кровавой мясорубкой якобинского террора. Такие прекраснодушные, но умеренные и осторожные, либеральные реформы императора Александра в ближайшем будущем должны были обернуться самой свирепой своей противоположностью.

Аракчеевщина – вот во что предстояло вылиться неудачным либеральным реформам. Порядок ради порядка, фрунт, шагистика, омертвленное, забюрократизированное государство, похожее на хорошо выделанные швейцарские часы. Вот он – тот государственный идеал, никак не совместимый с благодушными либеральными устремлениями юного Александра Павловича. Стоило бы понять, что любые либеральные реформы могут проводиться только самой жестокой диктатурой, ибо прекраснодушные мечтания, не связанные с реальной жизнью, при превращении в закон вызывают ожесточенное сопротивление – как сверху, так и снизу. Взять те же военные поселения. Какая хорошая с виду идея: для того, чтобы в мирное время была возможность содержать большую армию, пусть солдаты занимаются учениями и в то же время пашут землю, чтобы прокормить себя и свои семьи. А на практике получалось так, что и солдаты из военных поселенцев выходили третьесортные, и землю они пахали из рук вон плохо, из-за чего эти самые военные поселения постоянно требовали дополнительного финансирования. Как говорится: за двумя кошками погонишься – лоб об сосну и расшибешь.

Естественно, узнав о таком ближайшем будущем дела всей своей жизни, император Александр желал поскорее расквитаться с этой неприятной необходимостью и отряхнуть его прах со своих ног. Получивший чисто европейское воспитание, он ничем не был привязан к России и ее народу. Еще будучи наследником престола, цесаревич Александр Павлович мечтал даровать России

конституционное устройство, после чего провести остаток своих дней в маленьком домике где-нибудь на берегу Рейна. С одной стороны, это опять же были его юношеские мечты, а с другой стороны, как раз такие мечты показывают, насколько чужд был этот человек той стране, которой ему довелось управлять. Окончательную точку в вопросе поставила беседа с отцом Александром. Прикоснувшись к божественному и сокровенному, мятущаяся душа Александра Павловича, наконец, успокоилась и пришла хотя бы в некоторое согласие с внешними обстоятельствами. Другими словами, императором овладело чемоданное настроение.

Раз уж это неизбежно, ему хотелось как можно скорее передать власть младшему брату, собрать вещи и отправиться в далекое-далекое путешествие, по местам, в которых он никогда не бывал. Почему бы ему инкогнито (да и кто его там знает) не побывать под видом заморского графа в русском царстве начала семнадцатого века, пройтись по кривым деревянным улочкам Москвы, послушать малиновый звон церковных колоколов, попросить благословения у первого русского патриарха Иова и митрополита Гермогена… Потом бывший император может посетить Великую Артанию, омыть свои ноги в магических водах Днепра, походить по прямым как стрела (план составляли тевтонские архитекторы) улицам Китеж-града, полюбоваться на свежесрубленные трехповерховые терема бояр и купцов, а также аккуратные полуземлянки простонародья. После Китеж-града бывший император собирался побывать в крымском Херсонесе и Константинополе и помолиться под сводами Святой Софии… А там, глядишь, Артанский князь успеет открыть пути в будущее. Вот где будет простор путешественнику для ахов, охов и удивлений…

Рядом с императором вдоль строя солдат идет его брат Константин. Видно, что этот квадратномордый детина внешне желает казаться отстраненным, но внутри себя мысленно потирает руки. На трон, и вообще во власть, ему хотелось не больше чем в геенну огненную, но уже одиннадцать лет (после смерти отца) он числился официальным наследником престола, ибо супруга императора Александра Павловича так и не смогла народить мужу ни одного потомка мужеска пола, и даже обе их дочери умерли в младенчестве. Но вот приходит Артанский князь – и, аки Александр Македонский, разрубивший Гордиев узел, разрешает эту проблему. Из Константина император все равно не получится, а посему да здравствует юный император Николай Павлович, а бывший наследник престола может быть свободен, потому что если что-то пойдет не так, наследовать трон

Российской империи будет уже Михаил Павлович. Одним словом, «дорогу молодым!». Константин сейчас жалел только о том, что в роковой день Бородинской битвы, решившей судьбы мира, он отсутствовал в составе русской армии и не мог быть очевидцем разгрома наполеоновской армии. Рассказы бывших сослуживцев и подчиненных – это совсем не то, гораздо лучше было бы видеть это побоище собственными глазами.

Великий князь Константин Павлович видел бойцовых остроухих на тренировочных полях во всех видах тренировок и оценил их стати и боевые возможности. В отличие от младшего брата, знакомого с войной только теоретически, он лично участвовал в Суворовских походах, и в том числе в переходе через Альпы. Поэтому он понимал, что обученная всем видам боя и прекрасно вооруженная Артанская армия, а особенно Кавалерийский Корпус, представляет собой оружие страшной разрушительной мощи. Неудивительно, что армия Бонапарта была разгромлена артанцами всего за несколько часов и пала в прах. Константин уже примерился, как бы ему перевооружить на новые многострельные ружья хотя бы Гвардейский корпус, но тут Артанский князь сказал решительное «Нет!», согласившись передать только способы отливки и применения пуль Минье для дульнозарядных штуцеров и (при хорошем поведении) технологии, необходимые для изготовления реплик винтовок Бердана.

Пули Минье, конечно, штука хорошая, но уж очень простая. Не пройдет года, как такой приблудой начнут пользоваться все европейские армии, и тактическое преимущество от обладания ими сойдет к нулю. Реплики (копии) винтовки Бердана и патроны к ним (особенно патроны) для российской (и не только) промышленности начала девятнадцатого века, напротив, слишком сложны в изготовлении. Штучное производство для членов царской фамилии и представителей высшей аристократии вполне возможно, а массовое – уже нет. Чтобы решить эти задачу необходимо фактически осуществить в России научно-техническую революцию и провести первую после Петра Великого массовую индустриализацию. Потянет юный император Николай Павлович (и его советники) со всей его тягой к армии такую задачу – значит, быть России военной сверхдержавой. Не потянет – значит, сверхдержавой через двадцать-тридцать лет станет Наполеоновская Франция.

В то же время вышеупомянутый Николай Палыч, который идет чуть позади братьев, всматривается в ряды русских солдат и офицеров и думает о том, что он в своем юном возрасте совсем не готов брать на себя ответственность за то, чтобы встать впереди

России. И в то же время он ощущает некую неотвратимость судьбы, влекущую его в направлении трона. С Артанским князем или без него – его участь быть Российским государем, звеном в бесконечной цепочке великих князей, царей и императоров протягивающейся из прошлого в будущее. При этом его страх перед предстоящим актом передачи власти (ну не готов я, Господи, к такому кресту, не готов) смягчается юношеским максимализмом и надеждой на то, что старшие товарищи не оставят его своей поддержкой, научат что делать и помогут разобраться с делами. Его нового наставника за хитроумие и жизненный опыт не зря зовут Седым Лисом Севера, да и Артанский князь, дядька в общем не злой, тоже обещал ему свою поддержку.

В конце концов, не боги горшки обжигают; да его никогда не готовили к трону, но Николай Павлович своими ушами слышал, как тот же Артанский князь говорил брату Александру о том, что в России заранее подготовленные государи, являвшиеся наследниками с первого момента своей жизни, показывали не очень хорошие результаты. И, наоборот, прославляли и укрепляли государство те монархи, которые, подобно ему, садились на трон без всякой предварительной подготовки. Мол, такой парадокс указывает на глубокий дефект в деле воспитания российских монархов, который следует немедленно выявить и исправить. Ибо плохо, когда на престол садятся неподготовленные люди, вынужденные на ходу разбираться в тонкостях государственного управления, но еще хуже, если будущий государь будет подготовлен неправильно.

Россия не Европа, и напрямую пересаживать политические рецепты с европейских грядок на русские было бы в корне неверно. Тут нужен большой политический ум и известная гибкость в позвоночнике, ибо многие решения, по факту оказавшиеся неверными, необходимо переделывать сразу, как только становится понятно, что все идет не так, как задумывалось. Это называется «оперативное ручное управление», и оно очень важно в связи с огромностью российских просторов, разнообразием бытующих на территории Империи обычаев, а также непредсказуемости русского национального характера. В большей или меньшей степени этот фактор ручного управления будет присутствовать в России всегда, а если отпустить вожжи, положившись на скопированную с европейских лекал конституцию, парламент и прочие благоглупости, то можно заехать на государственной машине в такие дебри, из которых уже не будет выхода.

Тем временем пауза, которую император Александр Павлович

тянул перед тем, как сказать армии самое главное, наконец, истекла. Остановившись в центре построения, перед батальонными коробками гвардейских полков, император заговорил о том, ради чего он, собственно, и собрал участвовавшие в Бородинской битве войска на этот смотр:

– Господа генералы и офицеры, а также бравые русские солдаты, героически сражавшиеся с неисчислимой ордой иноземных завоевателей! К вам, спасшим Россию на полях сражений от порабощения и гибели, обращаемся Мы со своей великой просьбой. Не чувствуя в себе сил и способностей для дальнейшего руководства государством в эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести отречься от престола государства Российского, сложить с себя верховную власть и удалиться в вечные странствия. Учитывая стойкое нежелание брата нашего великого князя Константина Павловича принимать престол наших предков и слезную просьбу избавить его от этой участи, Мы передаем наследие наше брату нашему младшему, великому князю Николаю Павловичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с народными чаяниями на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества сплотиться вокруг священной фигуры государя-императора и к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России! Аминь.

Выдержав несколько драматическую паузу, Александр Павлович, теперь уже и не император, повернулся к генерал-фельдмаршалу Кутузову и сказал:

– Михайло Илларионович, приводите полки к присяге новому государю, а я, пожалуй, уже пойду…

И с этими словами бывший император всероссийский Александр Павлович круто развернулся на месте, и, не оглядываясь, отправился через межмировой портал в Тридесятое царство тридевятое государство, где его супруга Елизавета Алексеевна проходил курс лечения на водах. Только его и видели… Вот и все об этом человеке, так сказать, до особого распоряжения. Но солдатам и офицерам о том некогда задумываться, ибо священники уже тут как тут, готовятся принимать присягу русского воинства шестнадцатилетнему юнцу, на которого только что свалилась огромная ответственность за

Державу, простирающуюся от Балтики до Тихого океана и от полярных льдов до знойных пустынь Туркестана.

– Ну вот и все, Ваше Величество, – без всякой иронии шепнул Серегин на ухо Николаю Павлович, – поздравляю – теперь вы Император.

– Что, уже? – так же тихо ответил Николай. – А я-то думал…

– Да, уже, – сказал Артанский князь, – потому что так и было задумано. И запомните, что если вы захотели отрезать кошке хвост, то лучше всего делать это сразу, а не растягивать животному муки, оттяпывая его маленькими кусочками. И еще. Будучи в России первым после Бога, вы всегда должны помнить, что подданные, которыми вы управляете, это не оловянные солдатики и не цифры в губернских отчетах. Это живые люди, солдаты, мужики, мещане и дворяне, жизнь которых всецело зависит от вашей воли. Без них все прочее просто не имеет смысла. Поле без мужика превращается в пустошь, город без мещанина становится руинами, а армия без солдат исчезает вовсе. Принимая государственные решения, вы должны тщательно соразмерять интересы государства с интересами простонародья, учитывая, что оно, это простонародье, является тем фундаментом, на котором стоит государственное здание. Интересы господствующих классов, высшей аристократии, помещиков и буржуа могут противоречить интересам государства, а вот интересы простонародья – никогда…

– Но Матвей Иванович* говорил, что дворянство и аристократия – это две первейшие опоры трона… – возразил Николай.

Примечание авторов: * *генерал-лейтенант Матвей Иванович Ламздорф – один из учителей-воспитателей юных великих князей Николая и Михаила Павловичей, пребывавший в этой должности более семнадцати лет. От этой деятельности, по словам графа М. А. Корфа, не выиграли ни Россия, ни великие князья, ни великий князь Николай Павлович в особенности.*

Ламздорф не обладал ни одной из способностей, необходимых для воспитания особ царственного дома, призванных иметь влияние на судьбы своих соотечественников и на историю своего народа; он был чужд даже и того, что нужно для человека, посвящающего себя воспитанию частных лиц. Назначение Ламздорфа объясняется доверием и уважением к нему императрицы Марии Феодоровны, взявшей на себя главное попечение о воспитании двух младших сыновей. Его главною целью было отвлечь обоих великих князей от страсти к военной службе. Но Ламздорф не достиг своей цели; исходя из неправильного понимания принципов педагогики, он старался идти наперекор всем

наклонностям, желаниям и способностям порученных его воспитанию князей, которые находились постоянно как бы в тисках, не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сесть, ни говорить, ни забавляться.

– Должен заметить, – ответил Артанский князь, – что дворянство является для трона не опорой, а подпоркой, которая с каждым годом становятся все менее надежной. Ваш дед, император Петр Федорович, на радостях от воцарения издавший указ о вольности дворянской, грубо оторвал дворян от государственного механизма и просто прислонил их сбоку государственной машины. Он желал сделать все так, как сделано в Европах – но там дворянство не выкристаллизовывалось из народной гущи, а образовывалось из числа иноземных завоевателей. Ваш дед разрушил существовавший издревле социальный договор, по которому крестьянин пашет землю и обязан своим трудом, дворянин практикуется в воинском ремесле и обязан положить за Отчизну свой живот, а великий князь или царь правит и обязан своим подданным справедливым судом и рациональным управлением. После указа о вольности дворянства интересы дворян перестали совпадать с интересами государства, которое они уже не были обязаны защищать. Да, многие из дворян, несмотря на тот Указ, служат и приносят большую пользу, но уже начал формироваться слой нигде и никогда не служивших помещиков, которые высшим смыслом жизни считают задачу выжать из своих крестьян побольше денег и промотать их по Европам в Баден-Бадене. При этом эти люди пользуются всеми преимуществами и привилегиями своего статуса, не отдавая взамен ничего. Через сто лет из двух миллионов потомственных российских дворян в службе будет находиться не более ста тысяч, еще сто тысяч офицеров и чиновников будут состоять в личном дворянстве, полученном за заслуги перед государством. Вы можете верить, а можете нет, но кончится это тем, что прекратят свое существование и Российская империя, как монархическая форма правления, утратившая опоры, и само дворянство, которое с того момента более никому не будет нужно. А потом начнется такой кровавый беспредел, такая махровая пугачевщина, по сравнению с которой Великая Французская Революция со всеми ее прелестями – якобинцами, гильотинами и Конвентом – в един момент померкнет, как с восходом солнца меркнет на небосклоне скромница луна. Сейчас, когда еще ничего не предрешено, все это еще можно изменить и предотвратить; но тем дольше это дело будет находиться без движения, тем тяжелее окажутся последствия.

– Хорошо, – сказал Николай Павлович, выслушав Серегина, –

в ваших словах есть рациональное зерно. Я непременно подумаю над тем, что вы сейчас мне сказали, и мы об этом еще поговорим.

Четыреста восьмидесятый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Терпения.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна (в девичестве София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская).

Я просыпалась очень медленно. Сквозь радужную пелену, в окружении вспыхивающих звездочек, я видела перед собой лицо незнакомой молодой женщины. Лицо это было приятным и несло в себе отпечаток душевности и сострадания. Поначалу казавшееся призрачным, оно постепенно приобретало все более отчетливые черты. Глаза незнакомки внимательно и с ожиданием смотрели на меня. Было чувство, что эта женщина хочет поговорить со мной – и не просто поговорить, а открыть что-то важное. И мне не терпелось это важное узнать, но сознание слишком медленно выкарабкивалось из пучины забытья… Мысли ворочались тяжело, я с трудом вспоминала, что произошло со мной. Кажется, мне так и не удалось вспомнить все до конца. Передо мной вставала одна лишь картина: мои сыновья Александр и Николай, незнакомый иностранный военный весьма сурового вида (почему-то мне кажется, что это был сам ужасный Артанский князь) со свитой, священник, чело которого отмечено печатью Господа Нашего – и все они смотрят на меня… И все, дальше пустота и мрак беспамятства. Наверное, это все же было сновидение. Ведь сейчас я как раз просыпаюсь и начинаю осознавать, какой потрясающий абсурд мне привиделся…

Впрочем, кажется, что я вовсе и не просыпаюсь. Потому что, по мере кажущегося прояснения сознания, я начинаю замечать, что все окружающее никак не может существовать в действительности. Не могу же я в самом деле находиться в огромной слабо освещенной пещере, лежащей голой в ванне со светящейся водой… А где же тогда Зимний дворец, мои покои, детская опочивальня моего сына Николая, где я находилась до того как провалилась в пучину забвения? Я зачерпываю ладонью воду, и она стекает у меня между пальцев, играя разноцветными искрами. Занятный, однако, сон! Пелена постепенно рассеивается, и я могу слегка оглядеться. В первую очередь я смотрю на тело, которое возлежит в ванне, выдолбленной из цельной каменной глыбы, наподобие тех, что применялись в древнеримских купальнях. Это тело мое, и в то же время нет. Оно такое же жирное и бесформенное, как раньше, но я не чувствую своих обычных болячек: ни колотья в боку, ни болей в суставах, которые отравляли мне жизнь все последние годы, а мази и

притирания доставляли только временное облегчение… Ну да, правильно -я же сплю и вижу сон о том, как я лежку в ванне со светящейся водой…

Да, странное мне приснилось место… И женщина, что стоит передо мной и чьи глаза так пристально за мной наблюдают – тоже странная. Она одета совершенно немыслимым образом: на ней обтягивающая блуза с коротким рукавом и штаны; наряд этот весьма похож на исподнее, но, однако, этот факт нисколько ее не смущает. Прическа же этой женщины не менее чудна и легкомысленна: волосы просто собраны в пучок и перехвачены лентой на том месте головы, где макушка переходит в затылок. Она молода и красива, и, кажется, чем-то напоминает меня в молодости…

Вдруг до меня доходит, что я нахожусь перед ней в совершенно неприличном виде… Меня пронзает стыд. Сколько раз подобное случалось со мной во сне, и, проснувшись, я радовалась, что это было не на самом деле. Но теперь-то я знаю, что это все не по-настоящему, но все равно стыдно… И вдобавок к стыду примешивается новый оттенок – я осознаю мучительную и непреодолимую разницу между ней – молодой и стройной прелестницей, и собой – толстой и дряблой старухой… Причем сейчас ничего не скрывает безобразия моего грузного, обвисшего тела – я не затянута в корсет и талия моя не обрамлена пышными юбками, призванными уравновесить пропорции. Я, будто жирная жаба, лежу в этой каменной ванне, имея возможность видеть свои отвратительные бугристые ляжки, свисающий огромной складкой живот, пустые груди, похожие на снятые чулки… И даже прически нет на мне – длинные волосы с отчетливыми полосками седины колышутся в воде подобно морским растениям…

Это сон! Это всего лишь сон! Так мысленно говорю я себе, но слова эти мало мне помогают. Я жалкая уродливая старуха, которая лежит в ванне перед той стройной красавицей, что стоит прямо напротив с таким видом, будто она является хозяйкой этого места…

– Это не сон, Мария Федоровна… – вдруг произнесла эта женщина и чуть подалась ко мне, улыбаясь мягко и кротко, словно бы даже не замечая моей наготы. – Это не сон. Просто поверьте мне. Если же вас волнует ваша нагота, то спешу заверить вас, что данная процедура – то есть нахождение в этой ванне – проводится исключительно ради вашей пользы и призвана вернуть вас в то состояние, в котором вы понравитесь самой себе. Так что настоятельно советую вам перебороть излишнюю стыдливость.

Слова ее доходили до меня с трудом. Точнее, вовсе не

доходили. Я абсолютно ничего не понимала, однако ее уверение, что это не сон, обеспокоило меня. Я стала нервно озираться, при этом чувствуя, как сердце мое забилось сильнее.

– Уважаемая Мария Федоровна, Ваше Величество, пожалуйста, успокойтесь… – произнесла незнакомка. – Не волнуйтесь, с вами все в порядке, у нас, в Тридесятом Царстве, вы в полной безопасности, и никто из посторонних не увидит вас в этом месте. Разумеется, кроме лекарей, которые будут заниматься восстановлением вашего здоровья. А теперь позвольте представиться. Меня зовут Анна Сергеевна Струмилина, я тут работаю магом Разума и помогаю людям, запутавшимся в себе, разобраться в своих чувствах, мыслях и тайных побуждениях.

Она подошла поближе; я с изумлением разглядела в ее волосах лиловые пряди. Глаза ее были удивительны. В них светились доброта и милосердие. Лицом своим она была похожа на добрую фею из сказки. Мне хотелось доверять ей… От ее взгляда, ее голоса в душе моей стал разливаться покой. Но все же, Бог Мой! Тридесятое царство – это же, насколько мне известно, одна из вотчин Артанского князя…Часть меня оставалась настороже, ибо у меня не было оснований ожидать от его людей чего-либо хорошего. Более того, я непроизвольно сжалась в комок, будто ожидая, что эта Анна Сергеевна нанесет мне неожиданный удар… Уверенность в том, что это сон, таяла, и я с ужасом поняла, что нежданно-негаданно оказалась в руках у ужасного чудовища, по сравнению с которым проклятый Корсиканец – просто невинный ребенок.

– Анна Сергеевна, милочка, – взмолилась я, – скажите, умоляю вас, зачем я здесь и что вы со мной собираетесь делать?

– Я еще раз повторяю, Мария Федоровна, – сказала хозяйка этого места, – вы находитесь в ванне с магической водой, потому что лекари решили, что для достижения полного эффекта Вам необходимо пребывать в этой воде около двух недель…

Видя, как округлились мои глаза, Анна Сергеевна сделала успокаивающий жест рукой.

– Когда я более подробно поясню, для чего вам требуется эта процедура, вы будете относиться к ее необходимости совсем по-другому. – Она сделала паузу, внимательно глядя на меня, и продолжила: – дело в том, что ваши сыновья Александр и Николай попросили нас вылечить вас от такой болезни как старость. Ванна с магической водой -главная часть этого лечения, которое вернет вам молодость и красоту. Ваше здоровье при этом восстановится полностью – то есть результатом этой процедуры будет не только внешний эффект. Омолодится весь ваш организм, вы станете такой же, как в шестнадцать лет. При этом ваш ум и

нажитый опыт останутся при вас. Столь выгодное сочетание внешних и внутренних качеств откроют для вас целый мир давно утраченных вами возможностей… Вы можете начать жизнь заново, испытать все то, что не успели. Имея молодое тело, вы будете по-другому воспринимать действительность. Поскольку конец вашего жизненного пути отодвинется на неопределенный срок, то вы можете заново прочувствовать вкус жизни… Можете что-то исправить, что-то изменить. Но, прошу вас, живите при этом своей собственной жизнью! Мы постараемся, чтобы у вас была такая возможность. Наслаждайтесь, реализуйте свои желания и стремления, обогащайте свой внутренний мир. Ведь молодость дает столько преимуществ, столько возможностей; но и она не будет вечной, поэтому важно использовать этот шанс таким образом, чтобы в душе не накопились новые обиды и претензии к миру и окружающим…

Я слушала ее, боясь пошевелить даже пальцем. Странно: сейчас, как никогда, я ощущала реальность происходящего. И все же от описанной перспективы у меня буквально захватывало дух: я вновь стану молодой?! Неужели я смогу выбраться из этой ужасной оболочки, став стройной и легкой, как когда-то? О таком я не могла и помыслить. И все это было совершенно неожиданно, и потому ошеломляло меня до крайности, так что я даже не могла ничего произнести в ответ. Да как же так? Ведь никаким алхимикам и чернокнижникам недоступно возвращать человеку молодость! Это не шутка?

Последний вопрос, очевидно, ясно нарисовался на моем лице, потому что Анна Сергеевна сказала:

– Это не шутка. Если вам все же не верится, то есть только один способ проверить правдивость моих слов – сделать все так, как я говорю, то есть принять процедуру до конца. Да, вам придется находиться тут безвылазно на протяжении всего рекомендуемого периода, но разве вам самой не интересно было бы наблюдать за всеми изменениями, что будут происходить с вашим телом буквально на глазах? Смотреть, как тают жировые отложения, как крепнут мышцы и подтягивается кожа… А через несколько дней вам принесут зеркало, и вы сможете взглянуть на свое лицо, которое разгладится и посвежеет…

Она так это все говорила, что мое сердце начинало радостно трепыхаться. Но все же осознать это было трудно. И к тому же меня стал сильно беспокоить один вопрос: ради чего они делают все это для меня? Ответа мой разум не находил. Едва ли я была в их глазах одной из тех, кто обладает всеми сокровищами мира. А вторая молодость, несомненно, стоит очень дорого, буквально на вес золота, и уж наверняка нашлось бы немало желающих,

которые бы отдали за нее все свое состояние, и бессмертную душу в придачу…

Будто бы снова прочитав мои мысли, Анна Сергеевна сказала:

– Вы можете считать, что это просто подарок с нашей стороны. Вы не сделали для России ничего дурного, а, наоборот, прославились своей добродетелью и благими делами, и теперь, когда самое главное уже произошло, нам не хотелось бы, чтобы вы впали в уныние и апатию, приняв тот факт, что вы уже ни на что не можете повлиять. А вашей второй молодостью вы будете вправе распорядиться так, как пожелаете…

– Что вы имеете виду, говоря о том, что самое главное уже произошло? – обеспокоилась я; в голову полезли разные страшные мысли.

– Не далее как несколько часов назад, – с улыбкой сказала эта странная женщина, – ваш старший сын Александр передал престол Российской империи брату Николаю и удалился прочь для того, чтобы начать свои бесконечные странствия по иным мирам. Император Александр Первый покинул престол, да здравствует император Николай Первый. Сразу скажу, что я не копалась в мыслях вашего старшего сына, ибо не люблю делать этого без крайней необходимости, но даже без особых процедур моему проницательному глазу было видно, что Александр Павлович устал как от самой власти, так и от тех назойливых подхалимов, которые облепили его будто мухи плошку с вареньем. Поэтому он с радостью сбежал от всего этого при первой же возможности…

– Какой ужас! – непроизвольно воскликнула я, всплеснув руками, отчего во все стороны полетели водяные брызги, – если я вас правильно поняла, то мой бедный сын до конца жизни будет скитаться по чужим местам, не зная, где он завтра преклонит голову. Скажите, для чего вам понадобилось отправлять его в такую жестокую ссылку?

– Во-первых, – сказала посуровевшая хозяйка этого места, – так хочет Бог, а значит, торг тут неуместен. Как говорит Сергей Сергеевич, когда с горних вершин тебе приказывают прыгать, ты прыгаешь, когда говорят падать и ползти, ты падаешь и ползешь, потому что все иное тут от лукавого. Во-вторых – ваш сын Александр вместе с супругой будут путешествовать не как босоногие странники – с клюкой и полупустой сумой, а как богатые иностранцы, которых будут встречать по одежке, а провожать по кошельку. Он же у вас прирожденный путешественник, которому никогда не надоест странствовать по новым местам…

– Но все же, – взмолилась я, – зачем все это было нужно? Ведь

какой из Николая император в его шестнадцать-то лет; разве нельзя было подождать с отречением Александра еще немного, пока Николай не станет полностью совершеннолетним?

– А нужно это было затем, – уже мягче сказала Анна Сергеевна, – что ваш старший сын своим неумным и неумелым управлением понемногу губил Россию. Не имея своего мнения по большинству вопросов, он потакал мнениям облепившей его своры прихлебателей, для которых у нас есть только одно название – нечисть. В то же время ваш младший сын также находился в опасности. Учителя, которых вы ему подобрали, постоянно вводили его в заблуждение и вместо того, чтобы развивать естественные наклонности до уровня таланта, окружили его ворохом самых нелепых запретов. Вашему младшему сыну, имеющему неплохие способности, требуется дать хорошее систематическое образование, чтобы, став императором, он мог силой мысли проникать в суть вещей, а не бессильно скользить по поверхности событий. Сейчас это сделать еще не поздно, но несколько лет, проведенных при прежней системе обучения, окончательно погубили бы его личность. Сейчас, под общим руководством одного из умнейших людей вашего времени фельдмаршала Кутузова, у него есть все шансы закалить и огранить свой ум до бриллиантовой остроты и крепости. А чтобы ему в этом не смогли помешать, ваш сын Александр перед самым своим отречение назначил фельдмаршала Кутузова главнокомандующим русской армии, Канцлером и Регентом империи, освободив от последней должности своего брата Константина…

Услышав эти слова, я и не знала, что мне сказать. Вот она – цена моей второй молодости и новой красоты… Приму ли я этот дар из рук тех, кто грубо вмешался в жизнь моей семьи или со смехом брошу им его в лицо? С одной стороны, гордость требовала, чтобы я отказалась от лечения и со смирением приняла неминуемую смерть, а с другой стороны, внутренний голос шептал, что это все равно ничего не изменит, а вторая молодость есть вторая молодость, к тому же Александр и вправду путешествовать любит гораздо больше, чем сидеть на троне Российской империи…

– Я вижу, вы в замешательстве… – произнесла Анна Сергеевна. – Что ж, теперь, чтобы у вас была возможность осмыслить все сказанное, я оставлю вас наедине с собой. Еще раз повторю, что тут вас никто не побеспокоит, и посоветую вам просто расслабиться и настроиться на хорошее. Если у вас появятся вопросы, вы сможете задать их во время моего следующего визита. На этом позвольте откланяться, и до встречи.

Она наделила меня ободряющей улыбкой и стала удаляться, постепенно растворяясь в полумраке огромного сводчатого помещения. Где-то в отдалении, там, куда она направилась, слышались приглушенные звуки человеческих голосов – и это не давало мне почувствовать себя в полном одиночестве по этими высокими темными сводами. В то же время никто не беспокоил меня, и я могла спокойно поразмыслить…

Примечательно, что через некоторое время, в свете заманчивой перспективы вернуть свою молодость, перестановки на российском троне уже не вызвали у меня особого беспокойства. На меня произвела более чем благотворное впечатление эта Анна Сергеевна. Познакомившись с ней, я стала приходить к мнению, что люди Артанского князя – не такие ужасные злодеи, как мне мнилось прежде. Ведь она – одна из них… И вообще, было в ее словах, манере общения что-то, наводящее на мысль, что бессмысленно пытаться переиграть то, что уже предрешено – и предрешено отнюдь не людьми, а той могучей силой, что управляет миром… Господом Богом… Потому-то я сразу восприняла ее слова без особого внутреннего сопротивления.

И теперь, пытаясь по ее совету расслабиться и настроиться на хорошее, я прикрыла глаза и отдалась грезам… И в самом деле, здесь было хорошо. Где-то мелодично звенели капли, слышался плеск воды. Все звуки здесь были нежными, умиротворяющими. Тело мое казалось легким в этой искрящейся теплой воде. Все здесь располагало к счастливому отдохновению…

Прожитая жизнь неспешно проходила перед моими глазами. Выходя замуж за цесаревича Павла Петровича, поначалу я была восторженной влюбленной девочкой… У нас было все просто замечательно. Я изо всех сил старалась нравиться его матери, императрице Екатерине, очень властной и внушительной женщине. Я постаралась спокойно снести то, что двух моих старших сыновей она забрала к себе на воспитание. Но все ж я была не такой, как она. Она ожидала, что я приму активное участие в ее интригах, но мне все это было глубоко чуждо. Она разочаровалась и охладела ко мне. Меня даже радовало то, что теперь не было необходимости часто с ней встречаться. Но по прихоти судьбы мне суждено было снова сблизиться со своей свекровью… С некоторых пор в поведении моего мужа стали появляться причуды, и совсем не безобидные. Он стал впадать в состояние странного возбуждения, когда ему казалось, что вокруг него заговоры, а я неверна ему… Он кричал на меня, проклинал и топал ногами. Я терпела. Я жалела его, пыталась наладить наши отношения; прежняя привязанность все еще жила в моем сердце…

Но когда он стал в открытую изменять мне с моими же фрейлинами, я почувствовала боль… С его стороны больше не было той нежности и чуткости, что я видела от него прежде. И приходилось терпеть его холодность, отчужденность, а порой даже откровенную неприязнь. Тем не менее у нас регулярно случалась близость, что, конечно же, давало мне надежду на улучшение наших отношений. Но этого все не происходило, он менял своих любовниц чуть ли не каждый день, и тогда в отчаянии я обратилась к его матери. Как всегда, горделивая и величественная, она приняла меня со снисходительной улыбкой на лице.

«Не стоит делать трагедию из такого пустяка, моя милая, – сказала она в ответ на мои жалобы. – Право, мой сын того не стоит. Посмотри на себя – ты красавица! Живи в свое удовольствие. Ответь на измену изменой; слава Господу, престол Российский уже укреплен тремя детьми, теперь можно и отдохнуть.» Мой ответ на эти слова она опередила, произнеся с холодноватой усмешкой: «Пусть тебя более не волнуют житейские мелочи, дорогая моя. Павел признает ВСЕХ твоих детей – уж в этом можешь на меня полностью положиться!»

Сказать по правде, я была поражена содержанием этого разговора. Но приходилось признать, что Екатерина всегда давала мне дельные советы, и на этот раз я тоже решила им последовать… Мне уже давно не хватало нежности и обожания. Стоило мне задуматься над тем, кого выбрать себе в фавориты, как сразу же появилось несколько кандидатур… Оказывается, кое-кто из придворных уже давно оказывал мне знаки внимания, да только я по наивности своей не имела возможности истолковать их правильно.

Оказалось, что всегда найдется множество желающих утешить и развлечь обиженную супругу наследника престола… Но к выбору я подходила осторожно. Мой первый любовник обладал легким характером, ему всегда удавалось поднять мне настроение. Кроме того, он открыл мне много такого в любовных отношениях, чего я раньше не знала. Он был весьма в этом искушен, в отличие от моего супруга. Я убеждалась, что свекровь дала мне хороший совет, и при этом я все больше понимала и ее… К тому же мне и вправду стало не в пример легче сносить то, как обращается со мной мой муж.

В своем желании быть «утешенной» я все ж не доходила до крайностей. Всех моих любовников можно пересчитать на пальцах одной руки. Что же касается моих последних семи детей, то я даже не могу сказать точно, кто из них чей… Впрочем, согласно совету Екатерины, я не беспокоилась об этом.

Со временем остатки моей привязанности к мужу улетучились вовсе. Я знала, что Екатерина планирует отстранить Павла от власти и посадить на трон моего сына Александра – и молча одобряла ее задумку. Тем более что мой муж с некоторых пор стал просто пугать меня своими выходками; порой он просто вел себя как сумасшедший.

Однако планам свекрови не суждено было сбыться. После ее смерти мой муж все же стал императором. И вот тогда я вдруг поняла, что тоже хочу править… Я хотела быть такой, как моя великая свекровь. Я так углубилась в свои честолюбивые мечты, что вообразила себя равной ей, Екатерине…

Правление моего мужа отличалось крайней импульсивностью и непостоянством и во внутренних и во внешних делах. И вот итог – он был убит своими ближайшими приближенными, которые испугались того, что при следующей перемене настроения покатятся уже их головы. Так что Александру, можно сказать, повезло. Затевая свой переворот, Артанский князь не захотел убивать моего старшего сына, а просто отправил его в путешествие по далеким заграницам, вроде того, которое мы с мужем под именем графов дю Нор (Северных) проделали по Европе во времена нашей молодости.

И вот сейчас, лежа голышом в этой ванне, под влиянием сладкой мечты о возвращении молодости, я переосмысливала всю свою прожитую жизнь. Да, я совершала много ошибок. Да, я гналась за миражами… Я мечтала о том, чтобы иметь влияние и власть. Но теперь вдруг меня настигло осознание, что, собственно, наиглавнейшим делом моей жизни была именно благотворительность, добрые дела ради людей… Может, мне и показалось, но Анна Сергеевна намекнула, что именно это сыграло свою роль в том, чтобы наградить меня возможностью начать жизнь заново, став снова молодой и полной сил. О, я уже не буду «толстой старой немкой". На этот раз я буду стараться выполнять лишь то, что велит мне Господь, а не удовлетворять собственные амбиции… И, может быть, моя вторая жизнь будет значительно счастливее, чем первая. По крайней мере, я очень хочу на это надеяться.

Четыреста восьмидесятый день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Передача власти от Александра Павловича к Николаю Павловичу произошла так быстро, что никто даже и икнуть не успел. В принципе, так оно и задумывалось. Если бы мы не надавили на Александра Павловича и тот начал бы тянуть,

советоваться с приятелями и подхалимами, выслушивать нотации матери и так далее – то операция наверняка была бы сорвана и пришлось бы действовать по жесткому варианту. В Петербурге предостаточно влиятельных персон (не стоит забывать и о после Великобритании Эдварде Торнтоне), которым отставка Александра Павловича пришлась как серпом по детородным органам и, узнав о таком событии заранее, они, скорее всего, принялись бы действовать. Но после беседы с отцом Александром император загорелся идеей межмировых путешествий и жаждал приступить к ним как можно быстрее, забыв о прежних друзьях. О чем они там говорили под пологом безмолвия – неведомо даже мне, но не исключаю, что в беседе самолично принял участие сам Небесный Отец, уж слишком Александр Павлович был после нее тихим и покладистым.

Одним из последних указов уходящего императора по нашему настоянию было производство Михайлы Илларионовича Кутузова в генерал-фельдмаршалы, назначение его канцлером и регентом Империи, а также личным опекуном несовершеннолетних великих князей Николая и Михаила, с оставление за ним должности главнокомандующего русской армией. В общем, это означало для этого умнейшего человека высшую власть в России на ближайшие пять лет. В том числе на Кутузова легли обязанности обеспечить воспитание и образование юного императора и его младшего брата. На то, что в нашем варианте истории получилось из этих, в общем-то, неглупых и любознательных юношей, для меня без матерных слов смотреть было невозможно. Поэтому прежние воспитатели и учителя были немедленно отставлены с запрещением приближаться к своему бывшему подопечному даже на пушечный выстрел.

Вместо найма частных учителей, которые читали бы императору и его брату курсы различных наук, я посоветовал Михаилу Илларионовичу засунуть этих двух высокородных оболтусов в Царскосельский лицей – пусть профессора там выжимают из них все соки, а соученики, вроде уже обучающегося там Саши Пушкина, обеспечивают им приемлемую социализацию. Ведь не зря в древней Элладе было принято, чтобы дети царей обучались в гимнасиях и палестрах вместе с детьми ремесленников и земледельцев (которые, впрочем, тоже относились к благородному сословию воинов-граждан). В противном случае, считали в Древней Греции, будущие правители государств не смогут научиться противостоять психологическому прессингу со стороны таких же, как как они, властителей соседних царств, и окажутся в проигрышном положении. Вот и

сейчас лицейские оглоеды за пять (а фактически шесть) лет обучения так оботрут Николая Павловича, что в будущем разные там Меттернихи и Талейраны будут ему на один зубок.

Отсутствие такой социализации и было коренной бедой воспитания наследников престола на всем протяжении российской истории, начиная с провального сыночка Петра Первого Алексея и заканчивая последним монархом-неудачником Николаем Вторым. Ну какое же это обучение, если профессора только читают своему августейшему ученику курсы лекций, и при этом им запрещено задавать ему домашние задания и проводить опрос по пройденному материалу? И это при том, что впереди будущего царя ждет бурный и зловонный европейский «политик», а это такой гадюшник, в котором никто и никому не дает спуску. Стоит ли удивляться, что то одного, то другого русского царя европейские «партнеры» раз за разом обводили вокруг пальца: клялись в вечной дружбе, а потом предавали при первой же возможности. И только выросшие в совершенно нетепличных условиях сын грузинского сапожника Сталин и бывший дворовый хулиган Путин раз за разом заставляли европейских мошенников от политики удивляться неуступчивости этих лидеров СССР и России.

А посему, несмотря на то, что вчерне наше задание было выполнено, политическая ситуация в мире 1812 года в корне изменена, предстояло совершить тонкую донастройку системы… Так что, прежде чем начать готовиться к дальнейшему продвижению по мирам, мне требовалось провести небольшой такой саммит между Наполеоном Бонапартом и фактическим правителем русского государства фельдмаршалом Кутузовым при участии императора Николая Первого. Юноше уже было пора прививать опыт участия в таких вот посиделках мировых лидеров, после которых иногда меняется конфигурация мировой (в данном случае европейской) системы. Ведь Наполеоновские войны – это, по сути, первый в истории человечества общеевропейский конфликт, в который были на той или иной стороне вовлечены практически все мало-мальски значимые государства Старого Света. Эта война дала отголосок даже на американском континенте, где янки под шумок попытались оттяпать у наглов Канаду, но за нахальство крепко получили по сопатке. В этот раз, между прочим, все может быть совсем по-другому, ибо в условиях, когда Наполеон вернется в Европу с сильной армией и будет угрожать десантом на Британские острова, вряд ли сэры решатся послать в Канаду сильный экспедиционный корпус…

В башне Силы, в моем кабинете, за столом для совещаний по одну сторону сидят фельдмаршал Кутузов и юный император

Николай Палыч, а напротив них – император Франции Наполеон Бонапарт, за спиной которого стоит великолепная императрица Фира*, бывшая Гера, которая очень легко вжилась в эту роль и теперь чувствует себя в ней, как рука в перчатке по размеру. Кстати, Николай Палыч сражен Герой и смотрит на нее во все глаза: таких великолепных женщин в своей жизни он еще ни разу не видал, но та сосредоточена исключительно на своем «пупсике» и не обращает на юнца никакого внимания. Пусть смотрит – за просмотр денег не берут. Я же, как арбитр, медиатор и тамада этого сборища, размещаюсь на своем месте во главе стола. Переговоры в моем кабинете вести значительно удобнее, чем на плоту посреди Немана, а мир, который будет тут заключен, должен быть гораздо долговечнее Тильзитского, ибо гарантом выполнения этого соглашения должен стать Божий Гнев и мощь моей армии, а это отнюдь не те вещи, которые будет игнорировать любой вменяемый политик.

Примечание авторов: * *Фира сокращенная форма имени Глафира, полученного Герой в ходе крещения в мире Смуты.*

– Итак, господа, – говорю я, – итогом нашей сегодняшней встречи должен стать мир между Российской и Французской империями, который будет приемлем для обеих сторон не только сейчас, когда еще саднят раны, полученные в жестоких сражениях, но и на долгие годы вперед. В первую очередь России и Франции предстоит договориться о том, где будет проходить граница между двумя этими державами. Я предлагаю, чтобы новая граница проходила таким образом, что все народы, тяготеющие к России, оказались на ее территории; и наоборот, чтобы Франция получила земли, населенные теми людьми, которым милее европейские порядки. Говоря об этом, я имею в виду территорию бывшей Речи Посполитой и Австрийской империи. Пусть Франция забирает себе исповедующих католицизм поляков, словаков, венгров и австрийцев, отдав России земли, заселенные православными русинами: Галичину, Северную Буковину, Подкарпатскую Русь и Подляшье. Конечно, немало католиков останется проживать на территории России, а православных – на территории Франции, но на этот случай надо предусмотреть как возможность свободного переселения народа по обе стороны границы, так и равенство всех перед законами, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Ну что, у кого будут какие предложения?

В ответ Наполеон бросил в мою сторону угрюмый взгляд и спросил:

– Ваше предложение, месье Серегин, касается только бывшей территории Польши или же всех тех земель, на которых

вперемешку проживают католики и ортодоксы – например, Балкан?

– С Балканами, – сказал я, – вопрос особый. Там в настоящий момент господствует Оттоманская Порта, и прежде чем делить ее земли, их необходимо отвоевать, а это вопрос далеко не завтрашнего дня, как для России, так и для Франции. Вашей империи, дорогой Бонапарт, для начала необходимо решить британскую проблему, а России – разобраться с тем, что происходит на Кавказе. В любом случае Франции не стоит беспокоиться о Балканах, так как для нее значительно ближе территории Северной Африки от Египта до Марокко. Впрочем, Михайло Илларионович, России я бы тоже не советовал лезть в этот гадюшник. Простой народ там, может, и любит Россию, считая ее своей надеждой и избавительницей, зато так называемый «образованный класс» до крайности продажен и склонен к изменам и предательству. Эти люди способны одновременно вести переговоры с Россией, Францией и Турцией, и каждой стороне они будут предлагать свое. Как только вы влезете на Балканы, вас продадут и предадут задешево, такие уж там обычаи.

– Господин Серегин, – вскричал юный Император, – а как же защита православных от нечестивых магометан и наши мечты о водружении православного креста над храмом Святой Софии в Константинополе?

– Мечтать не вредно, – ответил я, – только, кроме самих мечтаний, необходимо представлять себе пути их реализации, иметь конкретные планы, выделенный под них наряд сил и средств, финансовые и людские резервы, подготовленные пути снабжения и прочие довольно рутинные вещи, без которых невозможен успех военной операции. Если у вас все это есть, то вы на пути к победе, если же нет, то непременно ждите поражения. Вот, присутствующий здесь Наполеон Бонапарт сунулся в Египет, не рассчитав сил, и проигнорировав тот факт, что его морские коммуникации могут быть легко перерезаны британским флотом, а потом едва унес оттуда ноги.

– О да, мой юный друг, – сказал упомянутый Бонапарт, – это действительно так. Дальние походы могут принести успех только в том случае, если ваш перевес над врагом является подавляющим, а местное население с радостью окажет вам поддержку, потому что ваш враг – это и их враг тоже. Таковы были походы Кортеса против ацтеков и походы Писарро против инков. Но турки сильны, очень сильны, и могут выставить на поле боя многотысячные армии…

– Суворов, – воскликнул юный император, – шестнадцатью

тысячами своих солдат бил сто тысяч турецких, при этом половину его сил составляли трусливые австрийцы, и только вторая половина была русскими чудо-богатырями.

– Так то Суворов, – поднял палец Наполеон, – он был военный гений, а такие рождаются раз в тысячу лет. Прорываясь через Альпы, он смог сбить с позиций и французские войска, а это, можете мне поверить, задача посложнее, чем палками разгонять каких-то турок, не знающих ни порядка, ни дисциплины.

– Господин Бонапарт сам себе противоречит, – сказал, обращаясь ко мне, Кутузов, – то у него турецкая армия настолько сильна, что мы ни в коем случае не должны с ней связываться, то она не знает ни порядка, ни дисциплины и ее можно разогнать просто палками.

– На самом деле противоречие тут кажущееся, – ответил я, – турецкая армия знает и порядок и дисциплину, но только пока командующий твердо стоит на своем месте. Если он покидает поле боя и обращается в бегство, за ним бежит и вся армия. Александр Васильевич умел нащупать во вражеском боевом порядке такое место, удар по которому приводил к разрушению строя и непосредственной угрозе ставке паши или сераскира. Естественно, тот обращался в бегство, а вслед за ним бежала и остальная турецкая армия. Причем зачастую в давке и при переправе через реки погибало даже больше турецких солдат, чем бывало убито непосредственно в сражении. Но если вы попытаетесь прожевать турецкую армию всю сразу, как она встала на поле боя, то сражаться османские аскеры будут яростно, с отчаянием обреченных, ибо позади турецкого войска уже ждут палачи, готовые отделить малодушные головы от грешных тел. И вот тогда вам понадобится все ваше мастерство командующего, а также преимущество в тактике и вооружении, чтобы разбить эту орду хотя бы при равном соотношении сил.

– Пожалуй, вы правы, Сергей Сергеевич, – кивнул Кутузов, – турки – это еще тот серьезный противник, которого не получится закидать шапками, поэтому на ближайшее время мы оставим их в покое. Но это только пока, а потом накопим сил и поглядим. Если наши западные границы будут в безопасности, то почему бы не организовать самого широкого наступления на гонителей христианской веры? Это дело еще впереди… Тут главное - договориться, чтобы прекратилась помощь Оттоманской Порте со стороны, в первую очередь, союзной нам теперь Франции…

Этот пассаж, насколько я понимаю, адресовался не нам с Наполеоном, а юному Николаю Павловичу, который рыцарственно рвался освобождать их-под магометанского ига разных там валахов, болгар, греков и сербов. Я понимаю, что

режут там православный народ без всякой пощады, но Балканы – это такой неудобный для России кусок, к которому и не знаешь с какой стороны подступиться, чтобы укусить. И туркам тоже верить нельзя – только хардкор, только полный военный разгром с аннексиями территорий и подготовкой к следующему этапу. Ведь в нашем прошлом у Николая Павловича эта тактика срабатывала вполне успешно; этап за этапом он давил Оттоманскую Порту и недалек уже был тот час, когда вопрос встал бы о Болгарии и даже самом Константинополе…

Но тут в дело вмешался европейский «политик» в лице недавно захватившего власть французского императора Наполеона Третьего, возжелавшего отомстить России за оккупацию Парижа в 1814 году и низложение с престола его великого дяди. Ну и, конечно, сыграла роль всем известная в наши времена бестактность Николая Павловича, который в частном письме с поздравлением к коронации вместо «дорогого брата» обозвал его «дорогим другом». В переводе с монархического на человеческий эта хлесткая, как пощечина, фраза означает «безродный выскочка». Ну и понеслись ретивые у импульсивного галла, так что хрен остановишь; и закончилась эта история только под Седаном, когда заносчивая Франция была разбита и низвергнута в прах. Но здесь и сейчас мы как раз и творим новую историю, свободную от этих лихих поворотов с ездой на одном колесе.

– Я торжественно обещаю, – тем временем сказал Наполеон, – что, вернувшись во Францию, положу конец той порочной системе, которую завел еще двести лет назад кардинал Ришелье…

Едва только Боня это сказал, как где-то в отдалении прогремел едва слышный раскат грома. Небесный Отец засвидетельствовал клятву французского императора (а значит, дана она была от чистой души), но если он ее все же не выполнит, то я ему не позавидую. Клятвы, которые засвидетельствовал Небесный Отец, необходимо выполнять как можно скорее и в полном объеме, а иначе вас, как злостного клятвопреступника, ждет геенна. Не любит Творец пустых клятв, произнесенных всуе, и поэтому за их неисполнение карает по полной программе. Впрочем, кроме меня и Геры-Фиры (которая от громового звука немного встревожилась), кажется, никто больше не понял, насколько серьезную заявку перед лицом Небесного Отца только что сделал Наполеон Бонапарт. С другой стороны, за язык его никто не тянул. Сам должен отвечать за свои слова.

Тем временем Кутузов сказал, что для начала этого будет вполне достаточно, хотя он бы прописал в будущем мирном соглашении обязательства России и Франции не вступать во

враждебные друг другу коалиции и никаким образом не помогать враждебным державам. Если Франция выйдет из всяческих отношений с Турцией, то и Россия обязуется прервать всяческие контакты с Британией…

– Да, – согласился Наполеон, – Турция и Британия, по сути, есть частные случаи одной общей проблемы, и если вы разорвете связи с Британией, то и мы сделаем то же самое в отношении Турции.

– Э нет, Боня, – резко сказал я, – так не пойдет! Ну-ка быстренько вспомни – кто тут кого победил и кто у кого в плену? Сначала пусть Франция прекратит поддержку Османской империи, не только государственную, но и на частном уровне, а уже потом Россия на тех же условиях разорвет контакты с Британией. Только так, и никак иначе!

Тут Бонапарт, набычившись, сказал, что он не может указывать своим буржуа, где и каким образом они должны вкладывать свои деньги. Мол, свобода частной инициативы, невидимая рука рынка и прочее бла-бла-бла.

– Все ты можешь, – с усмешкой сказал я, – попросишь – сделают как миленькие, и еще хвостиками вилять будут. А для самых непонятливых существует гильотина. Голова на плечах всяко дороже любых прибылей. И учти – в ближайшее время мы пойдем дальше вверх по мирам, но это не значит, что мы не будем держать руку на пульсе. У тебя есть новая супруга, которая сможет водить тебя с собой по мирам, а мы выведем на Зимний дворец небольшой такой портальчик. Армию через него не пропустишь, а вот фельдкурьер с посланием вполне пройдет. И если что-то пойдет не так, то… ты меня понял. Не заставляй меня жалеть о проявленной доброте. Мало в таком случае не покажется никому.

– Не надо меня пугать, месье Серегин, – буркнул Наполеон, – я и сам прекрасно представляю себе, что будет, если я не выполню условий нашего договора…

– Ну, вот и замечательно, – кивнул я. – А теперь давайте поговорим о том вопросе, который разрушил с виду такой хороший Тильзитский мир. Я имею в виду торговлю. Для того, чтобы Россия придерживалась политики континентальной блокады, необходимо, чтобы Франция покупала и продавала тот же ассортимент товаров и в том же объеме, что и Британия. И учти – торг тут неуместен. Если ты не сможешь заместить выпадающие источники поставок и рынки сбыта, никто твою блокаду соблюдать не будет. И касается это, кстати, не только России, но и прочих стран Европы. Я тебе уже говорил, что с самого начала это была дурацкая затея, вроде плевков против

ветра. Такими вещами стоит заниматься, когда хочешь перетянуть экономическое одеяло на себя, а не для того, чтобы просто сделать гадость соседу. И вообще, во всех своих делах ты надеешься только на военную силу, но она не всемогуща. Армиями можно лишь завоевать Европу, но править ею получится только при помощи товарных потоков, если удастся замкнуть их через твою Францию. Жить в объединенной европейской Империи должно быть выгодно. Если ты не сможешь этого сделать, то пройдет совсем немного времени – и даже при отсутствии поражений твои ветераны состарятся, ты сам уйдешь в небытие, и уже при твоем наследнике созданное тобой государство сотрясет серия бунтов, после которой оно рухнет в прах. Товарный дефицит не восполнить ни пропагандой, ни полицейскими мерами, и если необходимые ему товары народ будет вынужден покупать у контрабандистов, обречена будет не только политика континентальной блокады, но и сама Французская Империя.

– Возможно, вы и правы, – согласился Наполеон, – но что делать нам, французам, если у нас не хватает ни промышленных товаров на продажу, ни возможностей скупать в европейских странах все, что раньше скупали британцы?

– Ответ прост, – сказал я, – вам нужно начать процесс индустриализации, то есть ускоренного перехода от вашей аграрно-кустарной экономики к индустриальной, с преобладанием промышленного производства. Должен сказать, что этот мир стоит на грани первой научно-технической революции, когда промышленность для привода в движение механизмов от естественных источников энергии (вроде мускульной силы других людей и животных, а также силы ветра и текущей воды) перейдет к приводу от паровых машин, мощность которых будет непрерывно возрастать. Если вы поймаете этот момент раньше британцев, то будете на коне. Паровая машина способна многократно увеличить производительность одного рабочего, кроме того, промышленные агрегаты, приводимые в движение такими машинами, не зависят от наличия поблизости подходящих рек и ручьев, а также на них не влияет такая непредсказуемая вещь, как ветер. Впрочем, рассказывать об этом можно бесконечно. Гера, будь добра, отведи своего супруга к Ольге Васильевне, и пусть она подберет ему подходящую литературу…

– Хорошо, месье Серегин, – сказал Бонапарт, вставая, – я обдумаю ваше предложение и сообщу вам результат, скажем, через три дня. Месье Кутузов и вы, ваше императорское величество, я крайне польщен знакомством с вами и надеюсь продолжить его в более благоприятных обстоятельствах. Оревуар.

Когда Наполеон и Фира-Гера вышли (пошли в библиотеку), молчавший до того Николай Павлович посмотрел на меня непонимающими глазами и спросил:

– А разве нам, в России, не нужно заниматься этой, как его, индустриализацией. Почему вы дали такой совет Франции и промолчали о Российской Империи?

– А потому, – ответил я, – что для России индустриализация сейчас по всем канонам преждевременна. Прежде чем бросить в почву зерно, ее требуется унавозить и вспахать; и только тогда ваш посев принесет, как написано в Библии, плод сторичный. В первую очередь индустриализация призвана обеспечить потребность населения государства в промышленных товарах собственного производства, во вторую очередь – потребности военного и иных государственных ведомств, и только избыток товаров может быть направлен на экспорт за рубежи державы. В России же подавляющее большинство населения ничего не покупает и не продает, и из-за этого частный платежеспособный спрос на промышленные товары имеет совершенно ничтожные объемы, которые выгоднее удовлетворять поставками из-за границы. Почти вся российская промышленность предназначена либо для удовлетворения государственного интереса (по преимуществу военного ведомства), либо продает свой продукт на экспорт. Для новых заводов в этой системе просто нет места, и потребность государства в промышленных товарах, и экспортный потенциал относительно стабильны, так что продукцию новых предприятий просто некуда будет девать. Частного же платежеспособного спроса у вас сейчас почти нет, а чтобы он образовался, необходимо чтобы промышленные товары начали покупать все слои общества, а не только весьма незначительная по числу людей верхушка. Кроме того, развивающейся промышленности нужны свободные рабочие руки, и чем больше, тем лучше. Отсюда вывод – чтобы государство могло нормально развиваться, необходимо срочно решить вопрос с крепостной зависимостью крестьян, причем решить его так, чтобы не возложить на это крестьянство непосильное для него финансовое бремя. В таком случае будет лучше мужиков и вовсе не освобождать, ибо если они и освобожденные продолжат влачить все то же (а то и хуже) нищенское состояние, то и дарованная им свобода будет напрасной. Для того, чтобы Россия успешно развивалась, необходимо чтобы основная часть ее население была свободной, зажиточной и образованной, ибо чем выше по потоку времени поднимается мир, тем более востребованными становятся образованные люди. И с этим уже ничего не сделать. Если вы не хотите, чтобы Россия необратимо отстала от

европейских стран (в первую очередь от той же Франции), то начинать работу над изменением внутреннего устройства государства Российского требуется прямо сейчас.

Не знаю, убедил я их или нет. На лице Павловича был написан непробиваемый скепсис, да и Михайло Илларионович, видимо, надеявшийся, что мы преподнесем ему некий чудо-рецепт, после применения которого дела в экономике начнут решаться сами собой, тоже явно был не в восторге от услышанного. От этого их кислого вида внутри меня стало нарастать глухое раздражение, грозившее перерасти в самый настоящий божественный гнев. Говорят, Зевсий в такие моменты выбегал на крыльцо дворца и с высоты Олимпа метал в смертных раскаленные добела молнии, по принципу «на кого Бог пошлет». Но я-то не Зевсий и молниями в невинных людей просто так, ради того чтобы сорвать злость, кидаться не буду.

– Значит так, господа, – сказал я своим подопечным, – вы можете мне верить или нет, но все, что я вам сейчас сказал, является чистейшей правдой. В ближайшее время мы двинемся в следующие миры вверх по течению времени, и вы, Михайло Илларионович, и вы, Николай Павлович, сможете собственными глазами увидеть, к чему может привести игнорирование моих слов. Для вас несколько месяцев или год-два не значат почти ничего, а мы за это время заберемся настолько высоко, насколько нам это позволят задания Небесного Отца. Не зря же говорят, что лучше учиться на чужих ошибках, чем набивать собственные синяки и шишки.

– Очень хорошо, Сергей Сергеевич, – сказал Кутузов, вставая, – вы на нас не обижайтесь, но для людей нашей эпохи действительно очень трудно осознать то, что вы сказали. Мы с Николаем Павловичем внимательно обдумаем ваши слова, воспользуемся вашим предложением посмотреть, как живут люди в будущих мирах, и только потом, если это будет возможно, вернемся к этому вопросу. А сейчас позвольте откланяться, ибо вы человек занятой, да и нам тоже нужно о многом поговорить. Давайте встретимся тут через три дня, когда господин Бонапарт дозреет до завершения переговоров, и окончательно решим те дела, которые не касаются изменения внутренней сущности Российской империи.

Пятьсот второй день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Со времени первых переговоров фельдмаршала Кутузова, юного императора Николая Павловича и Наполеона Бонапарта

прошло чуть больше трех недель. За это время утекло много воды и было сделано много дел. Во-первых – после нескольких встреч с моим личным участием высокие договаривающиеся стороны все же пришли к соглашению, определив начертание будущей российско-французской границы, а также разделив сферы влияния и направления экспансии. С моей точки зрения, уступка Польши французам рано или поздно выйдет наполеоновской Империи боком. Однажды пшеки проявят гонор и своеволие, взбунтуются против французских законов – и тогда уже французской армии придется усмирять этот мятеж залпами картечи. Ведь нет для поляка большего удовольствия, чтобы обливать грязью тех, кого он еще вчера называл благодетелями. Без этого польская натура просто не будет счастлива. Ну да ладно, будущие бунты в Великом герцогстве Варшавском – это проблема Бонапарта и… поляков. Французы – они не русские, и в случае оказания серьезного систематического сопротивления вмиг зачистят эту территорию до белых костей. Новая Каледония и Гвиана (или куда там еще французы ссылают каторжников) быстро заговорят по-польски. И вот тогда поляки пожалеют, что вошли в сферу интересов французской империи, а Наполеон раскается в том, что он их вообще туда взял, но будет уже поздно.

Впрочем, хлопот у Бонапарта хватит и без поляков. Главным его врагом является Британия, которая не успокоится, пока Французская Империя не будет полностью уничтожена. Кстати, для джентльменов проведенная нами рокировка с заменой Александра на Николая явилась полной неожиданностью. Но еще большей неожиданностью стало назначение фельдмаршала Кутузова Канцлером Империи и воспитателем-наставником юного государя. Британский посол Эдвард Торнтон, сопровождавший Александра Павловича (тогда еще императора) в его поездке к армии, пылая гневом, примчался в Ставку к Кутузову, но при визите к русскому Канцлеру проявил грубость и был с позором выдворен из Ставки в Горках, с повелением в кратчайший срок покинуть пределы Российской империи. В противном случае незадачливого потомка морских разбойников обещали гнать палками до самой границы. Да уж, фельдмаршал Кутузов – это глыба мысли и настоящий человечище, седой Лис Севера, не то что бывший император Александр Павлович по прозвищу «ни рыба ни мясо».

Дальнейшие события происходили под кровлей Большого Кремлевского дворца, где в ожидании санного пути остановились юный император и его воспитатель-наставник. Въезд Николая Павловича в северную столицу планировалось осуществить при полном параде, в сопровождении гвардейских полков,

возвращающихся в пункты своей постоянной дислокации. Путешествие из Москвы в Петербург санным путем через всю северо-западную Россию станет первым уроком жизни, преподанным фельдмаршалом Кутузовым юному императору. Нечерноземье, так его за ногу; в других местах, где земля пожирнее, мужики живут все же получше. И дело тут даже не в том, что Михайло Илларионович является пылким либеральным радетелем «за мужичков». Совсем нет. Просто он понимает, что исполинское здание Российской империи стоит на этих мужиках как на фундаменте, и если этот он даст трещину, то и державе не устоять. В нашем прошлом император Николай Павлович понимал такие вещи чисто инстинктивно, но в силу общей малообразованности (спасибо мамочке, подобравшей таких учителей) просто не знал, за что ему хвататься.

Кстати, о мамочке – то есть о Марии Федоровне, вдове императора Павла Первого. Процесс ее омоложения и улучшения подходит к концу. Сейчас ее уже не держат непрерывно в ванне с магической водой, и все необходимые процедуры у Лилии и миссис Зул она проходит, так сказать, амбулаторно. Видел я результат этих процедур, и могу сказать, что, наверное, непросто уравновесить такой огромный бюст. Сиськи у этой мадам по впечатлению затмевают все остальные части тела; лица же, можно сказать, на их фоне и не видно. Сначала я думал, что это просто мадам Зул перестаралась в следовании местным лекалам женской привлекательности, но оказалось, что это не так. И в своей первой жизни София Мария Доротея Августа Луиза очаровала цесаревича Павла именно своими титаническими сиськами, наверное, годными даже для книги рекордов Гиннеса. Впрочем, меня этот вопрос волнует мало. Мне хватает и тех довольно приличных по размеру полушарий, которые имеются у моей Елизаветы Дмитриевны, хотя они и не идут ни в какое сравнение с выменем омоложенной вдовствующей императрицы. Сразу видно – порода!

Впрочем, бюст Марии Федоровны оказался не главной ее особенностью. Вместе со второй молодостью к ней пришла неудержимая любвеобильность. В тот раз весь свой пыл она отдавала мужу, которому дарила по одному ребенку в год, а теперь ее кавалеры прямо тут, в тридесятом царстве, меняются со стремительностью калейдоскопа. Едва выйдя из ванны, мадам пристрастилась к танцулькам, и бывает, что на протяжении одного вечера она меняет по два-три кавалера, стремясь урвать от этого праздника жизни все возможное. С заклинанием, предотвращающим заражение нехорошими болезнями, все это для нее вполне безопасно. Единственный, кто ворчит по поводу ее

безумного беспутства, это экс-император Александр Павлович, использующий Тридевятое царство как базу для краткосрочных путешествий в соседние миры. Но Мария Федоровна, раз за разом погружаясь в пучины сладострастия, не обращает на нотации старшего сына ровным счетом никакого внимания.

У Наполеона и Геры-Фиры отношения тоже развиваются своим чередом. В отставной царице Олимпа, Бонапарт снова нашел то, что так ценил в Жозефине – то есть тонкий ум, такт и способность в нужном месте в нужное время дать нужный совет. А кроме того, она сексуальна, величественна, и без всяких стилистов способна одеваться так, что у людей челюсть на пол падает. Отставленная нами Мария-Луиза по сравнению с новой императрицей – это просто ничем не примечательная серая мышка. Наполеон постоянно всем рассказывает про свою новую жену и говорит, что когда они вернутся во Францию ко двору, то Фира Великолепная заблещет на приемах с удвоенной силой. Пожалуй, так и будет. У Геры есть огромный опыт тех времен, когда она на Олимпе была женой Зевсия, и она прекрасно умеет пользоваться предоставленными возможностями и делать хорошую мину при плохой игре. Хотя, скорее всего, последнее искусство ей пока не требуется, ибо в окружении Наполеона она действительно вне конкуренции.

Заканчивает свой курс подготовки к должности царицы Таврии (Крыма) и та самая отставная императрица Мария-Луиза. Умница и красавица, она делит свое время между оздоровительными процедурами у Лилии и библиотекой, где подолгу беседует с Ольгой Васильевной. Дело в том, что, узнав о возможности быстро овладеть нашей речью, Мария-Луиза потребовала, чтобы Дима-Колдун немедленно «записал» в нее русский язык в максимально полном объеме. Вот такие две бывшие императрицы: одна, омолодившись, меняет мужиков вместе с нижним бельем, другая прописалась в библиотеке и познает мир, глядя на него глазами авторов книг. Впрочем, мужики – точнее, образованные и уточенные мужчины, – от Марии-Луизы тоже не уйдут. Сам видел ее на танцульках за столиком погруженной в высокоинтеллектуальную беседу с Прокопием Кесарийским и горячим армянином Нарзесом, который теперь больше не евнух. Думаю, что второй вариант вернее. Прокопий – он как есть не от мира сего, и видит в Марии Луизе скорее интересного собеседника, чем будущую спутницу жизни, а вот Нарзес после омоложения стал настоящим кавказским джигитом. М-да, подтверждается старая истина, что, мол, «никуда не денется, влюбится и женится», то есть выйдет замуж. К тому же в самом ближайшем времени в Крым должны

явиться тюркотские орды, и хороший полководец (да еще и со связями в Византии и у нас в Артании) царице Таврии ой как понадобится.

Но это будет через год, два, а сейчас пока в Таврических степях все тихо: не стучат копыта коней, не слышно ржания полудиких жеребцов, не свистят стрелы и не льется людская кровь на пожухлую степную траву. Но это затишье временное, и гроза уже не за горами. А так как я дал клятву артанам защитить их в случае смертельной угрозы, то я должен быть готов уничтожить тюркотскую орду, едва она начнет представлять угрозу моему детищу. Свежесрубленный, еще пахнущий сосновой смолой, Китеж-град, раскинувшиеся вокруг среднего течения Днепра бескрайние поля, мирные веси антов и села моих данников, переселенных с других земель – все это нуждается в моей защите; и едва в отдалении прогремит гром войны, я явлюсь туда конно, людно и оружно, чтобы преподать недругам еще один кровавый урок. Послы к хану тюркотов Истеми уже отправлены, и, если он не захочет внять моему предупреждению, то пусть пеняет на себя. Мой ответ не заставит себя ждать.

Но и это тоже будет потом – может, следующей весной (в данный момент в мире Славян октябрь 562 г.), а может, и через полтора года; а пока мы готовимся к переходу на следующий уровень. Колдун уже прозондировал каналы и сказал, что ведут они куда-то в осень 1854 – весну 1855 года христианской эры. Точность пока плюс-минус лапоть, но непосредственно к моменту открытия канала мы будем знать уже точнее. Итак, возможно, нам снова предстоит иметь дело с императором Николаем Первым, но только уже старым, находящемся на грани отчаяния и разочаровавшемся в деле всей своей жизни. Но мы знаем точно – пока держится Севастополь, ничто еще не предрешено, все можно обратить вспять. Чем мы с ведома и по поручению Небесного Отца и займемся…